

An illustration of a soldier in a trench, wearing a brown uniform and a helmet. The soldier is looking down at a large knife lying on the ground. The scene is set in a trench with a concrete wall on the left and a bright light source on the right, creating a dramatic atmosphere.

Лоуренс Гонсалес

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

Психология поведения
в экстремальных
ситуациях

- [Лоуренс Гонсалес](#)
 - [Остаться в живых. Психология поведения в экстремальных ситуациях](#)
 - [АННОТАЦИЯ](#)
 - [Правдивые истории об удивительной стойкости и случайной смерти](#)
 -
 - [* * *](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Несчастные случаи: почему люди погибают](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [«Осторожнее, Рэй Чарльз приближается...»](#)
 -
 - [Глава 2](#)
 - [Воспоминания о будущем](#)
 -
-

Лоуренс Гонсалес

Остаться в живых. Психология поведения в экстремальных ситуациях

Название: Остаться в живых. Психология поведения в экстремальных ситуациях

Автор: Гонсалес Лоуренс

Издательство: Манн, Иванов и Фербер

Страниц: 390

Год: 2014

Формат: fb2

АННОТАЦИЯ

Никто из нас не застрахован от смертельно опасных ситуаций, но немногие знают, как нужно правильно действовать в таком положении, как не поддаваться эмоциям и преодолевать подобные ситуации. Эта книга дает глубокое представление о природе и психологии выживания.

***Правдивые истории об удивительной
стойкости и случайной смерти***

Laurence Gonzales

DEEP SURVIVAL

Who Lives, Who Dies, and Why

True stories of miraculous endurance and sudden death

* * *

Посвящается моему отцу
Отец, с высот проклятий и скорбей
Благослови всей яростью твоей —
Не уходи безропотно во тьму!

Дилан Томас

[В переводе В. Бетаки]

Пролог

ДЕТЯМ ЧАСТО РАССКАЗЫВАЮТ удивительные истории. Дети подрастают и начинают понимать: в услышанном нет ни капли правды. Когда я был маленьким, то тоже слушал разные фантастические истории, правда, потом обнаружилось, что все они правдивые. Чем старше я становился и чем больше вникал в их подробности, тем все более они превращались в подлинные и одновременно все более становились нереальными.

Мои детские истории отличались от тех, которые обычно рассказывают другим детям. Мои казались невероятными, страшными и очень горестными. Поэтому я не делился ими со своими сверстниками – все равно вряд ли кто из них поверил бы мне. Одной такой историей был рассказ о юноше, падающем с неба. Но, в отличие от взлетевшего к самому солнцу Икара, этот юноша не успел подняться слишком высоко. На расстоянии восьми тысяч метров от Земли в его самолет попал немецкий снаряд, выпущенный из восьмидесятывосьмимиллиметрового зенитного орудия, защищавшего небо над сортировочной станцией под Дюссельдорфом. Юноше повезло больше, чем Икару, – он выжил. И вот сейчас я пишу о нем.

Мой отец, Федерико Гонсалес, встретил конец Второй мировой войны в звании первого лейтенанта^[1]. Он был командиром «Боинга» В-17 – бомбардировщика, называвшегося еще «летающей крепостью». Летал отец в составе Восьмой воздушной армии США, служба в которой на том этапе военных действий для многих молодых летчиков стала наикратчайшим путем в мир иной^[2]. Отцу предстояло совершить на «летающей крепости» свой последний, двадцать пятый вылет. Дело в том, что он вместе с приятелем Дэвидом Свифтом подал прошение о переводе на «Мустанг» Р-51 – одноместный истребитель, получивший название «крылатый рыцарь». Летать на истребителях было его давней мечтой, но какие-то обстоятельства все время мешали этому. Отец поступил на военную службу перед самым началом войны и попал в конное подразделение Кавалерийской дивизии. Он мог на полном скаку выпустить в мишень из своего М-1911 сорок пятого калибра всю обойму, потом в один миг развернуть лошадь и

перезарядить кольт – и снова расстрелять всю обойму, попадая ровно в цель. Но после начала Второй мировой войны конницу упразднили, а Кавалерийская дивизия, сохранив свое название, стала бронетанковой дивизией Армии США. Отец в поисках нового места службы, не уступающего по драйву предыдущему, открыл для себя самолеты. Он решил стать летчиком-истребителем, но армия нуждалась в летчиках-бомбардировщиках. Через сорок пять лет один из его командиров сказал мне: «У твоего отца врожденный талант управлять самолетом».

«Боинг» отца был сбит 23 января 1945 года в небе над Германией, во время одной из тех массированных атак, которые в конце войны проводили в глубоком тылу врага бомбардировщики Восьмой воздушной армии США. Перед вылетом командир Триста девяносто восьмой бомбардировочной группы попросил второго летчика постоянного отцовского экипажа остаться на земле. Полковник Фрэнк Хантер хотел лично наблюдать весь рейд из кабины «Боинга» В-17 – ведущего группы бомбардировщиков, – поэтому сам занял правое кресло, то есть место помощника командира корабля. Перед рассветом бомбардировщики поднялись с аэродрома в Нутампстеде, своей военной базы в Англии, и взяли курс через Ла-Манш на Германию.

Самолеты, достигнув цели, вышли на атаковую позицию. Именно в этот момент зенитный снаряд попал в левое крыло «Боинга» моего отца, задев первый двигатель. Во время нанесения бомбового удара бомбардировщики не могут маневрировать и уходить от огня зениток, иначе бомбы не попадут в намеченные объекты. Этой боевой группе крайне не повезло – их ведущий был подбит с первого раза. Снаряд нанес машине смертельную рану – в девяти из десяти случаев она оказывалась фатальной и для всего экипажа. После того как последовал оглушительный грохот удара, отец понял, что бомбардировщик обречен. Он повернулся к полковнику Хантеру и промолвил: «Ну вот и всё. Кажется, приехали».

Самолет, перевернувшись кабиной вниз, падал, крутясь вокруг своей оси, и никак не реагировал на попытки отца его выровнять. По внутренней связи отец дал команду экипажу покинуть воздушное судно, хотя не знал, работает ли переговорное устройство или разбито осколками снаряда. Мир вокруг потускнел и окрасился в незнакомый тошнотворный цвет. Одновременно зажглись все огни и зазвучали все приборы всех систем сигнализаций – так протестовал

бомбардировщик против врывавшихся в разбитые окна кабины порывов ветра. Смертельно раненная машина ревела, стонала и выла. Отец посмотрел в сторону полковника и понял, что тот уже мертв. Убит во время взрыва осколком снаряда или оторвавшейся частью самолета.

В крутящемся самолете, сам повиснув вниз головой, отец нащупывал под сиденьем парашют. Во время попадания снаряда бомбардировщик летел на высоте восемь тысяч метров. Отец не представлял, на каком расстоянии от земли он находился после взрыва, но понимал, что пора прыгать. По уставу каждый член экипажа на протяжении всего полета обязан находиться на боевых местах с надетым парашютом, но такому бывалому, такому уверенному в себе асу, каким был мой двадцатитрехлетний отец, казалось чертовски неудобным высидеть десять часов полета с парашютом за спиной. Любой опытный летчик скажет вам, что так или иначе, но в подобной ситуации шансы на выживание совсем мизерные: медленно спускающийся человек под огромным тринадцатиметровым куполом представляет собой великолепную мишень для снайпера. А в те тяжелые для местного населения годы не только солдаты вермахта, но и крестьяне баловались стрельбой по американским пилотам, которые выбрасывались с парашютами из подбитых самолетов. Женщины и дети собирали все ценное, что могли найти среди обломков бомбардировщика: нейлон, шерсть, пластик, металлы всех видов, парашютный шелк, спасательные маски, инструкции и всевозможные карты.

Из-за дурацкого ремня безопасности отец не мог дотянуться до парашюта. Центростремительная сила бросила его на приборную доску; ударом перебило толстую резиновую трубку, по которой кислород поступал в маску, и он почти лишился сознания. Лежа ничком на приборной доске и зная, что самолет быстро теряет высоту, отец с трудом – руки налились свинцовой тяжестью – снял с себя маску. Боковым зрением он видел, как безжизненно болтается на пристяжных ремнях тело Хантера. Отец сделал глубокий вдох. «Проклятье! – пронеслась последняя мысль. – Высота все еще больше шести километров», – и окончательно потерял сознание от кислородной недостаточности.

Пока он пребывал в бессознательном состоянии, самолет успел развалиться на две части. Между тем стоящая внизу старая фрау Пайффер с интересом наблюдала, как с небес валятся люди. Из десяти членов экипажа выжил только один – мой отец. Нетрудно догадаться, что от падения с такой высоты у него было сломано и повреждено практически все.

Отец пришел в себя. И понял, что уже не падает. Он лежал на земле внутри разбитой кабины, сквозь которую ему было видно небо; со всех сторон его сдавливали резиновыми и алюминиевыми кусками от приборной доски и руля управления. Казалось, он рождается заново, но теперь – из чрева самолета, чьи обломки уберегли его, словно материнская плацента. В прогале бывшего окна кабины возникла человеческая фигура. Это был немецкий крестьянин, взобравшийся на обрубок правого крыла. Он держал пистолет и целился отцу в голову. Бомбардировки союзников не пользовались популярностью среди местных жителей, и они, когда предоставлялась такая возможность, без сожаления убивали американских летчиков. Довольно отрешенно отец созерцал, как крестьянин нажимает на спусковой крючок.

В ДЕСЯТИЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ, то есть в 1958 году, я начал подрабатывать в Хьюстонском медицинском центре, вернее в его учебной лаборатории, где мой отец проводил биофизические исследования. Я уговорил его взять меня туда на работу, поскольку хотел поближе узнать, чем он занимается. С пяти лет я забрасывал отца вопросами о его работе, но он никогда не мог толком объяснить, в чем она состоит. Почему-то другие родители умудрялись рассказывать детям о своих занятиях, а моему отцу никак не удавалось. Мне, ребенку, это казалось крайне подозрительным. Наконец, когда мне исполнилось восемь лет, отец позволил мне приходить к нему в лабораторию после школы и в выходные дни; и я, не забывая наблюдать за тем, что он делает, мыл пробирки и выполнял самую разную неквалифицированную работу. Постепенно отец стал поручать мне все более и более ответственные задания. Я овладел наукой подготавливать препараты для микроскопов раньше, чем научился танцевать.

На заре моей «научной карьеры» моей основной обязанностью было собирать и выносить мусор в специальное помещение, где

находилась мусоросжигательная печь. Этот мусор состоял из разрезанных мышей и тому подобных лабораторных отходов. Я тащил набитые мешки по кафельным плитам длинного коридора, тускло освещенного с обеих сторон стеклянными витринами, где на полках стояли залитые формалином банки разной величины, а в них находились демонстрационные образцы. Человеческая голова, аккуратно нарезанная ломтями по три сантиметра шириной. Масса зародышей самых разных стадий развития. Безголовый и безрукий торс женщины, распиленный пополам от грудины до лобка. Этот торс, плавающий в формалине, вполне мог привидеться в кошмарном сне в виде сюрреалистической насмешки над боттичеллиевской Венерой, выходящей из морской пены.

Я доходил до печи и отодвигал ее тяжелую проржавленную железную дверь. Однажды, собираясь закинуть в ревущую огненную пасть очередной мешок, я заметил торчащую из огня человеческую руку. Почему-то в первый момент меня охватило чувство возмущения, и только потом пришел страх. Я понял, что именно здесь, в этом пламени, когда-то исчезли руки и остальные недостающие части тела моей Венеры. И следующей реакцией стал вопрос: «Какого черта я здесь делаю?» Тогда мне не удалось найти ответа, но позже он появился. Я пытался идти по отцовскому следу, мне хотелось проникнуть в его тайну: из какого такого добротного материала вылеплен мой отец. Ведь сыну должно учиться у своего родителя, разве не так?

Отец был научным исследователем, поэтому и я рос с верой в науку. Сам еще не понимая этого, я начал поиски универсальных правил – законов жизни.

МОЙ ИНТЕРЕС К ВОПРОСУ ВЫЖИВАНИЯ возник довольно рано. Будучи еще малым дитем, я стал задумываться над отцовскими рассказами о войне. Мне виделся какой-то глубокий смысл в том, что многие люди погибли, а он остался в живых. Снова и снова выслушивая его историю, я никак не мог постичь мучившую меня тайну: раз отец выжил – значит, он обладает какими-то особыми, секретными качествами. Казалось, мне тоже просто немедленно нужно стать таким же, как он.

Постепенно у меня начала складываться определенная теория: чтобы выжить, необходимо закалиться в огне опасности. Мне

мерещилось, что даже повседневная жизнь отца была наполнена гибельным риском, ведь на работе его окружали мертвецы. А он живет и смеется в лицо смерти. В результате я начал искать опасные ситуации и сознательно шел на риск, чтобы иметь возможность испытать себя. Мы жили на юго-востоке Техаса рядом с заболоченным участком реки, где водились крокодилы, страшно кусачие каймановые черепахи, разные ядовитые змеи вроде водяных щитомордников и гремучников. И я, семилетний мальчик, решил осваивать наши дикие необжитые места со всей этой смертельно опасной нечистью. Техасские болота стали моей личной средой обитания. У моей немки-матери, с ее католическими ирландскими корнями, было слишком много детей, чтобы она могла уследить за всеми. Поэтому я, не ощущая никакого контроля, жил совершенно своей жизнью.

В четвертом классе я стал описывать те опасные ситуации, которые сам для себя выбирал. К своим двадцати годам я уже делал это в качестве журналиста. Через тридцать лет ко мне пришло понимание, что я с детства, сам того не подозревая, только и занимаюсь проблемой выживания. Однако всякий раз, особенно после очередной сложной командировки, меня мучают сомнения: овладел ли я этим знанием? стал ли настоящим специалистом по выживанию? или остались еще не изведенные мною тайны?

Я научился управлять самолетом. Изучал крупные авиационные катастрофы, писал о пограничных ситуациях, когда человек находится между жизнью и смертью, – о тех моментах, через которые прошел и мой отец.

При моем почти врожденном интересе к науке я искренне полагал, что существуют специальные исследования и с их помощью мне откроются тайны выживания. Много, с чем мне приходилось сталкиваться, без научного взгляда казалось просто необъяснимым. Как, например, вполне здравомыслящий человек может совершать безрассудные поступки, пренебрегая всеми рациональными советами опытных людей, подвергая себя смертельной опасности в полном противоречии со здравым смыслом и голосом разума? Почему абсолютно адекватный человек не хочет прислушаться к тому, что если он направит свой снегоход вверх по склону, то спровоцирует смертельно опасную снежную лавину? Тем не менее он делает это и погибает. Отчего пожарный или опытный турист продолжает упорно

идти, хотя понимает, что сбился с верного направления, и окончательно теряется в дремучей тайге? По какой причине в море умирают аквалангисты, хотя в их баллонах еще остается воздух? Что заставляет их вынимать изо рта трубку и задыхаться под водой? Если можно было бы магическим образом, за секунду до рокового момента, перенести какого-нибудь аквалангиста на сушу и поинтересоваться: зачем он собирается это сделать? – он не смог бы объяснить своего поведения. Ведь он прекрасно понимает, насколько необходим для его выживания под водой доступ к воздуху. Если можно было бы силой волшебства спросить аквалангиста уже после его гибели: зачем? – он сказал бы, что намеревался жить и вовсе не предполагал вынимать изо рта трубку.

Я прочитал сотни отчетов о трагических происшествиях и гибели людей, я написал на эту тему массу статей. Иногда мне кажется, что внутри человека присутствует необъяснимая сила, толкающая его совершать сумасшедшие поступки. Большинству людей сложно представить, что разум не всегда контролирует наше поведение. Мы верим в рациональное мышление и свободу воли. Однако так или иначе, но меня не перестают изумлять вполне разумные и рассудительные люди, начинающие действовать иррационально.

Равным образом меня ставят в тупик и те, кто выживает в чрезвычайных обстоятельствах. Я знаю ситуации, когда опытный охотник может потеряться в лесу и навсегда исчезнуть за одну ночь, а четырехлетний ребенок, попавший в такие же условия, выживает. В дрейфующей в океане лодке находятся пятеро людей – спасаются из них лишь двое. Что оказывается решающим? Как выживали люди в концентрационных лагерях? Почему в Антарктиде группа Эрнеста Шеклтона не потеряла ни одного человека, тогда как вся экспедиция Роберта Скотта погибла? Благодаря чему смогла выбраться из перуанских джунглей семнадцатилетняя девушка, а взрослые, потерявшиеся вместе с ней, сдались и умерли? Ученые любят анализировать вероятности, устанавливать закономерности и всегда ищут возможности для прогнозирования, но, как выясняется, способность к выживанию предсказать необыкновенно сложно. Тем не менее, изучая множество бедствий, скрупулезно перебирая мельчайшие детали катастроф, я начинал нащупывать некоторые принципиально важные схемы поведения.

Большинство ответов и выводов, к которым я пришел за долгие годы исследований и журналистской работы, не представляют собой ничего особенно нового. Я познакомился с последними исследованиями по вопросам, которые на самом деле ставились и изучались сотни и даже тысячи лет назад: функции человеческого мозга, психология принятия рискованных решений, основные принципы выживания. Причем последние применимы не только в моменты спасения в дикой местности. Универсальные правила выживания способны принести пользу в любой трудной ситуации, связанной с повышенным нервно-эмоциональным напряжением: развод; потеря работы; тяжелые физические травмы; борьба с болезнью; управление предприятием в стремительно изменяющемся мире.

Как правило, считается, что для выживания в дикой местности необходимы специальное снаряжение, почти профессиональная подготовка и богатый опыт. Все так, но в минуты страшного испытания вдруг выясняется, что не это самое главное. Тот, кто хочет испытать себя в диких условиях, или тот, кому не хватает адреналина и кто желает пощекотать нервы в непривычных обстоятельствах, довольно быстро осознает, что и опыт, и тщательная подготовка, и современная экипировка – все это в самый опасный момент может легко подвести. Человека с западным складом ума доводит до бешенства сама идея, что переход той грани, которая отделяет мир живых от царства мертвых, не сводится ни к степени его подготовленности, ни к тому, насколько правильно собран рюкзак. Его знания и психологический настрой в конечном счете тоже не влияют на возможность выживания или гибели. Наверное, мысль моя покажется излишне сентиментальной и даже плоской, но легкое движение весов, на которых лежат ваша жизнь и смерть, зависит от того, что накоплено у вас в душе.

Чем дальше идешь, тем меньше знаешь.

Дао дэ цзин, § 47

Как я сюда попал и как мне отсюда выбраться? Как все это закончится?

Сёрен Кьеркегор

Часть I

Несчастные случаи: почему люди погибают

...Всякую вещь рассматривать вполне, что она есть и что в ней
вещественное, а что причинное.

Марк Аврелий

(«Размышления», книга 12, глава 29[3])

Глава 1

«Осторожнее, Рэй Чарльз приближается...»

ЕСЛИ БЫ АДРЕНАЛИН МОГ БЫТЬ ЗРИМЫМ... Тогда одним очень поздним вечером перед вашим взором предстала бы следующая картина: гормон медленно растекается по песчаным пляжам Сан-Диего, а потом, собираясь в широкий поток грязно-зеленого цвета, вливается в океан и, покрывая расстояние почти в сто шестьдесят километров, достигает кормы нашего корабля. Именно «корабль» – так называют свой авианосец и моряки, и летчики, несмотря на то что его водоизмещение составляет почти девяносто четыре тысячи тонн, длина его не уступает высоте Эмпайр-стейт-билдинга, а на борту его одновременно размещаются шесть тысяч человек.

Действие происходит на специальной площадке, где осуществляется визуальное управление посадкой самолетов. Ее размер всего два на два метра, и она явно мала для столпившихся на ней шести потных парней, среди которых нахожусь и я. Сила ветра достигает тридцати узлов, поэтому я стараюсь держаться подальше от края – ведь лететь до воды придется целых двадцать метров. Стальной гребной винт авианосца испаривает брюхо океана, и на одно мгновение, выхваченные лунным светом, обнажаются блестящие петли его кишок и тут же растворяются далеко позади кормы.

Слева от меня, напряженно вглядываясь в точку, расположенную в пятнадцати над линией горизонта, стоит Майк Янкович – офицер визуального управления посадкой самолетов. На нем защитные очки и шлем с большими наушниками. Одной рукой он прижимает к уху массивную телефонную трубку; другой, высоко поднятой, держит устройство, формой напоминающее большой огурец. На профессиональном жаргоне этот сделанный из бакелита прибор с черной кнопкой управления и петлей серебристого цвета так и называют: «огурец-выключатель»^[4]. Для работы с ним Янкович использует большой и указательный пальцы; первым он активирует световой сигнал, показывающий летчику, что тот должен откорректировать скорость, а другим – световой сигнал, отказывающий летчику в разрешении на посадку. Стоящие вокруг

меня люди, сами того не замечая, отталкивают меня к краю площадки, поскольку все они стремятся как можно лучше рассмотреть то, что приближается к нам со скоростью двести двадцать пять километров в час.

Собственно, на расстоянии полутора километров вряд ли мы могли увидеть что-то, кроме летящего на нас черного дротика. Во мгле звездного неба самолет остается для всех только движущейся темной точкой. Я даже не слышу рева исполинских двигателей General Electric, хотя знаю, что они сжигают горючее быстрее, чем «Фау-2». В кромешной тьме я вижу лишь нечто напоминающее безмолвное насекомое или черную летучую мышь, и это нечто постепенно, как оригами, принимает форму самолета.

Я оглядываюсь вокруг. Несколько минут назад один моряк угостил присутствующих круглыми леденцами на палочке, и теперь все немного похоже на хомяков, набивших щеки едой. Каждый пристально всматривается в самолет, чей силуэт разрастается буквально на глазах и уже заслоняет собою звезды. Но я гляжу на него несколько иначе – не так, как смотрят остальные. Они пялятся словно дети, не сводящие восторженных глаз с русских горок. А я... С каким чувством мог я глядеть на махину семнадцати метров в длину и с размахом крыльев тринадцать метров, летящую прямо на нас? У меня была одна мысль: «Сейчас мы все умрем».

Всего в паре метров от нас находится посадочная палуба. На ее скользком черном покрытии хорошо видны сплошные белые линии безопасности (если пересечь их, «опасность» грозит в прямом смысле слова – вы погибнете). Мы стоим недалеко от того места, где заканчивается сооруженная на палубе укороченная взлетно-посадочная полоса, которая расположена под углом к килю корабля и тянется до носовой части. От правого борта протянуты стальные, смазанные маслом тормозные тросы. Хитрость заключается в том, что пилот должен приземлиться под таким углом, чтобы суметь зацепиться специальным хвостовым крюком – «гаком» – за один из четырех натянутых тросов, который и остановит самолет^[5].

Остальная часть палубы представляет собой арену «управляемого хаоса»: разные специализированные команды непрерывно заправляют, перемещают, выруливают, поднимают из ангаров и катапультируют самолеты. Многочисленные «Интрудеры», «Хорнеты» и, конечно,

такие сексуальные в своей искусственности «Томкэты»^[6] – все они, как неповоротливое докомпьютерное стадо (поскольку еще пилотируются по старинке, при помощи рычагов и педалей), послушно движутся по мановению взмаха рук людей в защитных очках и шлемах с большими наушниками. Это палубные помощники, выразительно жестикулируя руками в огромных перчатках, подают пилотам загадочные сигналы. В зависимости от своего назначения члены команд носят желтые или фиолетовые рубашки, желтые или фиолетовые жилеты, а поверх шлемов – желтые или фиолетовые каски. Самолеты медленно выруливают на палубу и ждут своей очереди на взлет с катапульты. Все происходящее – в рваном свете палубных огней и какофонии металлических звуков – напоминает ритуал поклонения древним божествам огня.

За моей спиной находится возвышающийся над полетной палубой прозрачный колпак небольшой кабины. Если я обернусь, то увижу в ней, как в пузыре, освещаемое жутковатыми бликами зеленых и желтых огней напряженное лицо «стреляющего»^[7]. Свист, шипение, визг и скрежет – все звуки, которые только может извергнуть из себя преисподняя, – слились в одно целое: это катапульта выплевывает в шторм, дождь и снег очередной самолет. Его сопла, горящие, как налитые яростью глаза, на некоторое время будто зависают над нами, потом самолет, похожий на летучую мышь, взмывает вверх и столбом дыма растворяется в ночи.

В моих наушниках раздается голос Янковича, возвращающий меня к самолету, идущему на посадку. И я вижу, как к нам стремительно приближается F-18 «Хорнет». Янкович что-то говорит в телефонную трубку. Потом слышится приглушенный голос летчика:

– Три-один-четыре хорнет фрикаделька три-точка-два^[8].

– Роджер^[9] фрикаделька, хвостовой ветер двадцать узлов.

Летчик в полукилометре от нас. Младенец в своей стеклянной люльке. Один в глухой ночи – с миром людей его связывают лишь мерцающие внизу желтые сигнальные огни на посадочной палубе. Ветер сносит ошметки облаков и обнажает дырявую, как сыр, луну. За спиной летчика режут гигантские огнеметы моторов, тягу которых он уменьшает перед посадкой. Навстречу ему уже вздымается океан.

В конце концов мы всем телом ощущаем толчок и сотрясение. Толстый трос, второй по счету, превращается в гудящую струну, чей

мощный звук сравним разве что с ситаром[10] Рави Шанкара, если бы тот взялся воспевать подвиги Терминатора. Самолет цепляется гаком за трос, который удерживает его, словно рыбу на крючке. Трос растягивается почти на семьдесят метров. Самолет содрогается всем корпусом. Обмякнув от гравитационного шока, летчик Дель Рио (имя я прочитал на дверце его кабины) бессильно сидит в своем кресле и только через несколько мгновений с трудом – ему кажется, что рука стала весить чуть ли не пятнадцать килограммов, – дотягивается до рычага управления и переводит двигатели на холостой ход. «Желтые» палубные регулировщики уже прожестикуютировали Дель Рио отрулить самолет в сторону, за линию безопасности, где «фиолетовые» палубные помощники начнут заправлять его горючим.

Чтобы он мог снова подняться в небо.

ВСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛЕТЧИКА Дель Рио представляют идеальную модель выживания. Вот он – в полной безопасности – находится на палубе авианосца. Затем усаживается в кабину самолета, заправленного до краев взрывоопасным горючим. После чего паровая катапульта, работающая от ядерного реактора, запускает его самолет в ночное небо. Выполнив задание, он возвращается на палубу, демонстрируя во время посадки абсолютное самообладание и блестящее мастерство: летчик выпускает хвостовой гак, который не видит, и виртуозно зацепляет им самолет за трос, который тоже не видит. Все это он проделывает в непроглядной тьме на скорости двести сорок километров в час, целиком полагаясь на визуальные сигналы, подаваемые ему палубными регулировщиками.

Вряд ли кому из нас грозит испытать хотя бы малую часть того, что составляет повседневную жизнь Дель Рио. Тем не менее все ситуации выживания имеют общий знаменатель, поэтому можно извлечь определенные уроки из работы летчика, которую я так скрупулезно изучал в ту ночь. Основной вывод, сделанный мной, – не впадать в панику и сохранять душевное равновесие. О человеке, который быстро приходит в возбуждение и легко поддается первому чувству, обычно говорят: «Он принимает решения на горячую голову». Напротив, того, кто умеет контролировать свои эмоции и оставаться хладнокровным, зовут «холодной головой». Семантический отголосок этих фразеологизмов мы находим даже в музыкальном сленге, в названиях джазовых направлений: *кул-джаз*, или «прохладный» джаз

(cool jazz), появившийся как противопоставление *хот-джазу*, или «горячему» джазу (hot jazz). Впервые зазвучав в 1930-е годы в свинговых композициях черных джазменов, «кул» окончательно оформился в отдельный джазовый стиль в конце 1940-х, когда его освоили и сделали «своим» белые исполнители. Импровизации в манере «кул» прежде всего отличает эмоциональная сдержанность. Некоторые исследователи полагают, будто афроамериканцы сознательно – чтобы им было легче переносить проявления расизма – начали сочинять и исполнять джаз в таком спокойном, выдержанном стиле: оставаясь внешне невозмутимыми и даже несколько отстраненными, они вкладывали в свои «прохладные» композиции все переполнявшие их чувства – страх, обиду и гнев. Во враждебной среде черные музыканты выработали собственную стратегию выживания, средоточием которой стала их музыка.

Всю свою жизнь я пытался достичь присущего моему отцу состояния внутреннего спокойствия – ведь именно оно когда-то помогло ему выжить. (Конечно, в его спасении сыграли роль и другие факторы. Разумеется, отцовский характер был более многогранным. Но для меня с детства все это сплелось в единую категорию.)

Всего лишь от десяти до двадцати процентов людей способны оставаться хладнокровными и сохранять способность думать в критических положениях, угрожающих их жизни. Они в состоянии трезво оценивать ситуацию, планировать свои действия и принимать нужные меры, то есть выполнять все необходимое для выживания. Они умеют адаптироваться к быстро меняющимся условиям. К этой особой породе принадлежат и летчики, чью работу я наблюдал той ночью. Каждый день, выполняя посадку самолета на полетную палубу авианосца «Карл Винсон»[\[11\]](#), они сдают свой главный экзамен.

Я ОБРАТИЛ ВНИМАНИЕ НА ДЕЛЬ РИО еще раньше – до его посадки, – когда он опоздал на предполетный инструктаж, который обязательно проводится в шесть часов вечера в специальном, девятом помещении для дежурных экипажей. Мы, журналисты, вальяжно устроились в удобных креслах из темно-красного кожзаменителя и вовсю старались шутить, чтобы только никто не заметил, насколько мы перепуганы. Практически через каждые несколько минут катапульта изрыгала свои адские звуки, и весь корабль сотрясало, словно от прямого попадания «экзосетов»[\[12\]](#). Никто из летчиков даже бровью

не поводит. Янкович только начал проводить инструктаж, как вошел Дель Рио. Вид у него был слегка помятый – он явно проспал, и на его щеке был четко заметен след подушки. Янкович не упустил случая заметить: «Эй, что-то тебя слегка припечатало. На люже[13] катался?»

Здесь сон называют «гонкой на люже». А вы попробуйте нормально выспаться на маленькой жесткой качающейся койке под рев взлетающих самолетов и настоящей канонадой над головой. Поэтому каждый старающийся заснуть член экипажа ощущает себя участником то ли Олимпийских игр, то ли Третьей мировой войны.

Янкович – молодой, спортивный, зеленоглазый, с каштановыми волосами, мощной челюстью и широкой улыбкой – прекрасно знает, что Дель Рио правильно оценит его насмешку. В напряженной обстановке службы на авианосце ничто не проходит незамеченным, и каждый понимает, что если человек, которому предстоит подняться в небо, а потом совершить ночную посадку на палубе, в состоянии прикорнуть за несколько часов до этого, то он наделен завидным даром выдержки и самоконтроля.

Лично для меня «Карл Винсон» – живой пример территории, где пролегает четкий рубеж между жизнью и смертью. Поэтому я и приехал сюда, поскольку меня всю жизнь привлекали неординарные, пограничные ситуации. Чтобы здесь выжить, надо всегда оставаться спокойным и сверхвнимательным. Однако далеко не все, находясь на грани жизни и смерти, могут вести себя так. Кому-то это не под силу. Некоторые погибают.

Это случилось незадолго до моего прибытия. Летчик шел на посадку, не рассчитав ни скорости, ни наклона снижения. Может быть, он запаниковал? Думаю, подобное предположение вряд ли что-либо объясняет в его поведении. Звуковые и визуальные сигналы, подаваемые с посадочной палубы, показания приборов, его собственные ощущения – все просто вопило о том, что ему следует поднять самолет вверх и идти на второй круг. Рука летчика уже легла на рычаг управления, и ему надо было всего лишь приподнять его на пару сантиметров. Офицер визуального управления посадкой с помощью выключателя продольного триммирования зажег на палубе красные огни, недвусмысленно сигналившие: «В разрешении на посадку отказано! Нужен второй круг». Перед глазами летчика находился показывающий высоту полета световой шар – та самая

«фрикаделька», – освещенный линзами Френеля. Его положение подтверждало, что самолет летит недопустимо низко. И конечно, об этом же ему орал в ухо голос офицера визуального управления посадкой. Однако все было напрасно.

От удара о палубу самолет будто разрубило пополам. Парня, сидящего в хвосте (оператор управления системой оружия), размазало, как жука о лобовое стекло. Высекая искры, по палубе пролетело вместе с летчиком катапультируемое кресло фирмы Martin-Baker. Оно-то и спасло его. Я не уверен, что ему была предоставлена возможность исправить свою ошибку. В чем у меня нет никаких сомнений – летчик имел серьезный разговор с капитаном авианосца.

Самым необъяснимым в этой истории остался вопрос: почему он продолжал идти на посадку, несмотря на все предупреждения об опасности? О чем он думал тогда, находясь на границе двух миров? Ведь он был разумным, хорошо обученным и великолепно подготовленным профессионалом. Что так мощно заблокировало его чувство реальности? Что заставило сажать самолет, пренебрегая прежде всего собственным опытом? Ведь он не мог не знать, что все закончится плохо. Инцидент с летчиком напомнил мне о многих других несчастьях, постоянно случающихся с любителями диких мест и экстремальных видов спорта (например, с теми, кто сплавляется по рекам). Эти люди не принимают в расчет очевидное и совершают необъяснимые поступки. Загадка, которую я пытаюсь решить.

ВСЕ ЛЕТЧИКИ АВИАНОСЦА «КАРЛ ВИНСОН» знают, что время от времени случается всякое. Есть ситуации, которые человек не в состоянии контролировать, поэтому, когда они происходят, не мешает знать, как следует реагировать на те или иные вещи. Например, Янкович объяснял мне: «Смотри, ломается тяга крепления к челноку катапульты. Челнок развивает на катапультном треке недопустимую скорость и в итоге срывает гидротормозное устройство. Гидротормозная система не выдерживает, и паровой коллектор катапульты разрывает на части. Естественно, палубное покрытие сносит, куски летят в разные стороны, ты вылетаешь сквозь эти обломки, катапультируешься и оказываешься на палубе». На языке военных летчиков это называется «не мой день – не сложилось». Однако есть вещи, которые человек может и должен постоянно держать под контролем.

Ровно в шесть часов вечера в помещении для дежурных экипажей Янкович начинает свой предполетный инструктаж:

Я хочу *заставить* вас бояться так, чтобы вы каждый раз в штаны накладывали. Когда вы выруливаете к катапульте, у вас от страха кишки должны узлом завязываться, понятно? Если этого не происходит, значит, что-то с вами не то. Вы отправляетесь в неизвестность. Вас выстреливают прямо в черную дыру. Вы сидите там, спокойно сосете свой кислород, но лучше бы у вас уже был план действий. Потому что, если его нет, вы облажаетесь по полной, а потом вы просто кончитесь.

Мы все уже видели и вертолеты, кружащие над авианосцем на тот случай, если надо будет спасти летчика из воды, и большой желтый кран, чтобы поднимать упавшие туда же самолеты. И то и другое – для парней, которым повезло. Первое правило: «Смотри реальности в лицо». Даже те, кому удастся выжить, не застрахованы от паники. Они понимают, что все идет не так, и на самом деле «накладывают в штаны». Основной вопрос в том, как они поведут себя дальше. Инструктаж Янковича не касается технических вопросов. Если бы летчики не были подготовлены профессионально, они не сидели бы здесь – каждый в своем «именном» кресле, на спинке которого красовались его фамилия, имя и даже служебное прозвище (Колтун, Угорь, Хвастун, Мужик, Коротышка). Им рассказывают о том, что они и так уже давно знают. Отчасти предполетный инструктаж напоминает этим церковную службу – ведь на ней тоже говорят о вещах, хорошо всем известных, и тоже используют немудреные слова. По мнению психологов, человек в «состоянии повышенного возбуждения» все равно не воспринимает слишком сложные формулировки.

Так что главное в напутствии Янковича было не содержание, а то, *как* он доносил свою мысль – не пренебрегая непристойностями. Это чем-то напоминало ритуал, во время которого всем рассказывали, что нужно осознавать возможность своей гибели и желательно делать это с ухмылкой. В ситуации угрозы жизни человек буквально смотрит смерти в лицо, и если он не найдет в себе сил поиздеваться над ней и с воодушевлением пофиглярничать, то считайте, что ему пришел полный конец.

Психолог Эл Сиберт пишет в своей книге *The Survivor Personality* («Характер выживших»): «...люди, которые выживают, умеют

смеяться над опасностью и играть с нею... Именно элемент игры помогает им осознавать, что происходит вокруг». Чтобы иметь дело с действительностью, сначала надо признать, что она существует.

Поэтому летчики «Карла Винсона» перед вылетом на задание редко когда ведут серьезные разговоры об опасности, которая их ожидает. О риске они предпочитают шутить. Если начинаешь воспринимать все слишком серьезно, можешь начать бояться, а раз появился испуг, то дело плохо. Вообще здоровый страх – это хорошо. Но бояться слишком сильно – уже плохо.

Янкович продолжает свой инструктаж:

Поднимается паровая завеса, и на какой-то миг ты теряешь «желтых» из вида. Если рычаг управления двигателем у тебя стоит неправильно, то ты быстро станешь героем... посмертно. Похороны тебе обеспечены. Поправил его, отсчитал пять картошек – и дело в шляпе. «Протер» все, двигатели заработали; проверил, чтобы тяга в них была одинаковой. Парни на взлетной полосе воспрянули, отбросили пивные банки и дали тебе сигнал. Теперь ты в руках стреляющего. Голову на подголовник – и здравствуй, глассада! Схватился за держатель для салфеток. Потрогал рукоятку катапультирования кресла, удостоверился, что не сел на нее. Потеряешь один двигатель во время выстрела катапульты и взлета самолета – ставь мощность второго от двенадцати до четырнадцати, но не больше шестнадцати. Посмотрел на радар, и если теряешь высоту, то самое время хвататься за рукоятку.

Что, черт возьми, он все-таки сказал?

Первый раз услышав подобный инструктаж, я совсем растерялся. Но что же тут странного – ведь он предназначен для тех, кто знает, о чем идет речь. Пилоты понимают с полуслова все, что связано с их профессией; для остальных это темный лес. Теперь я переведу, что говорил Янкович. Не стоит взлетать со сложенными крыльями; со сложенными крыльями самолет выруливает к катапульте, после чего для раскладывания крыльев требуется пять секунд, которые отсчитывают следующим образом: одна картошка, две картошки, три картошки... Потом персонал на взлетной полосе заканчивает технические приготовления, а летчик «протирает рукоятку» – удостоверяется, что все приборы работают и проверяет двигатели, чтобы оба давали одинаковую тягу. После этого, чтобы смягчить силу

броска катапульты, он хватается за скобу, которую называют «держателем для салфеток», поскольку она на нее очень похожа. Если один из моторов не будет работать, надо дать больше тяги для второго, чтобы продолжать полет (но при этом не испортить дорогостоящий двигатель). В жизни далеко не всегда все идет так, как мы планируем, поэтому стоит взглянуть на радиолокационный высотомер (помните – «радар»?), и если самолет теряет высоту, то самое время дернуть рукоятку и катапультироваться, чтобы немедленно покинуть воздушное судно.

Если объяснять подобным языком, как постарался сделать я, то можно людей испугать. Поэтому не стоит.

Даже после такого технически непростого взлета остается вопрос посадки. Как когда-то говорил отец, «взлет – дело чисто добровольное, а вот посадка – обязательное». Янкович останавливается на самых главных моментах:

Ты уже в километре от корабля, и если в эту минуту тебя спросят, как зовут твою мать, *ты действительно не сможешь вспомнить*. Вот настолько ты должен быть сконцентрирован. Ладно. Пойдем дальше. Ты обозначил видимость фрикадельки. Теперь – сплошная поножовщина в телефонной будке. Помни: главное – максимальная тяга троса. Твой ай-кью скатывается до уровня обезьяны. И это нормально.

Похоже, Янкович ведет себя, словно кичливый всезнайка (он любил выпендриваться), но в словах его заложен такой глубочайший смысл, который сравним разве что с темными талмудическими текстами. Это урок выживания: что важно знать, а что нет. Это о том, что таится в самых дальних закоулках вашего мозга и что находится на его поверхности. Это о том, что ты знаешь, а что не знаешь, и что знаешь, что не знаешь... и не можешь себе позволить сделать вид, что знаешь.

Почему бы Янковичу не вспомнить про обезьяну? Можно сравнивать с обезьяной, а можно и с лошадью, как делал, например, Платон, говоривший, что разгул чувств следует сдерживать здравым смыслом, так же как взнуздывают лошадь. Мысль античного философа удивительным образом перекликается с выводами современных исследователей, обнаруживших, что здравый смысл и чувства – две

стороны одной медали, а интеллект без эмоций все равно что жокей без лошади.

После войны мой отец не летал. Он редко рассказывал о тех временах, но, если заводил об этом речь, я внимательно слушал. Хорошо помню загадочную фразу: «Вот идешь по взлетной полосе к самолету и теряешь по пути половину своего интеллекта». Я долго не мог взять в толк, что он имел в виду, хотя интуитивно понимал его. Когда я сам начинал летать, то настолько сильно волновался, что у меня развивалось неадекватное восприятие действительности – что-то вроде туннельного зрения[14]. Я смотрел на перечень контрольных проверок, которые должен совершать пилот перед полетом, и ничего не мог прочитать, кроме первого пункта, гласившего: «Проверить главный переключатель – “Выкл.”». Иногда я кулем сидел в своем левом кресле и просто насыщался кислородом. Через много лет тренировок, полетов вниз головой, после того как были освоены разные виды самолетов, вертолетов и сложных акробатических номеров в воздухе, я дошел до состояния, что практически каждый полет становился для меня огромным праздником. *«Практически каждый»* – потому что даже сейчас перед полетом я немного волнуюсь. Когда от страха сжимается желудок – это сигнал, что ты не полностью дурак, что понимаешь – несмотря на все знания и опыт, – на какой риск идешь, садясь за штурвал самолета, представляющего собой сложную и нестабильную систему с заложенным внутри огромным количеством энергии. Я всего лишь крошечный жокей, управляющий полутонной массой бешеных мускулов. Страх ставит меня на место. Дает возможность со всей покорностью принимать вещи такими, какие они есть на самом деле. Здоровый страх – это то чувство, какое должно возникать у каждого, кто собирается лазить по горам, прыгать по волнам океана, кататься на сноуборде, путешествовать по непроверенным маршрутам. Я хорошо знаю, как сила природы заглывает человека и никогда уже его не выплевывает.

Таким образом, Янкович напоминал о важных вещах, не просто касающихся напрямую выживания, но и являющихся научно доказанными: во время опасности человек должен осознавать, что он несколько неадекватен. Причем измененное состояние сознания затрагивает самые разные сферы: и восприятие, и познание, и память, и чувства. Янкович внушал своим летчикам сохранять спокойствие

при столкновении с суровой действительностью. Янкович видел, как умирают люди. Он прекрасно понимал реактивную мощь тех лошадей, которые понесут его драгоценных жокеев.

ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НУЖНО ЗНАТЬ В ЦЕЛЯХ ВЫЖИВАНИЯ – причем неважно, сидите ли вы в кресле самолета, бродите ли по диким джунглям, – что любой эмоциональный процесс (от латинского глагола *emovere* «потрясать, волновать; прогонять, вытеснять») развивается довольно быстро и становится сильнейшим стимулом вашего поведения. Этот феномен замечательно описал Эрнст Мария Ремарк, опираясь на собственный опыт Первой мировой войны:

Грохот первых разрывов одним взмахом переносит какую-то частичку нашего бытия на тысячи лет назад. В нас просыпается инстинкт зверя, – это он руководит нашими действиями и охраняет нас. В нем нет осознанности, он действует гораздо быстрее, гораздо увереннее, гораздо безошибочнее, чем сознание. Этого нельзя объяснить. Ты идешь и ни о чем не думаешь, как вдруг ты уже лежишь в ямке, и где-то позади тебя дождем рассыпаются осколки, а между тем ты не помнишь, чтобы слышал звук приближающегося снаряда или хотя бы подумал о том, что тебе надо залечь. Если бы ты полагался только на свой слух, от тебя давно бы ничего не осталось, кроме разбросанных во все стороны кусков мяса. Нет, это было другое – то похожее на ясновидение чутье, которое есть у всех нас; это оно вдруг заставляет солдата падать ничком и спасает его от смерти, хотя он и не знает, как это происходит. Если бы не это чутье, от Фландрии до Вогезов давно бы уже не было ни одного живого человека.

(«На Западном фронте без перемен», глава 4[15])

В наши дни мы обладаем научным механизмом, позволяющим объяснить данный процесс точнее, чем во времена Ремарка. Чувства – это инстинктивная реакция самосохранения. В момент подготовки к опасному действию в организме человека происходит ряд изменений, помогающих успешнее и быстрее реагировать на новую обстановку: нервная система начинает работать быстрее; меняется химический состав крови, чтобы она быстрее свертывалась; меняется мышечный тонус; прекращается процесс переваривания в желудочно-кишечном тракте; вырабатывается ряд нужных химических элементов. Все это происходит без участия и контроля нашего сознания. Рациональное восприятие, то есть наш интеллект, работает медленно, осторожно и

может допустить ошибку, в то время как эмоциональное восприятие, то есть наши чувства, реагирует стремительно, уверенно и без колебаний.

Древние греки создали самую первую медицинскую и философскую модель единого организма, в которой ум являлся неотъемлемой частью тела. Если Платон считал, что разум и тело существуют отдельно, а душа продолжает свой путь после смерти тела, то Аристотель уже соединил эти два понятия. Вопрос разделения ума и тела волновал людей с давних времен. После Ренессанса появилась картезианская модель, согласно которой разум существовал совершенно отдельно, независимо от тела, и не имел точного местонахождения. Современными нейробиологами доказано, что мозг является такой же неотъемлемой частью тела, как легкие, сердце и печень. Многие ученые рассматривают то, что мы называем разумом и сознанием, как побочный (и очень полезный) эффект нейронных сетей мозга. Все согласятся, что мозг влияет на тело таким же образом, как и тело влияет на мозг. Мозг частично создан телом (на развитие мозга также влияет окружающая среда), и его способности зависят от синаптических связей, которые, в свою очередь, создаются на основе «знаний» мозга о теле и окружающей среде. Процесс мышления, как чувства и ощущения, является физиологической функцией.

Антонио Дамасио замечает в своей книге *Descartes' Error* («Ошибка Декарта»): «Постулат “Я думаю, значит существую” превратился в “Я существую, значит думаю”». Мозг – это единственный орган, не имеющий точно определяемой функции. Он участвует в процессе дыхания, не являясь частью дыхательной системы. Мозг контролирует давление и циркуляцию крови, не являясь частью кровеносной системы. Понятие тела без мозга и его нервной системы, пронизывающей все тело, не имеет никакого смысла. Дамасио, уважаемый невропатолог и нейробиолог, называя мозг «“органом” информации и управления», все-таки заключает слово «орган» в кавычки, так как мозг не является в полном смысле органом.

Дамасио выделяет три вида информации: об окружающей среде; о теле; о последствиях – положительных или отрицательных, – которые могут возникнуть от взаимодействия тела и окружающей среды. Глагол «управляет» обозначает, что главная функция мозга заключается в регулировании различных процессов. Мозг смотрит в

постоянно меняющийся калейдоскоп изображений, отображающих состояние окружающей среды и тела. От рецепторов и органов чувств, воспринимающих окружающий мир, мозг получает образы – обонятельные, визуальные, слуховые или чувственные. Мозг дает сигналы, которые управляют реакцией тела на происходящее внутри его и в окружающей среде – от изменения артериального давления до сексуального возбуждения. Мозг «считывает» информацию о состоянии тела и вносит поправки в его работу, он «считывает» происходящее в окружающей среде и на этой основе вносит изменения в реакцию и работу тела. Создающиеся новые связи постоянно изменяют и сам мозг. У этих процессов одна цель – адаптация, которую можно назвать синонимом выживания.

Мозг осуществляет свои функции посредством бессознательного самообучения. Он учится, или адаптируется, за счет передачи электрохимических импульсов между нейронами и создания новых связей, в которых нейроны могут коммуницировать между собой. Отростки нейронов – аксоны, – по которым идут сигналы, растут и образуют новые соединения и синапсы. В результате формируется память.

Практически любое действие создает новые соединения между нейронами. Суть памяти и процесс обучения нейробиологи наблюдали в лабораторных условиях. Происходит это так: гены синтезируют новые протеины для хранения в них информации, а также создают новые нейроны, чтобы выдать информацию в виде памяти. Этот процесс назвали «реконсолидация памяти». Нейробиолог Джозеф Леду в книге *The Synaptic Self* («Синаптическая личность») писал: «Мозг, который вспоминает, не является тем же мозгом, который запомнил изначальную информацию. Информация должна быть обновлена, чтобы воспоминание стало мозгу понятным». Вот одна из печальных причин, почему память так несовершенна.

Есть еще одно разделение между эмоциональной и познавательной сферами. «Познавательный процесс» – это осознанная мысль, выраженная вербально, логически или образно. «Эмоциональный процесс» имеет отношение к определенному набору физиологических изменений в организме, возникающих в качестве реакции на окружающую среду, тело или образы, всплывающие из человеческой памяти. Познавательные способности помогают

принимать абстрактные решения и делать точные расчеты. Эмоциональные способности вызывают сильные физические реакции.

Человеческий организм можно сравнить с жокеем, сидящим на чистокровном скакуне, в момент старта. Он всего лишь маленький человек на огромной лошади, и оба они заперты в металлической стартовой кабинке. Если лошадь решит взбрыкнуть, то жокей в лучшем случае будет искалечен, в худшем – погибнет. Поэтому жокей обращается с лошастью очень аккуратно. В нашем случае жокей – это разум, лошадь – это чувства. Эмоциональная сфера человека представляет собой сложную систему, которая формировалась на протяжении десятков тысяч лет эволюции и выковывалась на основе опыта, стоящего на службе нашего выживания. Чувства – необычайно сильный инструмент, способный заставить нас совершать то, что мы, по собственному мнению, не в состоянии делать, и добиваться того, о чем мы даже не могли мечтать. Жокей никогда не придет первым без лошади, лошадь никогда не победит без жокея. Когда они вдвоем ждут старта в тесной кабинке – это очень опасно, но когда раздается сигнал, они превращаются в единое целое – и это обоим на благо.

Лошадь может быть на удивление сильной. Во второе воскресенье мая 1999 года, когда празднуется День матери, в штате Нью-Мексико два человека – Сент-Джон Эберле и Марк Беверли – поднимались на горную гряду Сандия. И вдруг отрывается камень весом около двухсот килограммов и придавливает Эберле. И Беверли наблюдает, как его спутник отодвигает камень и вылезает из-под него. Разумеется, обычный человек не в состоянии поднять такой огромный и тяжелый камень, тем не менее у Эберле это получилось. Когда я в качестве журналиста писал об авиационных катастрофах, следователи рассказывали мне, как умирающие пилоты, старающиеся в последний миг поднять самолет в воздух, вырывали огромные панели и рукоятки управления.

Лошадь может работать как на нас, так и против нас. Она способна и выиграть вместе с нами гонку, и взбрыкнуть, разнеся вдребезги стартовые ворота. Поэтому талантливый жокей знает, когда ее надо успокоить, сказать ей доброе слово, а когда позволить ей бежать в полную мощь. Так поступают жокеи, умеющие побеждать, – и люди, умеющие выживать. Именно поэтому шутят те, кто находится перед лицом смерти, – чтобы успокоить зверя. А когда он спокоен, его

легко заставить бежать, поддерживая баланс и гармонию между чувствами и рассудком. Подобный подход характеризует великих людей, от Тайгера Вудса до Нила Армстронга.

Существуют первичные и вторичные эмоции. Первичные, или базисные, – это врожденные эмоции, когда, например, вам хочется утолить голод или у вас возникает желание схватиться за что-нибудь, чтобы не упасть. Теперь поговорим о вторичных эмоциях. Появление эмоциональных систем как системного ответа может быть связано с самыми разнообразными факторами. Солдаты в романе Ремарка научились связывать свист снаряда с инстинктивной реакцией падения. Изначально у них не было этого инстинкта, но стоило им несколько раз попасть под артобстрел, как он формировался. При возникновении четкой связи между двумя явлениями (звук снаряда – упасть и укрыться) действие человека уже не требует участия мысли или силы воли. Действие происходит автоматически. Весомым доказательством, что эти эмоции не первичные, а вторичные, является гибель на войне новобранцев.

Исследования нейробиологов, подтверждающие наблюдения Ремарка, помогают нам постичь тот механизм, который запускает несчастные случаи, и схемы, по которым они развиваются. Когда человек, имеющий опыт сплава по рекам, падает в воду, он незамедлительно переворачивается на спину, вытягивает ноги и поднимает над поверхностью воды пальцы ног. Он будет плыть, поддерживаемый спасательным жилетом. Неопытный человек пытается за что-нибудь ухватиться – он не в курсе, что если поднимаешь руки, то автоматически начинают тонуть ноги, которые тянут за собой вниз все тело.

Питеру Даффи было сорок четыре года, когда он утонул 16 июня 1996 года, занимаясь спортивным сплавом по Гудзону. Его смерть ярко иллюстрирует, как важно не только контролировать свои чувства, но и вырабатывать – с помощью опыта, конечно, – вторичные эмоции. Чарли Уолбридж написал в издаваемом им «Отчете о безопасности на реках»:

Даффи упал в реку. Он попытался встать, находясь лицом против течения. Правая нога застряла между камнями, и течение засосало его под воду. Его спасательный жилет оказался сорванным – его смыло течением. Любые спасательные операции в ситуации, когда нога

утопающего застряла, являются крайне сложными. Ситуацию, когда нога застряла в камнях в быстро текущей реке, можно сравнить с выходом на шоссе перед несущимся автомобилем. Жертва была заранее предупреждена, но не следовала полученным инструкциям.

Умом Даффи, возможно, и осознал, что ему надо делать. Но понимание не идет ни в какое сравнение с эмоциональной реакцией.

СТРАХ – ВСЕГО ЛИШЬ ОДНО ИЗ ЧУВСТВ. Такое же, как инстинкт размножения. Влюбленность имеет целый ряд внутренних проявлений, связанных с половыми органами и гормонами. Каждый, кто по-настоящему был влюблен, понял Янковича, когда тот говорил о показателе умственного развития, который падает до уровня обезьяны. Эмоции полностью захлестывают разум, вернее неокортекс мозга, и мы переживаем инстинктивный набор реакций на окружающую среду, связанный с одной из сторон выживания, а конкретнее – с воспроизводством.

Когда человек боится, «включается» миндалевидное тело, или миндалевидная железа (как и большинство составляющих элементов мозга, это парный орган: по одной железе в каждом из полушарий). Оно начинает взаимодействовать с другими частями мозга и всего организма. Результатом этих сложных действий является поведение, способствующее выживанию. Допустим, человек сначала замирает, потом бросается убежать. После начала реакции в теле и мозге вырабатывается ряд химических элементов. Наиболее известная реакция – это выброс адреналина; правильнее было бы сказать «эпинефрина», однако ни то ни другое название в научных кругах широко не используется. Адреналин, он же эпинефрин – гормон, вырабатываемый в надпочечниках, – относится к группе катехоламинов, физиологически активных веществ, выполняющих роль химических посредников. Катехоламины, кроме прочего, оказывают сосудосуживающее действие, сдерживают или ускоряют работу нервных клеток, а также воздействуют на сокращение гладких мышц. Есть еще норадреналин (не адреналин, или эпинефрин), благодаря которому человек ощущает резкий удар сердца, когда его пугают. Кортикостероидное вещество надпочечников продуцирует стероидный гормон кортизол, и он тоже усиливает чувство страха. Результаты поступления в кровь всех этих активных веществ, после того как миндалевидное тело «почувствовало» опасность, следующие: дыхание

учащается, сердцебиение усиливается, в пищеварительной системе появляется больше сахара, а распределение кислорода и питательных веществ способствует появлению таких сил, которые можно использовать для победы в беге или для физической борьбы. Можно сказать, что человек «включает форсаж». Помните, Янкович довольно образно упоминал о состоянии кишечника, когда «кишки узлом завязываются»? Это возникает благодаря процессу перераспределения тех самых веществ, о которых говорилось выше, а также из-за сжатия гладкой мускулатуры живота – приток крови к желудочно-кишечному тракту уменьшается, чтобы высвободившаяся кровь могла быть использована в других частях тела. В книгах Жозефа Леду – одну я уже упоминал, а вторая называется *The Emotional Brain* («Эмоциональный мозг») – вы найдете замечательное описание и объяснение этих процессов; кстати, миндалевидное тело ученый называет «центральным элементом оборонной системы».

Эмоциональная реакция организма создавалась в процессе многих тысяч лет эволюции. Правда, эволюция пока не успела выработать набор эмоций, необходимый летчику ВМС, который, находясь в километре от качающейся на волнах палубы авианосца, выводит на посадку боевую машину весом более двадцати тысяч килограммов.

Питер Даффи не смог контролировать свои эмоции, в результате чего утонул в Гудзоне. Летчик, врезавшийся при посадке в палубу «Карла Винсона», стал жертвой того же явления: при приближении к посадочной полосе он не позволил включиться самоконтролю. Видимо, вторичные эмоции – за все время его полетов – не успели сформироваться в должном виде, и летчик опустил машину слишком низко. Я сам пилот и могу представить, как все происходило. Появляется страх и – опять прибегну к образному выражению Янковича – начинается «сплошная поножовщина в телефонной будке». Летчику в буквальном смысле слова необходимы физические усилия, чтобы поднять оцепеневшую руку и исправить ошибку, масштабы которой буквально разбухают на его глазах. Происходит расщепление сознания.

Видимо, раньше этот летчик неоднократно испытывал перед посадкой ощущение наступающего темного ужаса, которое буквально скручивает человека, а после посадки – чувство огромного облегчения. Гормоны, вырабатываемые организмом во время стрессовой ситуации,

мешают правильно оценивать обстановку, трезво мыслить и привлекать нужную память. Более того, они могут «обманывать» миндалевидное тело, подавляя процедурную, то есть долговременную, память, и выводят на сцену бессознательные воспоминания, продуцируемые так называемой имплицитной памятью. По мере усиления ужаса человек все в большей степени теряет способность бороться со своими чувствами и совсем перестает понимать, что движет его действиями. Леду называет этот эффект «вражеским захватом сознания эмоциями», поскольку «миндалевидное тело начинает приводить в действие кратковременную память». Человеческое тело хорошо знает, где оно будет в безопасности. У новичков каждая успешная посадка самолета вызывает чувство облегчения, сравнимое с оргазмом. У военного летчика (да и у гражданского пилота) вырабатывается сильнейшая вторичная эмоция – реакция на палубу или землю. Ведь только там он обретет настоящее чувство безопасности – это доводящее до экстаза чувство он испытал бы, даже посадив свой самолет *в самую преисподнюю*. У ведущего самолет человека есть реальная память о посадке и физическая память о том ощущении, которое дает посадка; последнее становится сильнейшим стимулом его дальнейших поступков. Подобная схема поведения создается на основе переплетения предыдущего опыта (вполне удачного) и сильнейшего эмоционального состояния (облегчение при посадке). Разумом летчик понимает, что низкий заход на посадку есть вернейший путь к гибели. Но у него нет ни отрицательного опыта, ни вторичных эмоций, формируемых при рискованных ситуациях. Идея смерти для него слишком абстрактна – могла ли она конкурировать с тем чувством восторга при посадке, которое помнит его тело? Могла ли стать мощным фактором его поведения?

Если самолет врывается в заднюю часть авианосца, пилоты говорят, что он «ударился об аппарель [16]». Один летчик, летавший во время войны в Ираке, так охарактеризовал подобные катастрофы – «мерзки и смертельно опасны». Он объяснил, как они происходят: человек слишком сильно концентрирует внимание на самом важном, по его мнению, моменте посадки, то есть на палубе. То есть на доме. Подобное явление называется «заикнуться на палубе». Летчик перестает замечать все, что должен: скорость, высоту, угол

приземления, фрикадельку и присутствие других самолетов в воздухе. Если он заиклился на посадочной полосе, ничем хорошим это не заканчивается.

Страх, который испытывает летчик, уводит его в одну сторону, а желание быстрее сесть на палубу – в другую. Всё, жокей потерял власть над несущейся лошастью. Опытные путешественники и спортсмены хорошо понимают, что это означает. Два британских путешественника, Эпли Черри-Гаррард и Роберт Скотт, отправились в 1910 году на Южный полюс. Скотт умер во время экспедиции. Черри-Гаррард позже писал, что соратники Скотта «продемонстрировали, вероятно, самое важное качество, необходимое для успеха дела, – самообладание». Мера, в какой человек умеет владеть собой, часто определяет, выживет он или нет. Чем бы вы ни занимались – затяжными прыжками с парашютом, подводным плаванием с аквалангом или исследованием дикой местности, – это самое важное качество, которое может вам понадобиться. Сейчас из-за огромного количества неподготовленных людей, отправляющихся ради удовольствия в походы, постоянно увеличивается число спасательных операций. Статистика найденных людей и обнаруженных тел является страшным свидетельством того, что за отсутствие самообладания платят высокую цену.

СОСТОЯНИЕ НАПРЯЖЕНИЯ приводит к тому, что в крови появляется кортизол, который осложняет работу гиппокампа (состояние длительного стресса убивает клетки этой структуры мозга). Миндалевидное тело может непосредственно влиять на чувствительную зону коры головного мозга, переднюю часть поясной извилины, носовую борозду и вентромедиальную префронтальную кору головного мозга, то есть практически на всю систему памяти – и в смысле доступа к старым воспоминаниям, и в смысле создания новых. В результате в стрессовой ситуации большинство людей в состоянии производить только простейшие действия. Они не могут вспомнить самых элементарных вещей. Кроме того, душевное напряжение, точно так же как и любое другое сильное чувство, отрицательно сказывается на способности трезво оценивать положение вещей. Выбатываемые в стрессовой ситуации кортизол и другие гормоны мешают нормальной работе префронтальной коры, то есть той области, в которой обрабатывается получаемая информация и принимаются

решения. Человек начинает меньше видеть и слышать, то есть улавливает меньше сигналов от окружающей среды, и потому совершает больше ошибок. В ситуации очень сильного стресса сужается поле зрения, например полицейские, в которых стреляли, рассказывают о появлении эффекта туннельного зрения. Большинство людей начинают концентрировать внимание только на предмете или задаче, которые им кажутся наиболее важными, но это может оказаться совсем не то, что на самом деле является таковым. Летчик, сосредоточившись на посадочной палубе, вполне мог не услышать в наушниках криков офицера визуального управления посадкой самолетов, не увидеть красных сигнальных огней, запрещающих посадку. Организм летчика жаждал как можно скорее выйти из опасной ситуации. Все, что показывалось, говорилось и даже кричалось, перестало иметь значение, превратилось в случайный шум и мусор, который мозг летчика довольно рационально отфильтровывал. Таким образом был разбит самолет.

Когда-то, будучи неопытным пилотом, я допустил похожую ошибку. Я подлетал к аэропорту, где должен был сесть, но авиадиспетчер сообщил, что мне нужно изменить курс, дабы не столкнуться в воздухе с другим самолетом. Я был так сильно сосредоточен на посадке и мне было так страшно, что в буквальном смысле я не услышал диспетчера и не увидел самолета. Авиадиспетчер три раза вызывал меня по радио. К счастью, со мной летел мой друг Юнас, который и заставил меня немедленно повернуть направо. Мне настолько хотелось приземлиться, что вся моя рабочая память (по терминологии неврологов), или, проще говоря, внимание, была занята только этим желанием и отфильтровывала всю остальную информацию. Юнасу удалось привлечь мое внимание, только когда он начал бить меня по руке.

Эмоциональная сфера представляет собой сложный механизм выживания, однако наши чувства далеко не всегда работают на пользу человеку. Эмоции помогают выживать на уровне существования всего человечества, действуя в интересах человека как биологического вида. Не имеет значения, что произойдет в конкретном случае с конкретным человеком, но на протяжении миллионов лет эволюции, после того как за выживание стали отвечать эмоции, больше млекопитающих выжило, чем погибло. Для современных городских людей дикая

природа незнакома и враждебна, и, чтобы они могли выжить в опасных условиях, тело должно адаптироваться и научиться.

Несмотря на то что сильные чувства мешают здраво мыслить, они необходимы и в интеллектуальной деятельности, и в выработке условных рефлексов. Эмоциональное отношение может сыграть как положительную, так и отрицательную роль в процессе выбора плана действий в критической ситуации. Ради собственного спасения необходимо формировать вторичные эмоции, которые помогают балансировать решения, предлагаемые разумом.

Кстати, добиться этого помогает чувство юмора.

ЛЮБОЕ УВЛЕЧЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ СО СКОРОСТЬЮ и гонкой, имеет свою субкультуру – это относится и к тем, кто летает на дельтапланах, сплавляется по бурным рекам, опускается в пещеры или гоняет на горных велосипедах. Я люблю их черный юмор, их непристойные шутки, их почти религиозное благоговение перед своим телом – все, что снижает градус накала и дает защитный иммунитет. Именно такое ироничное отношение свидетельствует, что мы скорее живы, чем мертвы.

Однажды я писал о работе пожарной части в Чикаго. Чтобы понять, как можно оставаться спокойным среди бушующего огня, я спросил одного пожарного, почему он выбрал свою профессию. «Мне нравится все ломать», – ответил он. В тот момент мы вместе с ним выламывали окна в здании после пожара, и я понял, что он имеет в виду. В той пожарной части работал один пожарный-старожил по имени Берни. Перед выездом на пожар он даже не надевал форменной кевларовой куртки, обеспечивающей хоть какую-то защиту. Он мог заснуть по дороге на пожар. Когда я спросил Берни, как ему это удается, он спокойно ответил, что может спать, даже если его член прищемят дверью.

Берни не был исключением. У большинства пожарных довольно своеобразное чувство юмора. Парни той части, о которой я писал, называли небольшой холодильник для пива «детским гробиком». У них была масса названий для разных видов трупов: «хрустяшки», «вонючки», «поплавок», «недожаренный», «всадник без головы».

Бутч Фараби, координатор службы по чрезвычайным ситуациям в национальных парках, рассказал свою историю. Однажды он взял с собой на задание своего друга – Уолта Дабни. Они отправились в

национальный парк Йосемити на поиски пропавшего (в этом парке умирает приличное количество людей). Человека, которого они искали, звали Рик; когда нашли его тело, оказалось, что он был мертв уже целую неделю. Вот о чем вспоминал Фараби:

Это было ужасное зрелище. Труп кишел червями. При этом он был твердым, как пережаренная индейка, и, чтобы засунуть его в мешок, нам пришлось отломать руки. Когда мы спускали труп со скалы, то мешок сорвался. Труп мы нашли, но нам с Уолтом пришлось провести с ним ночь. Я начал говорить с умершим: «Привет, Рик! Как дела? Прости, что мы тебя уронили». Уолт решил, что я издеваюсь или что у меня крыша съехала. На самом деле я просто, как умел, решал ситуацию. К трупам сложно привыкнуть.

Некоторые горные спасатели называют мешки для транспортировки тел «спальниками вечного сна». Возможно, звучит это не слишком сердечно, но оставшиеся в живых шутят и забавляются даже в самых ужасных ситуациях; причем чем опаснее, тем грубее. Чтобы что-то предпринять, необходимо увидеть ситуацию такой, какая она есть. Как писали Сиберт и другие ученые, элемент игры помогает человеку трезво оценить обстановку, а ирония способствует тому, что он перестает воспринимать положение безвыходным.

Непристойный юмор военных летчиков – это секретный язык, содержащий тайны, о существовании которых мы можем даже не подозревать. Настроение обычно передается, и самыми заразительными оказываются улыбка, шутка и смех. Чтобы рассмеяться, не требуется особого умственного напряжения. Смех происходит автоматически и передается от одного к другому. Он стимулирует левую префронтальную кору головного мозга, то есть область, отвечающую за хорошее самочувствие и мотивацию. Стимуляция этой области уменьшает чувство недовольства и волнения. Существуют доказательства, что смех приводит к снижению активности миндалевидного тела, а это гасит чувство тревоги. Улыбка подавляет негативные эмоции. Может показаться, я привожу исключительно научные выкладки, не имеющие отношения к реальной жизни. Тем не менее знание этого будет полезным, например, для альпиниста, напарник которого сломал ногу на высоте более двух тысяч метров в перуанских горах.

Лучших спортсменов от обычных смертных отличает не отсутствие страха. Они тоже боятся, но борются с этим чувством и не допускают, чтобы страх управлял ими. Они используют страх, чтобы сконцентрировать внимание на действии. Тренер Майка Тайсона, Кас Д'Амато, сравнивал страх с огнем: «Можно еду приготовить, можно дом согреть, а можно и спалить все». Сам Тайсон говорил: «Страх – это щелчок, как луч света во время боя. Мне нравится это ощущение. Я начинаю чувствовать себя уверенным и спокойным, и все становится взрывоопасным. Я говорю: “Ага, вот ты, дружок, и появился. Ты снова со мной”». Но это очень опасная территория, поскольку на ней легко потерять самоконтроль, что не раз случалось с самим Тайсоном.

Большую часть жизни я провел среди людей, которые рискуют и в любой момент могут погибнуть в результате собственных действий. Они близки к смерти. Они часто видят ее. Они знают о ней всё. У них много погибших друзей. И у каждого есть свой план, как избежать гибели, – обычно это смесь суеверий, знаний, иллюзий и уверенности в собственных силах. Однако все они просто люди и у всех них обычные человеческие тела. Когда человек попадает в опасность, когда он стремится получить удовольствие, выполняет долг или становится жертвой несчастного случая, его организм ведет себя довольно предсказуемо, потому что у него есть набор врожденных реакций. Борьба с ними сложно, да и не нужно, поскольку они заложены в нас самой природой.

СРАЗУ ПОСЛЕ ИНСТРУКТАЖА, который провел Янкович, и перед вылетом самолетов с палубы авианосца мы вместе со всеми пошли в офицерскую столовую. Летчики должны идти на задание, будучи сытыми. Мы уже заканчивали обедать, как к нам подошел одетый в белое официант. Каждый офицер за столом сказал ему только одно слово: «Понос».

Приняв заказ у военных, официант повернулся ко мне:

– Понос, сэръ?

– Конечно, – не колеблясь ответил я.

Когда официант отошел, я спросил у Майка Янковича:

– Что это за «понос» такой?

– Из автомата, – ответил тот. – Мягкое мороженое вроде Dairy Queen.

– Почему мягкое мороженое – понос?

– Пойди-ка посмотри, как оно выходит из автомата, – ответил Янкович.

Чтобы остаться в живых, следует сохранять невозмутимость. И надо иметь смелость смеяться над тем, что вас пугает. Ученые объясняют, что происходит в самых дальних уголках человеческого мозга, но мы не ученые, поэтому мы прибегаем к помощи самого черного юмора. Вот они, военные летчики: им скоро лететь в дьявольскую ночь, им предстоит выполнять рискованные задания и делать еще черт знает что, – а они шутят, что на десерт им подают нечто поносообразное.

Видимо, это старая привычка военных. Ремарк писал:

Кошмары фронта проваливаются в подсознание, как только мы удаляемся от передовой; мы стараемся разделаться с ними, пуская в ход непристойные и мрачные шуточки; когда кто-нибудь умирает, о нем говорят, что он «прищурил задницу», и в таком же тоне мы говорим обо всем остальном. Это спасает нас от помешательства. Воспринимая вещи с этой точки зрения, мы оказываем сопротивление.

(«На Западном фронте без перемен», глава 7[17])

ЧЕРЕЗ ЧАС ПОСЛЕ ОБЕДА мы уже стоим на площадке визуального управления посадкой самолетов. Янкович прижал к уху свой «огурец». Мы наблюдаем, как на нас неровно движется самолет, за штурвалом которого сидит нервничающий летчик. Янкович даже в самую непроглядную ночь точно скажет, сможет ли тот или иной приближающийся самолет зацепиться за трос. «Наш» пилот летит совсем плохо – это видно даже мне, полному профану.

В наушниках раздается голос Янковича: «Осторожнее, Рэй Чарльз приближается...» Он нажимает на кнопку на выключателе продольного триммирования, и пилот поднимает самолет на второй круг. На площадке, на уровне седьмого этажа над бездонным океаном, Янкович пританцовывает и покачивается, словно исполняет блюз, характерно наклонив голову в стиле слепого Рэя Чарльза.

Мы поворачиваемся в сторону самолета и наблюдаем, как летчик меняет курс. Вздывают двигатели. Машину качнуло, она чуть теряет высоту, потом снова выравнивается. Янкович толкает меня в бок: «Ты, парень, заметил, как его тряхануло? Теперь этот придурок точно будет всю неделю подушку кресла частями из задницы выковыривать».

Глава 2

Воспоминания о будущем

ГРУППА ИЗ ДВАДЦАТИ ЧЕЛОВЕК на снегоходах только что закончила операцию по поиску и спасению троих друзей, катавшихся на мотосанях по горному хребту в канадской провинции Альберта. У одного из катавшихся возникли проблемы с мотором, и всей троице пришлось на ночь укрыться в ущелье Скалистых гор (аборигены называют их Кутенаи). После того как потерявшиеся были найдены, восемь спасателей сопроводили их назад, в лоно цивилизации, а оставшиеся двенадцать пытались починить сломавшиеся сани. По пути назад следующие восемь человек вдруг оторвались от основной группы и понеслись вперед.

Через некоторое время ушедшая вперед восьмерка решила остановиться и подождать остальных. Для этого они выбрали широкую ровную площадку под склоном холма. Место это было довольно популярно среди альпинистов, которые во время отдыха развлекались, устраивая гонки на мотосанях. Человек разгонял сани, на максимальной скорости поднимался как можно выше по склону, затем разворачивался и съезжал вниз. Восемь спасателей тоже решили посоревноваться друг с другом: кто выше взлетит на холм.

Уже после всех разыгравшихся событий был сделан официальный отчет, в котором сухо говорилось: «В тот день людей предупредили о риске лавинной опасности четвертой, то есть высокой, степени; рекомендовано по склонам не перемещаться».

Видимо, горный воздух, пропитанный пряным запахом можжевельника, одурманил нашу восьмерку. Широкая площадка плавно поднималась к грандиозным остроконечным горам, пики которых сливались с облаками и сквозь тихо падающий снег казались трамплинами в небо. По мнению психологов, желание промчаться на бешеной скорости на мотоцикле или снегоходе – проявление определенной склонности к острым ощущениям. Кроме того, эти восемь человек уже обнаружили довольно слабую самодисциплину, когда оторвались от общей группы, желая продемонстрировать то ли свою смелость, то ли безрассудную лихость. И вот они, как всадники, оседлали свои снегоходы, держа руки на рукоятках газа. Ревели

моторы. Огромная совокупная масса лошадиных сил бешено пульсировала и била копытом. Природа не могла не откликнуться на этот призыв и вывесила в воздухе пелену легкого снега, застилавшего грозную красоту гор и облаков. Но снежная завеса, словно полупрозрачный театральный занавес, одновременно и умалчивала о своих тайнах, и почти сладострастно манила к себе.

Внезапно один из «всадников» не выдержал – у него будто взорвалось что-то в голове. Оставшиеся семь с изумлением взирали, как он мчится по открытому пространству, на глазах превращаясь в черную точку. Сам водитель ощущал, как его снегоход отталкивается от снега и с огромной мощью прыгает вперед. Его охватило знакомое опьяняющее чувство скорости и власти. Машина неслась все выше и выше по тринадцатисантиметровому покрову выпавшего за последние два дня снега. Но свежий слой лежал на пяти сантиметрах пропитанного дождем старого снега, который, в свою очередь, покоился на семидесяти сантиметрах снега, накопившегося за последние два месяца. Эта многослойная снежная масса балансировала на подвижном пласту сырых горных песчинок, обладавших коэффициентом трения крошечных шариковых подшипников. Остается добавить, что вся тяжелая конструкция находилась под углом приблизительно тридцать пять градусов, то есть имела наклон, максимально способствующий лавинообразованию. На более крутых склонах снег сползает до того, как успевает примерзнуть, а на менее покатых снег лежит довольно крепко.

Снегоход смельчака застрял в глубоком снегу, так и не доехав до вершины. Оставшиеся внизу видели, как он словно муха прилип к сливочно-белому пломбиру горного склона. До них доносился отдаленный рокот мотора, говоривший, что их товарищ не теряет надежды выбраться на свободу.

Любое состояние возбуждения заразительно, особенно нервная дрожь охоты и гонки. Она охватила и второго «всадника». Поурчав мотором, он устремился вперед, прямо в белоснежное и пушистое лоно дикой природы.

Произошло это утром, приблизительно в одиннадцать часов сорок минут. Кто-то из оставшихся внизу наверняка спрашивал: «Черт возьми, да о чем они вообще думают?»

Водитель второго снегохода почти доехал до своего забуксовавшего приятеля. Скорее всего, у него в голове появились какие-то сомнения и он вспомнил предупреждения о «лавиной опасности высокой степени». Вероятно, по поводу собственных действий у него возникла внутренняя дискуссия между мозгом и телом.

Стоящие внизу наблюдали, как след его снегохода постепенно удлинялся, и слышали затихающий вдали звук его мотора. Первый снегоход стоял на месте. Вдруг раздался похожий на выстрел звук, который обычно сопровождает начало схода лавины.

В официальном отчете значилось следующее:

Приблизительно в одиннадцать часов сорок минут второй снегоход начал подниматься по склону горы к первому снегоходу. Когда он проехал приблизительно две трети пути, начала сходить лавина третьей, значительной степени опасности. Второму снегоходу удалось уйти от лавины, и его водитель выжил. Внизу в долине находилось еще шесть снегоходов. После начала лавины пятеро человек благополучно смогли отъехать и избежать опасности.

Но один из находящихся внизу людей остался, замерев на месте.

Ширина лавины составляла сто тридцать семь метров, она сошла приблизительно на триста семьдесят метров вниз. Лавина началась на самом пике горы и стянула с нее восьмидесятисантиметровый пласт снега. Пласт горных песчинок сработал, как транспортерная лента, и лавина каскадом пошла вниз. Все это напоминало классическое землетрясение в Сан-Франциско, в результате которого может исчезнуть восьмиполосная автомагистраль.

Лавина буквально слизнула человека, находившегося на склоне, и он остался под трехметровым слоем снега. Тот бедняга, который стоял внизу и не смог сдвинуться с места, видимо, замороженный картиной сползающей белой стены, попал под двухметровый слой мокрого снега и оказался зацементированным в нем, словно его погрузили в жидкий бетон. Замирать на месте – условный рефлекс на опасность всех млекопитающих. Есть снятые очевидцем кадры толпы в момент взрыва, прогремевшего во время проведения Олимпийских игр в Атланте в 1996 году. На этих кадрах прекрасно видно, что преобладающей реакцией людей было оцепенение, следующей реакцией – приседание.

У каждого участника той экспедиции имелся трансивер – радиоустройство, помогающее определить точное местонахождение человека. Таким образом, все члены группы спасателей не только были предупреждены о лавинной опасности, но и технически подготовлены к неординарной ситуации. Все они знали, что может произойти с человеком, погребенным в неудобной позе под снегом. Снежная масса, шириной даже несколько сантиметров, очень тяжелая и затвердевает в течение первых секунд. Округлые песчинки, снесенные во время схода лавины, снова крепко сцепляются между собой после того, как она останавливается. Общий вес снега, который в тот день сошел в долину вместе с лавиной, составил приблизительно девятьсот тысяч килограммов.

Благодаря трансиверам спасшиеся моментально установили местоположение тех, кто остался под снегом. Начало операции по откапыванию людей было обещающим. В одиннадцать часов пятьдесят пять минут на место происшествия прибыла группа из ближайшего лыжного курорта. При подобных ситуациях это редчайший случай, когда помощь приходит так быстро. Однако раскопать мокрый снег толщиной в два-три метра даже большому количеству людей, даже при таком количестве адреналина, бурлящего в их крови, совсем не просто. Разгрести мокрый снег – практически то же самое, что раскапывать городской тротуар. Через двадцать пять минут откопали водителя третьего снегохода – того, кто оцепенел от творящегося на его глазах. Лицо его было синего цвета, дыхание отсутствовало. Через сорок минут откопали водителя первого снегохода. Факт смерти обоих установил в четырнадцать часов прибывший доктор. Все это произошло в 1994 году накануне Валентинова дня.

В официальном отчете зафиксированы даже такие слова: «После всех событий кто-то из группы произнес: “Зачем они так поступили? Ведь нас же предупреждали...”»

Действительно, зачем?

Как писал Уильям Фолкнер:

Человек так мало знает о своих ближних. В его глазах все мужчины – или женщины – действуют из побуждений, которые двигали бы им самим, будь он настолько безумен, чтобы поступать как другой мужчина – или женщина.

(«Свет в августе», глава 2[18])

Довольно часто после трагических событий задают один и тот же вопрос: «О чем они только думали?» Сейчас нейробиологи, опираясь на новейшие исследования, в состоянии предложить вполне убедительный ответ.

Начнем с того, что решим проблему, почему у людей возникло желание направить свои снегоходы вверх по склону. На вершине горы их не ждали никакие неотложные дела. То есть дела у них были, но совершенно в другом направлении. Зачем разумному и хорошо информированному человеку понадобилось сжигать дорогостоящее топливо, чтобы сначала поехать вверх по склону, а после тут же с этой же горы и съехать? Ответ прост – это забавно.

Теперь разберемся с тем, почему абсолютно бессмысленное действие доставляет удовольствие. Если верить ученым, то мотивы любого поведения можно проследить до начальной точки – идеи выживания. Следовательно, в каждом поступке должна быть заложена какая-то стратегическая ценность. Например, мы знаем, почему занятие сексом – это забавно. Потому что без него невозможно продолжение рода. Если бы секс не был настолько детерминирован, то вряд ли кто стал бы «настолько безумен», чтобы заниматься им снова и снова.

Наверное, современные ученые объяснили бы это несколько иначе. Как солдаты у Ремарка, не задумываясь бросавшиеся на землю при свисте снаряда, водители снегоходов действовали на основе вторичной эмоции, сформированной благодаря опыту и синаптической памяти. Может быть, в них проснулось чувство охотника, загоняющего свою добычу, – желание быстро двигаться, стремительно действовать, ловить и убивать. Может быть, возникло состояние, близкое по силе инстинкту размножения. Может быть, это был никому не известный сплав чувств – новое пьянящее сочетание химических элементов, возникающее во время быстрой езды на снегоходе. (В США донорами для пересадки сердца становится огромное количество молодых глупцов, насмерть разбившихся на своих мотоциклах. Поэтому будем считать, что наше предположение верно.) Эмоции на определенном уровне универсальны, и в данном случае важно, что определенное чувство возникает без участия какой-либо мысли.

Довольно часто возникает путаница в значении слов *эмоция* и *чувство*. Американский философ Уильям Джеймс, которого называют отцом психологии, был первым человеком, открывшим, что логическая цепочка: «видим медведя – боимся его – убегаем от него» – совершенно ошибочна, а правильная связь – это «видим медведя – убегаем от него – потому и боимся его». Вначале возникает эмоция как реакция организма (оцепенение, побег, сексуальное возбуждение). Потом появляется чувство (страх, гнев, любовь). Страх, возникающий во время землетрясения, приводит к появлению химических реакций, подобных тем, которые происходят во время сексуального возбуждения. Но это два разных переживания, как, собственно, и сами ситуации, их порождающие. Поэтому ощущение, которое мы передаем словами «земля затряслась», может быть наполнено разными смыслами. И именно поэтому занятия, связанные с риском для жизни, оказываются приятными нашему организму. Даже страх мы можем воспринимать как забаву. Человек боится при опасных обстоятельствах – когда ему необходимо спасти себя. Следовательно, чувство страха дает ему более полное ощущение жизни. Легко принимать правильные решения, если кажется, что ситуация не связана с большим риском, – тогда за вас это делает ваше тело.

Однако ничего нет забавного в том, что человек доводит себя до смерти. И в который раз мы задаемся вопросом, почему водители снегоходов пошли на риск, зная об угрозе образования лавины. Мы уже понимаем, как приятно промчаться на полной скорости вверх по склону. Но совсем непонятно, ради чего люди, предупрежденные о смертельной опасности, решаются на такое.

Каждый из нас когда-либо видел, как играют шахматные гроссмейстеры. А теперь представим, что наша жизнь – это и есть игра. У кого-то – на шахматной доске, у кого-то – на шашечной. А у тех, кто занимается экстремальными видами спорта или исследует дикие места, – в природных условиях.

Компьютер играет на основе логики, пробуя комбинации ходов, которые заложили в него программисты. Люди просто не в состоянии этого делать. Но фактически ни компьютеры, ни люди не могут играть в шахматы исключительно на основе логики. В шахматной игре всего несколько простых правил, а возможных ходов – десять в сто двадцатой степени. Это настолько большое число, что его можно

считать бесконечным. Джеймс Глейк писал в книге «Хаос»^[19] (Chaos), что во всей Вселенной не существует столько элементарных частиц и с момента создания мира, тринадцать миллиардов лет назад, не прошло столько микросекунд. Логика плохо работает в таких нелинейных системах, как жизнь или шахматы.

Постараемся представить наших «всадников» за шахматной доской. В игре заложены миллиарды мегабит информации и постоянно поступает новая информация. А люди должны принимать решение. Как им это сделать?

У водителей снегоходов уже сложилась эмоциональная схема, связанная с заездом на крутой склон. Они не раз так делали, и риск полностью окупался состоянием кайфа. Полностью физиологическое чувство – оно понравилось телу, которое, если можно так сказать, поставило на нем свою «метку»: «Надо бы это попробовать снова». Понятие «помет», которые создает наш мозг, ввел в научный обиход Антонио Дамазо, назвав их *соматическими маркерами*. Они возникают не случайно – ведь так трудно в нашем огромном, уже порядком потрепанном и совершенно чокнутом мире полагаться исключительно на громоздкую логику и неповоротливый здравый смысл. Жизнь потеряет и вкус, и запах.

А теперь представим, во что превратится наша жизнь, если мы начнем применять только дедуктивный метод, скажем, к процессу питания. Допустим, наш мозг превратился в компьютер и теперь работает лишь на основе логических схем. В предвкушении я уже рисую замечательную картинку. Воскресенье, вторая половина дня; вы сидите дома у компьютера и вдруг начинаете испытывать чувство голода. Сначала вы пытаетесь съесть телефон, но он оказывается таким невкусным. Переходите к карандашам – тоже не очень. Пытаетесь пожевать клавиатуру – какая-то безвкусная. Потом набрасываетесь на все, что рядом: край стола, стул – в итоге вы уже лижете пол... Надеюсь – если останетесь живы, – через неделю вы таким образом доберетесь до кухни и холодильника. Пожевав его ручку, вы откроете, наконец, дверцу и найдете пиццу. Ура!

Нелепо, да? Вы, конечно, возразите: «Не стану я есть телефон! Я знаю, где в моем доме еда». Тем не менее именно таким образом находят еду шимпанзе, у которых удалены части мозга, отвечающие за эмоции. Если здравый смысл и логику оставить без функции

«быстрого поиска» эмоций, человек превращается в калеку. Ученые наблюдали этот процесс на пациентах, перенесших мозговую травму. Они могут выполнять логические действия, и у них нормальная память, однако они не в силах, например, назначить встречу – поскольку невозможно принимать решения, основываясь только на логической схеме. Их мозг не создает пометы. У них полностью отсутствует интуиция. В каком-то смысле эти несчастные словно отрезаны от собственного тела. Одно из самых важных открытий современной нейробиологии в том, что тело контролирует мозг, а мозг контролирует тело.

Большую часть решений мы принимаем, не используя логических умозаключений. Леду пишет: «На протяжении эволюции животного мира бессознательная работа мозга... была скорее правилом, чем исключением». Чтобы найти еду, у нас уже есть определенная помета: открыть дверцу холодильника. Нам не надо об этом ни думать, ни даже вспоминать. Еда хранится в холодильнике – и всё. Логика может подключаться на каком-то другом этапе. Например, наши мысли заняты работой, когда мы автоматически заходим на кухню и открываем дверцу холодильника, и только в этот момент, оглядывая полки, мы задумываемся, что выбрать: пиццу или яблоко. Мы находим еду, не прибегая ни к логической схеме, ни к дедуктивному методу, ни к силе своего интеллекта. Голод и собственное тело прокладывают нам путь к холодильнику.

Когда необходимо принять мгновенное решение, человек использует систему эмоциональных помет. Мы находим определенную помету на набор схожих обстоятельств и вспоминаем, как тогда себя ощущали – хорошо или плохо. Дальше внутреннее чувство мгновенно подсказывает, как следует себя вести. Человек не торопится повторять печальный опыт. Если предыдущий опыт был приятным, то он, по выражению Дамасио, становится «маяком побуждения». Например, запах роз переносит меня в Сан-Антонио 1958 года, в сад моей бабушки Розы. Причем мне не обязательно вдыхать запах реальных роз. С тем же эффектом можно подумать об этом запахе или вспомнить его.

Мгновенная реакция тела посредством чувства, которое возникает в виде пометы, может легко принять решение за человека, если разум его не остановит. Поэтому тот военный летчик, летевший слишком

низко и на малой скорости, не исправил своих ошибок, а врезался в палубу авианосца. Он не понимал, что делает, несмотря на то что ему об этом недвусмысленно говорили.

Дамасио писал: «Когда ум соединяет плохой результат с определенной реакцией... человек – пусть на очень короткое время – испытывает неприятное чувство, понимая, что его поступки не приведут к хорошим последствиям». Подобная система помогает быстро принять решение, которое потом вам бывает даже сложно объяснить. Именно таким образом, на основании внутреннего чувства, делаются и самые лучшие, и самые худшие выводы.

Кайф, однажды испытанный нашими «наездниками» во время быстрой езды на снегоходе, стал нужной пометой – и их эмоциональная система ее безошибочно обнаружила. Несмотря на то что гонка по снегу не имеет прямого отношения к борьбе за жизнь, чувство удовольствия от нее стало тем опытом, который превратился в первичную эмоцию. Ведь поддельных эмоций не бывает.

Данная система работает без помощи логики и рассуждений. Весь смысл ее в том, что думать не надо. Вот вам и ответ на вопрос: «О чем они только думали?» – они совсем не думали.

ШВЕЙЦАРСКИЙ ПСИХОЛОГ ЭДУАРД КЛАПАРЕД провел в 1911 году эксперимент, который стал классическим. Однажды ученый, пойдя к своей постоянной пациентке, когда-то утратившей кратковременную память, поздоровался с ней за руку, как у них было заведено. Но в тот день у него в руке была иголка, которой он ее уколол. Уже через несколько минут сорокасемилетняя женщина забыла об этом, однако после того дня уже никогда не здоровалась за руку. Она не знала почему. Болезненный опыт, связанный с образом доктора, протягивающего ей руку, напоминал ей, что здороваться за руку не стоит. У нее сразу возникало плохое предчувствие. Здоровый человек вряд ли смог объяснить свои чувства, но все бы вспомнил через долю секунды.

Логическое мышление было не в состоянии помочь пациентке решить: жать или не жать руку доктору. Но где-то в глубине ее мозга неприятные опыт и чувства отложились в виде нужной пометы. Почувствовав боль, она, возможно, отдернула ладонь. Чувства, возникшие после эмоциональной реакции отдергивания руки, были неприятными и сильными – потрясение, удивление и страх. У нее

участились сердцебиение и дыхание. Может быть, она даже покраснела или вскрикнула. И хотя она не помнила этого события и своих чувств, помета все равно появилась, и благодаря ей пациентка уже никогда не здоровалась за руку. Клапаред сделал важное открытие: человек в состоянии обучаться, не подключая ни разум, ни память. Поскольку пациентка, казалось, училась на уровне тела, это свидетельствовало, что в человеке существует еще какая-то невидимая и непознанная система. Именно она, эта система, приняла вместо водителей снегоходов решение помчаться вверх по склону вопреки голосу разума.

Заученная реакция пациентки была правильной, но отсутствие памяти не предоставляло ей возможности изменять эту реакцию в зависимости от обстоятельств. Даже когда опасности больше не было, женщина не подавала руки. Нормальный человек спросил бы: «Доктор, скажите, ведь сейчас у вас нет иголки?» Но пациентка потеряла когнитивную гибкость, которая отличает человека разумного от остального животного мира.

Осознанные движения правой стороны тела начинаются в двигательной области коры головного мозга левого полушария и проходят через корково-спинномозговой путь и через множество его аксонов. Если человек переносит инсульт, который пагубно влияет на двигательную область коры головного мозга, правая часть тела оказывается парализованной. Всё, включая мускулы лица, перестает работать. Если перенесшего такой инсульт человека попросить улыбнуться, то улыбка получится кривой. Но если вы случайно пошутите, а он спонтанно рассмеется, то его улыбка будет симметричной и совершенно нормальной. Это объясняется тем, что эмоциональные реакции контролируются частями мозга, которые инсульт не затрагивает: передней частью поясной извилины, средней височной долей и базальными ганглиями. Точно такую реакцию можно наблюдать у пациентов, перенесших мозговую травму. В мозге существуют по крайней мере две отдельные системы, отвечающие за поведение. То, как человек превращает опыт в знания или запоминает его, имеет прямое отношение к проблеме выживания.

Психолог и основатель Общества эффективной деятельности человека в экстремальных условиях (Society for Human Performance in Extreme Environments) Эфимия Морфью рассказала мне несколько

случаев, когда аквалангистов находили мертвыми, хотя их акваланги были наполнены воздухом, а дыхательное оборудование – в рабочем состоянии. «Единственной причиной смерти, – пояснила Эфимия, – было только то, что аквалангисты сами вынимали изо рта трубки. Исследователи долго бились над тем, чтобы найти хоть какое-то другое объяснение их гибели. Но ни к чему более они не пришли». Судя по всему, некоторые люди чувствуют, что задыхаются, когда оборудование для дыхания закрывает им рот и нос. Они просто снимали под водой маску, чтобы рот и нос оставались открытыми.

По сути, жертвы таких несчастных случаев поступали вполне логично: в нормальных условиях для дыхания необходимо держать открытым нос или рот. Однако в неестественных условиях подводного плавания с аквалангом это приводит к гибели. Вероятно, чувство удушья появилось из-за предыдущего опыта, который осознанно не отложился в их уме. Поэтому аквалангисты не знали, что их организм не терпит того единственного, что спасает их под водой, – маску и трубку. Разумеется, находясь на суше, вряд ли они стали бы утверждать, что под водой можно выжить без доступа воздуха. Следовательно, в критический момент принятия решения голос разума не смог противостоять эмоциям.

Морфью тоже хотела понять, о чем думали аквалангисты, когда лишали себя воздуха. Ответ простой: они не думали. За них все решили имплицитная память и эмоции. Мы правомерно считаем, что разум – наше высшее эволюционное достижение. Ведь недаром наш вид называется «человек разумный». Но для человеческого организма, попадающего в ситуацию смертельной опасности – человеческого организма, который на протяжении всей своей эволюции полагался главным образом на эмоции, – познавательные способности совершенно не нужны. Разум работает медленно. Как писал Ремарк, на него нет времени.

Во время экстремального отдыха случаются загадочные трагические обстоятельства, к которым чаще всего приводят неразумные решения и нелогичные действия. Это тоже объясняется взаимодействием двух сфер – эмоциональной и познавательной. С точки зрения инстинкта выживания аквалангисты поступали правильно, так как желание дышать врожденное и контролировать его иногда сложно. Выживают те, кто умеет управлять своими

импульсами, а те, кто не научился, – погибают. Я привожу самое простое объяснение сути выживания, и совершенно неважно, где развиваются события – в кабине военного самолета или в джунглях.

Когда я учил свою дочь Амелию кататься на сноуборде, она падала всего два раза, и то лишь из-за того, что слишком надавливала ведущей ногой на доску. Если ближе к спуску с горы перенести слишком много веса на ногу, которая стоит на основании, то доска зарывается носом и вы падаете. Причем падаете довольно сильно – у вас болит все тело. После первого падения следует постоянно напоминать себе, что мышцы ног должны быть напряжены, чтобы нос сноуборда не зарывался. Можно устать или отвлечься – и снова упасть, чувствуя себя так, будто вас отправили в нокаут на боксерском ринге. После второго падения возникает эмоциональная помета. Как только вы начинаете расслаблять мышцы ног, у вас возникает крайне неприятное предчувствие. Вам кажется, что сейчас на вас сбросят сейф, и тогда вы моментально напрягаете мышцы ног. Больше вы уже никогда об этом не думаете.

Таким образом, эмоциональные пометы и связанные с ними чувства оказывают неоценимую помощь логическому мышлению и рациональному восприятию. Однако при определенных обстоятельствах, особенно когда вы сталкиваетесь с незнакомой и серьезной опасностью, эти пометы могут оказаться ловушкой.

Глава 3

Карта мира

КОГДА Я БЫЛ ПОДРОСТКОМ, то старался быть таким же невозмутимым, как отец. Иногда он рассказывал мне о разнице между человеком, который из кожи вон лезет, чтобы казаться хладнокровным (это был я), и человеком, который на самом деле оставался всегда спокойным (это был мой отец, хотя он никогда не выставлял себя в качестве какого-либо примера). В те годы я уже пускался в разные рискованные мероприятия, и как-то отец заметил, что бесполезная смерть не имеет никакого отношения ни к хладнокровию, ни к рассудительности.

Прошло много лет. Однажды летом я участвовал в маневрах Восемьдесят второй авиадесантной дивизии. Маневры проводились с применением боевых патронов и проходили в Форт-Брэгге – одной из основных военных баз. Я находился с частью рейнджеров[20].

Несколько дней мы летали на вертолетах, стреляли ракетами и взрывали танки. В общем, весело проводили время. Впрочем, больше всего меня интересовала подготовка рейнджеров, которая, как известно, очень суровая. Курс обучения длится восемь недель. Он начинается в Форт-Беннинге в Джорджии и иногда доводит парней до штата Юта. Подготовка рейнджеров – самая интенсивная и сложная в армии США.

Однажды ночью рейнджеры должны были прыгать с парашютами в песчаные дюны. Мне прыгать не разрешили, поэтому я ждал их на земле. Сначала я услышал звуки стрельбы в лесу, а потом гул «Геркулесов» – военно-транспортных самолетов С-130. Луна еще не взошла, на западе ярко мерцало созвездие Большая Медведица. Я шел по пустыне, которая десять миллионов лет назад была морским дном. Стояла такая темная ночь, что, пробираясь по дюнам, я ничего не видел на расстоянии вытянутой руки. Вдруг одна из звезд на юге превратилась в мощный источник света. Я понял, что это и есть место сбора парашютистов, и пошел в ту сторону.

Потом я заметил, как на востоке быстро пролетела яркая звезда. Прошло мгновение, и я понял, что это сигнальная ракета. Через секунду я услышал звуки стрельбы из автоматов, потом раздался оглушительный выстрел гаубицы, затем ночь снова сомкнулась вокруг меня. Звук выстрела гаубицы похож на удар огромной железной двери, которую кто-то резко захлопнул, от чего поток сжатого воздуха влетел в окруженную горами долину. Движение воздуха в долине похоже на морской прибой, потому что воздушная волна отражается от гор и возвращается.

После этого появились самолеты. Зеленые и красные огни на фюзеляже приближались в направлении, параллельном месту десантирования парашютистов. Я побежал, чтобы быстрее оказаться в зоне высадки десанта, и находился в середине демилитаризованной зоны, когда самолеты оказались у меня над головой. Вся природа будто замерла. Небо было светлее, чем земля, и в холодной серости над мной к югу проплывали гигантские туши самолетов. Неожиданно в небе «раскрылось» множество медуз, которые из небольших черных точек превращались в круглые, растущие сгустки темноты, заполнившей пространство между звездами.

Самолеты пролетели, и снова наступила абсолютная тишина. Слышалось только биение моего сердца. Я спотыкался на «морском дне», наблюдая, как надо мной и вокруг меня растут невиданные существа, готовые приземлиться мне на голову и опутать мое тело дрожащими лепестками грибообразной плоти. Я стал различать фигуры людей, висевших под куполами этих грибов. На высоте тридцати метров над землей парашютисты отстегивали тяжелые рюкзаки, которые повисали на пятиметровой веревке. Вокруг меня в воздухе звучали трели и щелчки отстегиваемых и падающих рюкзаков парашютистов, готовившихся к приземлению.

Недалеко от меня приземлился первый. Видимо, это была жесткая посадка, потому что после удара о землю я услышал вырвавшееся у солдата протяжное «Ух-х-х!». Зависшая над ним медуза вывернувшись наизнанку, выпустила находившийся под куполом воздух и медленно осела на песке в стороне. «Боже, ссать-то как хочется!» – услышал я стон парашютиста, после чего послышались металлические звуки отстегиваемых защелок опутывавших его ремней.

Потом я увидел его лицо. Света оказалось достаточно, чтобы я узнал парня. Его все называли просто Приятель. Когда рейнджеры готовились к заданию, вставляли боевые и трассирующие патроны в обоймы автоматов М-16 и распахивали по рюкзакам мины для минометов, я помню, как Приятель стоял на коленях и нянчил в руках «Клеймор»^[21]. У нее корпус из стекловолокна, в котором находится взрывчатое вещество и семьсот стальных шариков. Мина имеет прямоугольную форму, ее размер – восемнадцать на тридцать пять сантиметров, толщина – четыре с половиной сантиметра. Она грязно-серебряного цвета, края сглажены снизу вверх, есть острые железные ножки, чтобы ее можно было воткнуть в землю. При взрыве из мины со сверхзвуковой скоростью вылетает расплавленная крупная картечь, и все, кто оказался от нее на расстоянии меньше ста метров, превращаются, по выражению рейнджеров, в «фарш для гамбургеров».

В тот момент я тискал переключатель на мине для миномета, переставляя его с «контакта» на «взрыв в воздухе». Потом оторвался от своего занятия и увидел Приятеля с сигаретой в зубах, уткнувшегося носом в мину. Мне стало любопытно, и я подошел, чтобы посмотреть, чем он занимается. Приятель поднял глаза, нежно

улыбнулся и мечтательно сказал: «М-м-м, обожаю запах “Клеймора”». Я присел на корточки и поднес нос к мине. Она пахла вишнями.

Вокруг меня на территории демилитаризованной зоны приземлялись парашютисты. Сперва слышался удар о землю рюкзака с грузом ракет, мин, гранат и других боеприпасов, затем приземлялся сам парашютист, а потом – купол его парашюта, который бился и затихал в мертвом воздухе, как доисторическое морское животное на этом древнем морском дне. Один из парашютистов спокойно сказал мне с неба: «Отойди, сынок, я сейчас детонирую при ударе о землю».

После этого я шел по ночному лесу с рюкзаком, весившим тринадцать килограммов, и разговаривал с полковником рейнджеров Робертом Лоссисусом. В этой жизни он видел все. Нынешние ночные учения были для него пикником на даче. Он рассказал мне, что через одну или две недели после начала его собственной подготовки у него начались галлюцинации (кстати, те, кто переживал опасные ситуации, часто сообщают, что у них были галлюцинации). В то время Лоссисус съедал два пайка за три дня, то есть медленно умирал от голода. За сорок восемь дней учений он потерял десять килограммов. Спал мало, а подготовка усложнялась день ото дня: они шли форсированным маршем; покоряли скалы без страховки и веревок; их забрасывали в болота Флориды, в которых кишели аллигаторы и змеи, и они должны были самостоятельно выбраться из тех мест. Страх смерти, высоты, темноты и воды слился в один большой Ужас, от которого Лоссисус все глубже уходил в себя. Отчасти это дало ему возможность разобраться с собственным внутренним состоянием, измениться и выковать новую личность. Одни говорят, что характер надо пробуждать. Другие утверждают, что, напротив, его надо усыплять. Я покинул Форт-Брэгг полностью убежденный, что наконец познакомился с людьми, которые лучше всех, кого я встречал в своей жизни, подготовлены к опасностям в дикой среде. Правда, иногда опыт рейнджеров – опыт, приобретенный в условиях намного более страшных, чем дикие леса Амазонки и бурные реки Виргинии, – играет с ними злую шутку.

АРМЕЙСКИЙ РЕЙНДЖЕР КАПИТАН ДЖЕЙМС ГАББА решил заняться туристическим рафтингом по рекам Западной Виргинии и приобрел путевку на коммерческий тур с проводником. Они начали сплавляться по верхней части реки Гаули 6 сентября 1997 года. Их

рафт (большой надувной плот) ударился о камень, и тридцатилетний капитан упал в воду; естественно, проводник бросился помочь своему клиенту. Но «клиент только рассмеялся и оттолкнул протянутую руку». Габба спокойно поплыл вниз по течению. Скорее всего, будучи рейнджером, проходившим подготовку и не в таких условиях, он не понимал угрожавшей ему опасности. Более того, вполне уверенный и в своих силах, и в своей профессиональной подготовке, Габба чувствовал себя превосходно. Он хорошо поел, прекрасно выспался – да черт побери, он может плыть по течению, пока не надоеет! Габба добрался до места, где большой камень перегородил реку. Течение затащило его под воду, и он утонул. В официальном отчете написали: «Безусловно, турист не воспринял ситуацию всерьез». Но это не так. Напротив, Габба отнесся к своему положению слишком серьезно.

Конечно, в поведении капитана нетрудно заметить гипертрофированное высокомерие, однако все не так просто. Каждый из нас несет в себе определенный багаж индивидуальных качеств и привычек, воспитанных средой. С момента рождения наш организм постоянно занимается самоидентификацией. Иммунная система исследует попадающие внутрь нас элементы, чтобы удостовериться в их безопасности. Регуляторные Т-лимфоциты осматривают все белки и определяют, насколько те «свои» или «чужие». Если Т-регуляторная клетка признает белок «своим», то она самоуничтожается, если белок оказывается «чужаком», то Т-лимфоцит отдает приказ В-клеточному рецептору создать антитело, которое помогает остановить атаку и уничтожить захватчика.

Тем или иным способом, но наша иммунная система постоянно изменяет отношения организма к окружающей среде. Это и называется адаптацией. Пока мы живы, иммунная система все время перестраивается, но любая, даже самая незаметная перемена в окружающей среде может привести к тому, что иммунная система не сможет найти правильного ответа. Внезапно она становится «разрегулируемой». Когда европейцы в XVI веке завезли в Новый Свет незнакомые болезни, вполне здоровые и цветущие американские индейцы начали быстро вымирать. Но некоторые создания умеют виртуозно приспосабливаться. В начале этого лета вокруг моего дома на рассвете появлялись и громко кричали сотни ворон. В одно

прекрасное утро вороны не прилетели. Над ними, оказывается, нависла угроза вируса Западного Нила. Они исчезли на много месяцев, но потом снова вернулись. Вороны умеют выживать.

Следующий инструмент самозащиты (и самоидентификации) организма – эмоциональная система, которая определяет степень угрозы от внешних воздействий. С ее помощью человек ищет то, что ему во благо, избегает зла или борется с ним. Жозеф Леду писал: «Люди не сходят уже собранными с конвейера, их сборкой занимается жизнь». Так же как и иммунная, эмоциональная система пребывает в постоянном развитии. Она фиксирует ситуации, события, опыт и присваивает всему знак эмоциональной ценности – определенный показатель выживаемости по шкале «риск – вознаграждение».

Дети начинают учиться уже в утробе матери, и к концу беременности их мозг может формировать двести пятьдесят тысяч нервных клеток в минуту. (Ученые считают, что мозг взрослого человека имеет сто миллиардов нейронов и триллионы связей между ними.) После рождения дети постепенно начинают осваивать мир, используя метод проб и ошибок, с помощью которого они сопоставляют степень риска с достижимостью и вознаграждением. Каждый новый опыт дает телу дополнительные знания и формирует будущее поведение. Дети постоянно испытывают и прощупывают и самих себя, и пространство вокруг. Они пойдут на любой риск, если ситуация сулит бóльшую награду. Я видел, как мой недавно родившийся сын Джонас учился понимать, что его рыдания – прямой путь к цели. Если посмотреть на это с точки зрения теории выживания, то любое живое существо знает, какую опасность таит в себе плач. Плач означает страшный риск, ведь он привлекает внимание, которое может иметь для младенца как положительные, так и отрицательные последствия. Сначала Джонас плакал только тогда, когда его что-то беспокоило: боль, неудобство, голод – то есть своим голосом он подавал знак о возникшей проблеме. Мать сразу брала его на руки, кормила или меняла подгузник. И сын понял: плачем он может привлечь к себе внимание. Новый плач не был таким настойчивым и высоким по тону. Джонас скорее хныкал, но неизменно получал то, что хотел.

Даже небольшое нервно-психическое напряжение только способствует процессу обучения. Если два нейрона возбуждаются

вместе, то сила связи между ними возрастает. Представим, как два нейрона – сильный и слабый, причем первого назовем Алом, а второго Бетти, – одновременно возбуждают третий нейрон по имени Чарли. В этом случае слабый нейрон Бетти получает возможность возбуждать Чарли и делать его активным. Вот почему звонок без всякого присутствия еды вызывал у собаки Павлова обильное слюноотделение. Ученые, с их безудержной тягой к жонглированию терминами, назвали это явление долговременной потенцией[22]. Таким образом, риск – неотъемлемая часть жизни и процесса обучения. Ребенок, который боится падать, не научится ходить. Но если он идет на этот риск, то получает огромные жизненные преимущества: он держится на двух ногах и высвобождает руки. Вот почему для многих людей игра имеет такое большое значение. Поэтому мы идем в дремучий лес. Моя дочь Амелия могла бы отказаться от сноуборда после первого серьезного падения. Но в качестве компенсации за риск она приобрела многое: познала восхитительное чувство свободного скольжения по склону; поделила радость общения с любимым папашей; получила возможность носить прикольную одежду сноубордистов; и, конечно, привлекать внимание мальчиков. Наверное, во всем этом и заложен показатель выживаемости человеческого вида.

Процесс обучения при помощи шкалы «риск – вознаграждение» не затрагивает сферы логического мышления. Ребенок овладевает знаниями, облеченными в чувственную форму, то есть представляющими именно эмоциональный опыт освоения своего пространства. Но если среда меняется, если в окружающем мире возникают новые опасности, то эмоциональной адаптации может оказаться недостаточно.

На принятие решения при помощи логических умозаключений уходит слишком много времени, кроме того, детская логика еще недостаточно развита. Гораздо проще обратиться к своему бессознательному с его эмоциональными пометами (вероятно, это и есть долговременная потенция). Многочисленные нейронные сети и нейронные ассоциации, обращаясь к предыдущему опыту своего «хозяина», соединяют сиюминутную ситуацию с множеством подобных ей; при этом нейроны тратят огромный заряд электрохимической энергии, но зато ее мощная вспышка дает возможность «пролистать» нужные воспоминания: отметаются

обстоятельства и действия, связанные с негативными ощущениями, и выбираются те, которые дарили приятные, – именно так и принимаются решения. Джонас динамично создает эмоциональную карту собственной личности, собственного опыта и собственного мира, проецируя образы прошлого в будущее. Его эмоциональная сфера ежесекундно совершает огромную работу, создавая свою картину мира, – для выживания ребенка это имеет не меньшее значение, чем биение его сердца.

Работа только началась. Будем надеяться, что пройдут годы, и именно эмоциональная карта мира поможет моему подростку сыну найти выход из непростой ситуации, когда он будет метаться между двумя желаниями: посидеть в уютном кресле с «Войной и миром» или пойти с друзьями поесть мороженого. Но если Джонас когда-либо окажется в бурной реке, то эмоциональной карте придется решать более неотложную задачу, и при условии правильно сформированного опыта она мгновенно подтолкнет его к спасительному маршруту.

ПРЕДСТАВЬТЕ СНИМОК НОЧНОГО ГОРОДА, сделанный с борта самолета, – так выглядел бы наш мозг, если в нем высвечивались бы области, работающие в момент принятия того или иного решения. В опутанных нейронными сетями мерцающих участках, сформированных индивидуальным эмоциональным опытом, выбор делается с молниеносной скоростью, которая несравнимо более высокая, чем скорость принятия логических решений. Все это происходит в практически неизведанном пространстве, которое лежит за пределами сознательного мышления.

Большинство людей, упавших в быстро несущуюся реку, с радостью приняли бы протянутую руку помощи. Но капитан Габба пал жертвой собственного огромного опыта выживания в экстремальных условиях. Как армейский рейнджер он бывал в ситуациях намного более сложных, чем туристический сплав по реке с проводником в придачу. Габба умел выживать – это было его профессией. Вспоминая разные истории, рассказанные мне рейнджерами, я теперь понимаю, что капитану – отдохнувшему, сытому, не напуганному падением в реку – даже в голову не пришло позаботиться о собственной безопасности. Более того, он, может быть, как никогда раньше чувствовал себя живым и здоровым. Но что еще хуже – в среде рейнджеров считается недопустимым, если кто-то из них запросит о

помощи (нельзя отрывать напарника от выполнения боевого задания). Если парня во время прохождения подготовки приходится спасать, то ему не место среди рейнджеров. Эмоциональные пометы подсказывали капитану, что он должен, согласно правилам, выкарабкаться самостоятельно, а не валять дурака, принимая помощь постороннего, да еще «гражданского». Армейский рейнджер – он был обучен выполнять любое задание даже ценой собственной жизни. Его учили не только выживать, но и умирать за свою страну. Его учили, что бесчестие хуже смерти. Его учили не плестись вторым. «Рейнджеры прокладывают путь» – недаром это стало их девизом. В истории гибели капитана сыграла роль вся мощь рейнджерской боевой подготовки.

Двух погибших водителей снегоходов, о которых я рассказывал в предыдущей главе, постигла та же участь – их действиями управляли укоренившиеся эмоциональные пометы. У «наездника», первым поднявшимся по склону, в передней части мозга крутилось представление о возможности снежного обвала, но крутилось оно как-то на холостом ходу. Представление это было слишком абстрактным, не подкрепленным никаким физиологическим – другими словами, эмоциональным – состоянием. Организм его никогда не испытывал никаких чувств, связанных с обвалом. Увы, на его эмоциональной карте мира не был прочерчен опыт схода лавины.

Однако у него имелись другие представления – вполне явные и чувственные, – по которым легко нашлись соответственные эмоциональные пометы. На его эмоциональной карте значились горы, леса, снег, облака и резвый снегоход. Допустим, водитель почувствовал запах сосен, и этот запах совпал с тем, который он ощущал, когда в прошлый раз быстро въезжал на склон. Тело водителя помнило удовольствие, которое тогда ощущало. То есть, с одной стороны, мы все-таки имеем дело с абстракцией, с другой – с физической реальностью, отраженной на эмоциональной карте и связанной с инстинктивным поведением (что-то вроде: «Кто не охотится, тот не ест»).

Нельзя забывать и о других факторах. Прежде всего это чувства, связанные с удачной экспедицией по спасению трех приятелей, застрявших на ночь в ущелье. Сначала волнение, что люди потерялись; потом гордость, что удалось их найти и спасти; позже навалились

усталость и жажда; и конечно, чувство радости от такого удачно начавшегося дня – так называемый фактор облегчения, благодаря которому человек расслабляется и ощущает себя в безопасности. Все это повлияло на попытки разума сдержать необдуманное действие.

В гибели двух «наездников» сыграло свою роль еще одно серьезное обстоятельство. В нашем сознании сложилось общее представление о горном ландшафте как о чем-то незыблемом, прочно «стоящем на земле». Сложно представить, что сейчас, буквально на наших глазах, гора начнет сдвигаться со своего места. Это полный вздор! Гора не производит впечатления чего-то хрупкого и ломкого. И водители снегоходов, конечно, не могли представить, что с горным массивом что-либо произойдет. Мы думаем, будто верим в то, что знаем, но на самом деле мы верим в то, что чувствуем.

ЛИШЬ С НЕДАВНИХ ПОР нейробиологи начали понимать физиологические механизмы эмоциональных состояний, например страха. Неокортекс отвечает за наше умственное развитие, сознательные решения и аналитические способности. Миндалевидное тело выступает в роли пса, охраняющего наш организм. У моей младшей дочери Амелии есть лабрадор шоколадного окраса по кличке Люси. Иногда поступки нашей собаки очень напоминают поведение миндалевидного тела: Люси начинает лаять, когда кто-то еще только собирается приблизиться к входной двери и мы, люди, его не слышим и не видим.

Зрительное восприятие окружающего мира начинается с нервных импульсов, которые по нейронам сетчатки передаются в зрительный нерв; потом по зрительному тракту импульсы достигают таламуса (зрительный бугор; на самом деле два бугра – по одному на каждое полушарие мозга для получения информации от двух сторон тела). В ядре таламуса происходит первичная обработка поступившей информации, то есть впервые осознается зрительный образ. После этого импульсы идут по аксонам в средний слой неокортекса, а оттуда, пройдя еще несколько областей, поступают в зрительную кору больших полушарий, где происходит окончательное формирование зрительного образа. Однако еще до завершения процесса обработки зрительной информации ее «черновой эскиз» более быстрым и коротким путем достигает миндалевидного тела, которое проверяет эту информацию на предмет возможной угрозы. Миндалевидное тело,

как, впрочем, и наша Люси, не отличается особой находчивостью и блеском ума, но оно умеет обнаруживать опасность или даже намек на опасность раньше, чем ее регистрирует ваше сознание, и начинает сразу инициировать защитные реакции.

Принцип подхода чрезвычайно прост: лучше перестраховаться, чем потом раскаиваться. Это примитивная, но эффективная система, способствующая выживанию. Она заставляет зайца, регулярно появляющегося у нас в саду, сначала замирать, а потом убежать при виде Амелии, выходящей с Люси из дома. Правда, в отличие от Люси, миндалевидное тело может легко проигнорировать какую-то информацию, сочтя ее ненужной. Но может и ошибаться, подобно Люси, реагируя, когда никакой опасности нет. Впрочем, в процессе эволюции такая стратегия себя оправдала.

Таким образом, информационный поток от органов чувств идет по двум нейронным каналам, один из которых быстрее достигает миндалевидного тела, а второй – на миллисекунду позже – неокортекса. Рациональное (и осознанное) мышление никогда не успевает за эмоциональной реакцией. Любой может легко проверить это утверждение. Попробуйте сильно напугать человека – и посмотрите на него. Механизм нам хорошо знаком: реактивная адреналиновая атака, учащенное сердцебиение, нездоровый румянец, тяжелое дыхание. Потом, когда он вас узнает, реакция прекращается. Правда, все равно должно пройти определенное время, чтобы организм переварил все химические элементы, вброшенные в кровь. Если вдуматься, то такая сильная реакция нелогична – ведь ситуация не представляет собой никакой опасности. Но мы уже знаем, что зрительные импульсы доходят до миндалевидного тела быстрее, и это веская причина, почему человек не успевает использовать логический подход к оценке своего положения. Однако этот зрительный образ еще не четкий, а только начерно обработанный, поэтому вследствие страха человек не в состоянии точно определить, кто перед ним – его жена или, скажем, медведь. Лишь через несколько миллисекунд зрительная кора больших полушарий находит нужную картинку и дает, наконец, хозяину мозга понять, с кем он столкнулся. Только в этом случае человек начинает логически мыслить – и понимает, что в его доме медведи не водятся.

Импульс, идущий от миндалевидного тела к неокортексу, мощнее и быстрее, чем тот, который идет назад. Неокортекс имеет следующие функции: во-первых, он понимает, что у хозяина может быть эмоциональная реакция; во-вторых, видит реальную картину такой, какая она есть, и обязан правильно оценить обстановку; в-третьих, в его власти отменить или видоизменить произвольную реакцию; в-четвертых, может выбрать правильный курс действий.

Эмоциональное состояние за считанные доли секунды вызывает определенное поведение. Понятно, что это задача трудная. Одни справляются с ней лучше, другие – хуже. Кроме того, существует большое разнообразие индивидуальных реакций. Кого-то напугать легко. Кто-то никак не реагирует на испуг. Есть особая категория людей: профессиональные игроки в гольф, военные летчики, опытные альпинисты, гонщики и нейрохирурги, – которые лучше работают в условиях стресса. Некоторым людям намного проще, чем остальным, контролировать свои эмоциональные реакции.

При огромном разбросе видов индивидуальных реакций мы можем выделить две крайности. Первая – это те, кто сознательно выбирает экстремальные условия, например высококлассные спортсмены, которые в состоянии повышенной возбудимости чувствуют себя в лучшей форме и добиваются блестящих результатов. Вторая – это те, кто категорически избегает любых волнений. Все люди разные. Приблизительно девяносто процентов людей в напряженном состоянии не могут трезво мыслить и решать простейшие задачи. Они тут же впадают в замешательство, панику или оцепенение. Заторможенное и несвязанное мышление часто характеризует людей, отдыхающих на природе, когда они теряются, травмируются и когда над ними нависла смертельная угроза.

Даже спортсмены высочайшего класса подвержены стрессу. Гольфист Грег Норман во время турнира «Мастерс»[\[23\]](#) 1996 года имел преимущество над Ником Фалдо в шесть ударов. Потом все пошло не так: Норман не попал в лунку с двух метров, два раза загонял мяч в воду, делал хуки, потом промазал еще один удар. Это было жестоко. В результате соперникам только и оставалось, что обняться и громко расплакаться.

В любом сложном виде спорта (пилотаж самолетов, сноубординг, теннис или гольф) сначала надо выучить движения. Это называется

эксплицитным, или селективным обучением, и вся информация хранится в эксплицитной памяти, то есть той самой, в которой находится рецепт вашей любимой лазаньи. С появлением опыта человек начинает понимать тонкости мастерства. Вырабатываются сноровка, чувство времени, последовательность и непрерывность в движениях. Сначала приходит ощущение игры, а потом она становится его кровью и плотью, его второй натурой – все делается легко и красиво. Это называется имплицитным обучением. За имплицитное и эксплицитное обучение несут ответственность совершенно разные структуры нервной системы. Имплицитные воспоминания относятся к бессознательной памяти. Результат имплицитного обучения можно сравнить с естественной и искренней улыбкой. Знания, приобретенные имплицитным путем, идут совершенно по другим каналам, чем те, которые получены путем эксплицитным. Леду вспоминает о своей матери, страдавшей болезнью Альцгеймера. Она была не в состоянии вспомнить, что ела на завтрак, и в то же время прекрасно помнила, как играть на аккордеоне. Хотя гиппокамп был поражен, но воспоминания об игре на музыкальном инструменте хранились в части мозга, которую болезнь не затронула. Имплицитные воспоминания не сохраняются и не всегда бывают доступны аналитическому уму.

Если обычный человек попадает в стрессовую ситуацию – усталость, холод, развод, – имплицитная система может дать сбой. В этом случае человеку следует полагаться только на эксплицитную систему, при которой надо обдумывать каждый шаг. Малкольм Гладуэлл очень точно сформулировал это в журнале *New Yorker*: «Человек, когда думает слишком много, начинает задыхаться, а когда думает слишком мало – паниковать».

Несколько лет, будучи пилотом, я занимался воздушной акробатикой и даже участвовал в соревнованиях Международного клуба воздушной акробатики. Однажды мой инструктор Рэнди Ган разбился вместе с учеником. Их самолет врезался в землю со скоростью триста семьдесят пять километров в час. До того трагического дня я был уверен, что у меня есть специальное разрешение, выписанное в небесной канцелярии, на полеты вниз головой. После того случая я осознал, что не являюсь пилотом высшего разряда. Да и большинство таких пилотов, как я, не стали настоящими профессионалами. Мы летаем ради удовольствия, чтобы

приятно провести время. Когда что-то идет не так, все мы, пилоты-любители, не представляем, что делать. Может показаться, что мы и выживаем, и погибаем совершенно случайно, но это, конечно, не так. Все намного запутаннее и сложнее.

В той истории с водителями снегоходов обстоятельства складывались не в их пользу, включая даже то, что их интеллект развивался путем постоянного приспособления к окружающей среде. Они отнюдь не были несведущими специалистами. Их даже трудно назвать безрассудными людьми. Случилось так, что в тот момент, когда следовало принять жизненно важное решение, их мысли были заняты лишь одним желанием – пронестись вверх по склону. Водители, ожидая своих коллег, пребывали в полном бездействии, но адреналин бурлил в крови, поэтому состояние ничегонеделания в качестве гарантии безопасности оказалось слабой позицией по отношению к чувству движения, которое обеспечивало выживание. Их тела охотнее откликнулись на желание проехаться на большой скорости, чем на страх перед лавинной опасностью. Эмоциональная помета отыскалась довольно быстро, маяк побуждения горел ярко – решение принималось мгновенно и не на уровне логики и осознанного мышления.

Капитан Габба рассмеялся и отверг протянутую ему руку помощи. Наверное, за несколько мгновений до того, как утонуть, он чувствовал себя вполне уверенно.

Глава 4

Горилла среди нас

НА ЮГО-ЗАПАДЕ ШТАТА ОРЕГОН протекает бурная речка Иллинойс. На протяжении ее не очень длинного маршрута – всего сто двадцать километров – расположен целый каскад порогов. По классификации трудности прохождения водных препятствий тридцать пять ее порогов относятся к третьей и четвертой категориям, то есть «сложные» и «очень сложные», и один порог имеет пятую категорию «чрезвычайно сложный». Последний носит название «Зеленая стена» и представляет собой ущелье с вертикальными, поросшими мхом берегами. Священник Гэри Хоу обычно проводил отпуск в этих местах, поэтому хорошо знал, что сплавляться по реке можно только при скорости потока от двадцати пяти до восьмидесяти пяти кубических метров в секунду. Более того, он хорошо знал, что всего

один сантиметр осадков увеличивает скорость потока до ста тринадцати кубических метров в секунду и в таких условиях сплав по реке становится опасным даже для самых опытных спортсменов, профессионально занимающихся рафтингом.

В то субботнее утро, когда группа священника начала свой поход вниз по реке, условия для сплава с трудом дотягивали до нормальных. Скорость течения составляла почти пятьдесят семь кубических метров в секунду. По прогнозу погоды дождь обещали только во второй половине воскресенья, и Хоу решил, что у них довольно времени и они успеют пройти весь маршрут. Ради этого удовольствия он был готов немного рискнуть. Хоу прекрасно понимал силу стихии, в которую они спускали свои рафты, и умел противостоять ей, хотя осознавал, что малейшие перемены могут нарушить природный баланс и река окажется сильнее его профессиональных знаний.

Группа под предводительством Хоу отплыла 22 марта 1998 года. Вопреки прогнозам дождь начался почти сразу. Хоу принял правильное решение: он приказал, чтобы все пристали, вытащили на берег надувные плоты и разбили лагерь. Поход начался не совсем так, как планировал Хоу. Возникли непредвиденные обстоятельства: уровень воды быстро повышался, поэтому туристам пришлось несколько раз перетаскивать рафты выше, чтобы их не смыло. Ситуация развивалась так, что Хоу не был готов сплавляться при такой потенциальной опасности. Менялись условия, и он старался к ним приспособиться. Здравый смысл взял верх над эмоциями, благодаря чему он и люди, за которых он отвечал, выжили.

За несколько дней, с 21 по 23 марта, выпало почти шестьдесят сантиметров осадков, проливные дожди растопили снега на хребте Сискию. Уровень воды поднялся на пять метров, а скорость потока достигла более трехсот восьмидесяти кубических метров в секунду. В «Отчете о безопасности на реках» Чарли Уолбридж отметил, что «все это сильно расстроило планы туристов, собиравшихся сплавляться в те выходные».

Хоу вспоминал о том дне: «Любой, кто внимательно следит за поведением реки, сразу заметил бы недоброе. На следующее утро меня разбудил трубный рев воды. Но кроме этих громких раскатов ухо уловило еще один звук. Раздавалось какое-то шипение, дрожавшее в воздухе как будто бы дополнительным слоем. И это был знак,

предупреждавший: «Не приближайся»). Очень тонкое наблюдение. Для того, кто думает об опасности, не существует мелочей. Любая деталь служит источником информации. Кто хочет выжить, знает, что природная среда меняется ежеминутно. Поэтому он непрерывно всматривается и вслушивается в окружающее его пространство: «Что происходит?» Поэтому он умеет сразу перестроиться, приспособившись к обстановке. По шипению реки Хоу понял все.

Для менее внимательных были и другие, вполне зримые признаки разыгравшейся стихии: за ночь река превратилась в бурлящий поток. Послушаем Хоу: «Когда в течение ночи уровень воды в реке за час увеличивается на тридцать сантиметров, когда обычно прозрачная вода приобретает цвет шоколадного молока, когда исчезают отмели и заводи, а поток несет деревья диаметром не меньше пятидесяти сантиметров, – тогда решение остаться в лагере приходит само». Но, видимо, понимают это далеко не все; вспоминая одну из остроумных шуток Джона Кеннеди, скажем так: «Всегда найдется какой-нибудь сукин сын, который ничего не поймет».

Люди Хоу наблюдали, как в десять часов утра мимо их лагеря пронеслись пятеро человек на рафте и отдельно три каяка. Через полчаса пронеслись еще пятеро уже на трех рафтах. Первую группу остановила трехметровая волна у Зеленой стены. Вторая группа прошла Зеленую стену, но руководитель тура и проводник погибли на следующем опасном участке реки, который все называли Маленькой зеленой стеной. Видимо, эти люди не заметили ничего из того, что происходило вокруг. Результаты такого невнимания оказались роковыми: два человека погибли, один турист потерял все снаряжение, еще одного снесло почти на восемь километров вниз по течению.

Обратимся снова к «Отчету о безопасности на реках», в котором Уолбридж отметил: «Спасательные вертолеты береговой охраны подняли десять человек, у шести из них лодки перевернулись, и они застряли в каньоне с отвесными стенами». Первым утонул Джеф Александер – тридцатисемилетний опытный проводник. Вторым утонувшим был Уилбур Байрс – шестидесятидвухлетний проводник с многолетним стажем. Крайне странно, что такие профессионалы повели туристов на сплав в такую опасную погоду. Может быть, им казалось, что все пройдет нормально – ведь они такие опытные...

Наверное, эмоциональная система нашептывала им, что если много воды, значит, будет много удовольствия.

МОЗГ ЧЕЛОВЕКА, КОНЕЧНО, МЕХАНИЗМ СЛОЖНЫЙ, но окружающий мир еще сложнее. Мозг не в состоянии обработать и разложить по полочкам всю информацию, которую получает. Если всему придавать одинаковое значение, то невозможно выбрать разумный путь действий. В этом и заключается слабость логического мышления – его система слишком последовательна и линейна. Мир совсем не такой.

Наше восприятие все равно что шесть миллионов найденных ответов на один запрос в интернете. Без мощной информационно-поисковой системы человек полностью парализован. Один поисковый механизм ищет по эмоциональным пометам. В нем чувства помогают направлять логику и разум. Второй поисковый механизм устроен так, чтобы решать сложные проблемы, создавать психические образы и когнитивные модели мира. Когнитивная модель функционирует на основе правил поведения окружающей среды, она даже подсказывает вам цвет и форму известного предмета.

Допустим, вы ищете дома книгу «Моби Дик». Вы не помните, куда ее положили. Но помните, что это книга в красной обложке. Вы не берете в руки каждую вещь, чтобы понять – «Моби Дик» это или нет; хотя именно такое поведение вам могли бы подсказать и логика, и разум; и компьютер поступил бы именно так. Но у вас, человека, на это уйдет слишком много сил и времени. Поскольку у «Моби Дика» красная обложка – вы это точно помните, – вы начинаете осматривать все кругом, пока не заметите книгу красного цвета. Ну а если память вас все-таки подвела? Если обложка «Моби Дика» на самом деле синего цвета? Тогда придется искать не по цвету, а просматривать подряд все книги.

Наверное, со всеми бывали случаи, когда вы долго искали что-то, а оно находилось у вас под носом. Частично это объясняется тем, что у вас был создан неправильный психический образ. Вы можете выйти из лифта не на том этаже, который вам нужен, – и это происходит по причине именно разума. Вдруг мы начинаем верить в карточные и другие фокусы – и за это тоже мы должны благодарить свой разум. Разум заставляет видеть нас то, что мы ожидаем увидеть. Мы видим то, что логично, а логично то, что «попадает» в определенную

когнитивную модель. И когда, наконец, «Моби Дик» уже находится в ваших руках, зрачки у вас расширяются точно так же, как они это делают в момент, когда вы видите что-то очень вам симпатичное или когда находите решение математической задачи.

Отец показывал нам с братьями карточный фокус. Он брал карты и просил нас выбрать одну, но ему ее не показывать, а вернуть назад в колоду. Потом он просил нас перемешать колоду, чтобы и намек не было на загаданную карту. Потом он показывал нам карты одну за другой и внимательно следил за нашими глазами. Когда появлялась загаданная нами карта, то зрачки у нас расширялись, и отец сразу понимал, что мы выбрали. Непроизвольная реакция оказывается доказательством присутствия эмоциональной заряженности, проявляющейся в момент совпадения когнитивной модели и сложившихся обстоятельств.

Для более сложных фокусов фокусник создает у зрителей когнитивную модель или кратковременное воспоминание о мире. Любой модели мира свойственны основанные на опыте представления, воспоминания, вторичные эмоции и эмоциональные пометы, которые все вместе влияют на то, что мы ожидаем увидеть и что собираемся предпринять. Потом фокусник меняет реальность, и пока зритель все еще цепляется за старую, такую близкую и знакомую, он открывает ему новую. Происходит «рассоединение». Зрители считают, что фокусник показал фокус, хотя на самом деле они сами себе его показали. Фокусы поражают ровно настолько, насколько мы игнорируем законы работы собственного мозга. Поэтому вполне можно предположить, что когда люди собираются сплавляться по реке, которая с бешеной скоростью несется вниз, крутя, как щепки, толстые деревья, – то это своего рода тоже фокус.

Наша вера в фокусы объясняется так называемой кратковременной памятью. Это своего рода рабочее место самого общего назначения, и большинство из нас называет ее «вниманием», или «осознанной мыслью». Кроме кратковременной памяти существуют специализированные системы для вербальной и невербальной информации, в которых также есть своя кратковременная память, позволяющая сравнивать разные восприятия за несколько секунд. Система общего назначения может считывать информацию специализированных систем (зрение, слух, обоняние),

интегрировать и обрабатывать ее при помощи, как выражается Леду, «руководящей функции». Лобная доля головного мозга отвечает за принятие решений и движения, а также направляет от органов чувств информацию, которой человек в данный момент заинтересован. Поэтому мы можем вести с кем-то связанный разговор в помещении, где играет музыка и присутствует масса беседующих друг с другом людей. Поэтому, когда нам холодно, мы в состоянии выбрать одно из двух действий: надеть свитер или закрыть окно.

Как писали Леду и другие исследователи, в кратковременной памяти могут одновременно находиться только пять или шесть идей, и они тут же забываются, если внимание человека привлекает что-то новое. Кратковременная память может извлекать информацию из долговременной памяти. Вы понимаете это длинное предложение благодаря кратковременной памяти, в которой одновременно фиксируется начало предложения, середина и конец и которая, чтобы все слова были понятны, получает информацию из долговременной памяти об их ассоциациях и значениях. Все это тоже результат созданной вами когнитивной модели слов. Вы не читаете каждую букву отдельно, собирая из них слова, как это делает ребенок, начинающий учиться читать. Однако если вы заметите в тексте похожие внешне слова, как, например, *физический* и *физиологический*, вам, возможно, придется на секунду задуматься.

Новая и особенно эмоционально заряженная информация «занимает» содержимое кратковременной памяти, поэтому мы не в состоянии результативно концентрировать внимание одновременно на слишком большом количестве мыслей. Если информация из кратковременной памяти благополучно не переходит в долговременную, то она теряется. Зачастую нам сложно запомнить информацию без эмоционального содержания, например сухую справку об адресе или схеме проезда. Большинство людей могут делать только одно дело в один определенный момент. Если они берутся за несколько дел сразу, руководящая функция не выдерживает нагрузки. Если на секунду показать человеку на дисплее слово *синий*, написанное зелеными буквами, вы заставите его задуматься.

Ограниченность кратковременной памяти (другими словами, недостаток внимания) и руководящей функции, а также упрощенность когнитивных моделей приводят к серьезным провалам в процессе

принятия осознанных или спонтанных решений. Даже профессионалы пропускают многое, что лежит буквально в поле их зрения. На юге Франции есть любимый альпинистами горный массив Бо, куда в мае 1989 года приехала Линн Хилл, одна из самых известных в мире женщин-скалолазов. Хилл готовилась к восхождению со стационарной страховкой. Восхождения с такой страховкой наиболее безопасны и предназначены главным образом для начинающих. Хилл с мужем просто шли этим маршрутом для разминки. Хилл отвлекли, и она не закончила узел, соединяющий надетые на ней ремни безопасности и альпинистскую страховку. Незаконченный узел оставался у нее в кратковременной памяти, но она забыла о нем окончательно после разговора с одной японкой и особенно после того, как она надела ботинки и завязала на них шнурки (возможно, именно завязывание шнурков вытеснило из ее кратковременной памяти завязывание узла на страховке). Хилл подходила к горе с ощущением чего-то недоделанного, но не могла вспомнить, что это было. В книге «Скалолазание – моя свобода»^[24] (Climbing Free) она пишет: «Я не могла избавиться от мысли, что я что-то забыла перед началом восхождения». У нее было неокончательно сформировавшееся воспоминание, эмоциональная помета, предчувствие. Хилл даже захотела снять куртку, после чего обязательно заметила бы, что узел страховки не закончен. «Но я решила куртку не снимать и выбросила эту мысль из головы».

Взойдя на склон, она даже не подозревала о ловушке, которую сама себе подстроила. Ею была создана когнитивная модель, и жизнь ее теперь зависела от того, выдержит ли эта модель проверку реальностью. Хилл попросила, чтобы ее спустили вниз на веревке. Наполовину завязанный узел развязался, и она полетела с двадцатидвухметровой высоты. Ее жизнь спасло то, что она упала на крону дерева.

СОЦИОЛОГ ЧАРЛЬЗ ПЕРРОУ исследует техногенные катастрофы: производственные (атомные станции) и транспортные (авиакатастрофы, кораблекрушения). В книге Normal Accidents («Обычные катастрофы») он писал:

Мы создаем ожидаемый мир, потому что не в состоянии разобраться со сложностями настоящего. Мы выбираем информацию, которая подходит к абстрактной картине ожидаемого мира, и находим

причины, чтобы удалить информацию, противоречащую нашей картине. При создании умозрительной модели мы полностью игнорируем факторы, которые могут нам показаться неожиданными и маловероятными.

Таяние снега на хребте Сискию и сильный дождь оказались неожиданными и маловероятными факторами в системе, состоящей из воды, воздуха, земли и гравитации, однако и путешественникам, и проводникам пришлось с ними столкнуться вплотную на реке Иллинойс. Руководители групп не могли принять, что уровень воды в реке поднимется на пять метров, а скорость потока достигнет более трехсот восьмидесяти кубических метров в секунду. Это противоречило бы их когнитивной модели гидов. Конечно, трудно поверить, что такие опытные люди не заметили проносящихся по воде вырванных с корнем деревьев и характерный шум воды, однако и это не изменило их решимости спустить надувные плоты на воду.

Мысленные модели могут оказаться на удивление сильными, а способности кратковременной памяти – на удивление слабыми. Психолог, изучающий поведение потерявшихся людей, рассказывал мне: «Однажды во время пешего похода какой-то турист вбил себе в голову, что группа идет не в ту сторону. Я сам видел, как он разбил камнем свой компас, потому что думал, что тот сломался. Он поверить не мог, что на самом деле мы движемся в правильном направлении».

Наши ощущения не передают мир буквально. Например, вы пытаетесь представить лицо матери, но мозг не предлагает готовой «фотографии». Вместо этого в самых разных местах мозга содержатся не в активной, а в пассивной форме фрагменты образа матери, наполненные эмоциональным содержанием. Когда вы вызываете в уме лицо матери, все эти разрозненные участки мозга одновременно активируются («фокус синхронности», по Антонио Дамасио), и у вас возникает ощущение, что вы видите свою мать или кого-то похожего на нее. Таким образом, в разных кластерах мозга хранится вся информация. Точно так же в разных местах мозга хранятся и когнитивные модели.

Американский историк культуры и педагог Жак Барзен писал о некоем Уильяме Хаскиссоне, депутате английского парламента от Ливерпуля. Но прославился Хаскиссон не как государственный и политический деятель, а как первый человек, погибший под колесами

поезда. Случилось это 15 сентября 1830 года во время торжественного открытия железной дороги Ливерпуль – Манчестер.

...В те годы еще никто не понимал, как соотносить скорость движения поезда и расстояние, на котором можно находиться от него; никто не знал, в каком месте и в какой момент полагается переходить железнодорожные пути. Поезд оказался намного быстрее лошади или вола, поэтому рефлексы и подвели члена парламента.

Хаскиссон имел свою когнитивную модель устройства мира. Он прекрасно знал, как переходить улицу, по которой двигалось много транспортных средств. Он знал, с какой скоростью движутся запряженные лошадьми экипажи, и мог рассчитать, успеет он перейти улицу или нет. Но окружающий мир менялся. Депутат никогда раньше не переходил через рельсы. Он оценил расстояние до паровоза и бессознательно сравнил с когнитивной моделью соотношения риска и вознаграждения. Потом – снова бессознательно – он решил, что успеет перейти через железнодорожные пути. Но технический прогресс уже отправил старые когнитивные модели на свалку истории.

Сложно сказать, о чем тогда думал Хаскиссон. Вполне вероятно, что депутат ранее не видел таких машин, тем более что поезд Ливерпуль – Манчестер был первым магистральным пассажирским составом. Может быть, когда-нибудь, в бытность активной политической деятельности, он и проходил мимо какого-нибудь грузового поезда, но новая информация, скорее всего, в голове не отложилась и не успела заменить привычную когнитивную модель, которая так и осталась в виде эмоциональной пометы. Хаскиссон жил в переходное время, и его когнитивная модель была тоже переходной. Видимо, в тот день бушевали страсти. На церемонии находились премьер-министр и герцог Веллингтон. Присутствовал также и принц Эстерхази, которого тоже чуть не задавили. Железные дороги обещали стать прибыльным делом, и, возможно, у Хаскиссона, который был сторонником свободной торговли, голова была забита коммерческими подсчетами. Заметив на противоположной стороне герцога Веллингтона в окружении сильных мира сего, Хаскиссон отправился к нему, решив пересечь железнодорожный путь. Если учитывать общий ажиотаж и возбужденное состояние присутствующих, то можно предположить, что Хаскиссону было непросто удерживать в кратковременной памяти много информации. И в момент фатального

принятия решения у него в уме возникла старая когнитивная модель мира. После случившегося толпа заполонила железнодорожные пути и перроны, пытаясь выместить свой гнев на непопулярном герцоге Веллингтоне. К слову сказать, сам Веллингтон еще лет десять категорически отказывался передвигаться по железной дороге. А что касается Хаскиссона, то его подвели старые пометы, эти рабы наших эмоциональных представлений. Хаскиссон сделал несколько шагов. И, стоя на рельсах перед паровозом, слишком поздно заметил свою ошибку.

ОДНАЖДЫ НА ГОРНОЛЫЖНОМ КУРОРТЕ в штате Вашингтон, где мы с моей дочерью Амелией учились кататься на сноуборде, начался сильный буран. Мы потеряли понятие о направлении. Тогда у нас было мало опыта и еще меньше умения кататься. На тех горнолыжных курортах, где мы до этого уже катались, горнолыжная база находилась внизу горы у подъемников. Здесь все оказалось иначе. Перед подъемниками стояла длинная очередь. Конечно, я знал, что база находится не внизу, а на вершине горы, поскольку в то утро мы там завтракали. Однако переохлаждение, усталость, обезвоживание, а также страх за безопасность Амелии совсем сбили меня с толку. Поэтому я не мог понять, почему люди в такую пургу хотят подняться наверх.

Стресс способен сильно повлиять на логику и ход мыслей. Во время нашего катания я постоянно стремился заехать с Амелией как можно ниже – потом выяснилось, что то были неосвоенные склоны. Мне удалось полностью проигнорировать тот факт, что люди на подъемниках поднимались вверх. Мне казалось, что опасность сосредоточена наверху, а безопасность – внизу. Амелии было тогда всего двенадцать, но, к счастью, она не поддавалась моему наваждению и, несмотря на пургу, не казалась такой дезориентированной, как я. «Пап, – сказала дочь, – база находится наверху, а не внизу».

Черт! О чем же я только думал!

Мы сели на скамейку подъемника, поднялись к базе и съехали на подъемнике вниз с другой стороны горы к машине. Я рад, что Амелия мне тогда помогла. Иначе мы могли бы всю ночь кататься.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПОМЕТЫ, способность держать информацию в кратковременной памяти – все эти механизмы во многом определили, кто выживет, а кто погибнет во

время трагедии в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Первый самолет, протаранивший Северную башню Всемирного торгового центра, вывел из строя лифты и лестницы. Те, кто находился выше девяносто первого этажа, оказались в ловушке. После удара второго самолета в Южную башню лестницы с северо-западной стороны здания остались неповрежденными, несмотря на огромные разрушения от взрыва между семьдесят восьмым и семьдесят четвертым этажами. По этой лестнице вниз спустились восемнадцать человек, в то время как почти двести человек поднялись наверх в надежде выйти на крышу. Брайан Кларк, ответственный за пожарную безопасность, стоял на лестнице с фонариком и спрашивал людей: «Вверх или вниз?» Несмотря на поднимающийся снизу дым, всего несколько человек решились пойти вниз – и выжили. Большинство поднимались наверх. В результате за четырнадцать минут до того, как здание обрушилось, сотни людей стояли на последнем этаже перед закрытой дверью на крышу.

Некоторые из пытавшихся спастись наверху просто пошли за мойщиком окон Роко Камаем, у которого оказались ключи от двери на крышу. Другие полагались на уроки прошлого: когда в 1993 году здесь произошел террористический акт и в результате взрыва часть Северной башни была разрушена, людей снимали с крыши вертолетами. Кроме этого, сработало человеческое желание выйти из дыма на свежий воздух. К сожалению, ключ Камае не открыл замок. Но если они начали бы спускаться вниз, то все равно уже не успели бы выйти из здания до его обрушения. Полагаясь на удачный опыт прошлых лет, люди приняли ошибочное решение и в результате погибли.

Безумное состояние людей в тех чрезвычайных условиях объясняет, почему многие принимали неправильные решения. Но остается совершенно непонятным, почему я не смог догадаться, где находится горнолыжная база, почему опытные проводники не заметили, что по реке неслись вырванные с корнем огромные деревья. Между прочим, именно они и погибли, а их клиенты выжили. Почему? Мы ведь не самоубийцы. Видимо, как у проводников, так и у меня возникли серьезные сбои в кратковременной памяти, в способности воспринимать новую информацию и размещать ее в долговременной памяти. Замечу, что такие сбои как явление совершенно обычное случаются постоянно.

Ариен Мак, психолог из Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, пишет: «Большинство людей считает, что для того, чтобы видеть, надо просто открыть глаза и смотреть». Группа психологов из Гарвардского университета провела любопытный эксперимент, чтобы доказать ошибочность этого вывода. Ученые попросили группу людей просмотреть видеоматериал, показывающий баскетбольный матч, и посчитать, сколько передач мяча сделали игроки в белой и черной форме. В середине видеоматериала было показано следующее: прямо через центр кадра, сквозь играющих баскетболистов, проходила какая-то человеческая фигура. В одном случае это была женщина с зонтом, в другом – человек в костюме гориллы. Проход продолжался целых пять секунд, и оба персонажа были хорошо видны. После просмотра материала людей спросили, заметили ли они что-нибудь неожиданное. Выяснилось, что «тридцать пять процентов людей не заметили женщины с зонтом, которую увидели зрители, не занятые подсчетом количества передач».

Контрольная группа, смотревшая материал без какого-либо задания, увидела женщину с зонтом, поскольку зрителям уже задали соответствующий настрой и они думали: «А что там произойдет? Что я увижу?» Люди были открыты незнакомому и новому, были готовы принять все, что им покажут. У них не существовало предвзятого мнения и отсутствовали какие-либо ожидания. Вторая группа – назовем ее «Расскажи мне о том, что ты увидишь» – вызывает интерес. Первая группа – назовем ее «Посчитайте количество передач» – оказалась закрытой системой; ее участники сосредоточили внимание на конкретной задаче и загрузили полностью свою кратковременную память. Человек предполагает, будто знает, какого рода информация ему необходима и что в итоге надо делать. Но оказывается, что поставленная задача довольно непроста и буквально пожирает все мозговые ресурсы. Суть эксперимента в том, что создается модель, которая отвлекает внимание от очевидных вещей, которые исследователь (он же фокусник) проделывает буквально под носом у человека. Фокусы подтверждают положение, что человек видит то, что *предполагает* увидеть, и в определенных обстоятельствах кратковременная память не обращает внимания ни на что другое. Получается закрытая система, в которой нет места новым

впечатлениям. Такое отношение к действительности может погубить человека.

Психологи, изучающие состояния людей, переживших кораблекрушения, авиакатастрофы, природные катаклизмы, а также сидевших в тюрьмах, приходят к выводу, что общий знаменатель у них – успешное приспособление к изменяющейся внешней среде. Таким людям интересно, что происходит вокруг.

Но вернемся к эксперименту гарвардских исследователей. Самым интересным было то, что большинство испытуемых, а именно пятьдесят шесть процентов, не заметили гориллу.

Один из тех исследователей пересказал свой диалог с участниками эксперимента:

- Вы заметили, что кто-то прошел в кадре?
- Не, не заметили.
- Ничего вообще?
- Ничего.

Потом он спросил прямо:

- А гориллу вы заметили?
- *Чего-чего?*

Следующий эксперимент, о котором я хочу рассказать, провели с пилотами гражданских авиакомпаний. Им надлежало совершить посадку на авиационном тренажере. Во время полета к посадочной полосе и непосредственно перед посадкой компьютер неожиданно показывал, что на том месте, куда пилоту нужно сажать свою машину, стоит какой-то другой самолет. Многие испытуемые, не обращая на него внимания, продолжали совершать посадку.

Считается, что человеческий мозг любит расставлять ловушки своему хозяину, но мало кто из людей верит в это. Мы умеем быстро перейти улицу в правильном месте и в правильное время, когда автомобили останавливаются на красный свет, – и этим доказать, что наше представление о мире полностью соответствует реальности. Тем не менее по несколько раз в день мы можем терять самоконтроль, потому что наше восприятие перестает правдиво отражать картину мира. Концентрация внимания требует энергии, но, даже если приложить усилия, внимание может оставаться фрагментарным. (Выражение «фокусировать внимание» здесь было бы не совсем правильным. Дело в том, что зачастую нам нужно не

«фокусироваться» на чем-то конкретном, а смотреть на мир через широкоугольную линзу, то есть постараться увидеть общую картину.) В то время, когда мы не концентрируем внимания, эмоции и когнитивные модели автоматически формируют наше поведение. Большинство людей, занимающихся экстремальными видами спорта, живут в искусственно созданной обстановке, где последствия невнимательного отношения сведены к минимуму. Им приходится дорого платить за свои привычки, когда они попадают в условия дикой природы. Исследования людей, привыкших за рулем разговаривать по мобильному телефону (с гарнитурой или без нее), выявили так называемую «слепоту внимания». То есть нам на языке психологии снова описывают случай с гориллой, которую не заметил зритель.

На первый взгляд, такая ситуация кажется абсурдной: как люди могли не заметить гориллы. Однако после изучения феномена когнитивных моделей и рабочей памяти все становится на свои места. Участники эксперимента считали количество передач, которые делали игроки. Для удобства работы зритель выстраивает модель – изображение движущегося мяча и человека. Появляется горилла, которая не имеет никакого отношения к выполнению задания. Горилла предназначена отвлекать на себя внимание и отнимать ресурсы у кратковременной памяти. Но наш мозг – механизм очень эффективный, поэтому он вычеркивает гориллу, чтобы хозяину было удобнее считать мячи. Увидеть гориллу означает сбиться со счета.

Случай с гориллой сам по себе не вызывал бы такой тревоги, если бы не пилот, не замечающий, что его посадочная полоса занята. Самолет, стоящий на посадочной полосе, имеет прямое отношение к выполняемой задаче. Пилот создал когнитивную модель, в которой не было этого самолета. Какое счастье, что испытуемые не сажали настоящие самолеты (даже эксперимент проводился не на настоящем авиационном тренажере). Пилоты имели дело с когнитивными моделями самолета и посадочной полосы. Как только изменялась окружающая среда, их когнитивная модель устаревала. Некоторые довольно успешно приспособливают свои когнитивные модели к изменению обстановки – такие люди сумеют выжить в экстремальной ситуации. Я не буду утверждать, что проводники не видели, как по бушующей реке плывут деревья. Не знаю. Спросить не у кого. Люди мертвы. Скорее всего, физиологически их глаза видели. Но вот почему

они проигнорировали опасность, которая буквально плыла у них перед глазами, помогают понять исследования восприятия и когнитивных моделей.

Чарльз Перроу пишет: «В момент неуверенности необходимо оценить ситуацию – хотя бы приблизительно, хотя бы на данный момент. Принимая решение, человек создает когнитивную модель ожидаемой вселенной... Он создает мир, который хотя и похож на мир реальный, но может оказаться совершенно неправильным».

Глава 5

Анатомия стихии

ТРОЕ ЧЕЛОВЕК – БРАТЯ СТОУНЫ, РОБ И ДЭВИД, И ИХ ПРИЯТЕЛЬ СТИВЕН ПИНТЕР – собрались в национальном парке Йосемити с намерением 25 июня 2000 года начать покорять горный пик Кафедрал с его юго-восточного склона. В принципе это восхождение считается простым, всего 5,6 по шкале сложности, но, чтобы подняться на высоту почти три тысячи триста метров, потребуется шесть питчей. Скажем так, это довольно серьезное мероприятие. Особенно для Роба, которому предстояло первый раз идти на такую высоту. Но зато Дэвид обладал неплохим опытом. А вообще все участники были молоды, сильны и хорошо образованы, и если все пошло бы по плану, то восхождение оказалось бы замечательным приключением. Однако в нашей жизни далеко не все происходит так, как мы планируем.

Молодые люди приехали из Сан-Франциско за день до восхождения и на ночь остались в альпинистском лагере – приблизительно в восьмидесяти километрах от точки начала маршрута. Они постепенно двигались к своей цели, и их план восхождения – воспоминание о будущем – очень скоро должен был пройти проверку на свое соответствие реальной жизни.

Иногда идея становится таким же сильным двигателем, как и чувство. Планы – это часть выживания. Замыслы рождаются в мозге, где формируются в том числе и эмоциональные карты личности, опыта и окружающего мира, где происходит оценка любых изменений и вырабатываются адаптационные механизмы. Планирование – это неотъемлемая составляющая инстинкта выживания. Все живые существа вынашивают свои планы. Птицы, прячущие на зиму зерна, обладают более крупным гиппокампом, а следовательно, и большим

объемом памяти, чем остальные представители пернатых. Планирование или прогнозирование будущего – фундаментальный фактор бытия всего живого мира. Митчелл Уолдроп в книге *Complexity* («Сложность») пишет:

Все сложные адаптивные системы включают прогнозы будущего... Ожидание будущего закодировано в генах всех живых существ... любая сложная адаптивная система постоянно прогнозирует будущее на основании внутренних моделей мира... Внутренние модели – это кирпичики, из которых строится поведение. И точно так же как и любой другой строительный материал, их тестируют, улучшают и переставляют по мере накопления опыта.

Мозг человека лучше, чем мозг животных, справляется со сложными замыслами, в которых обязательно есть эмоциональная составляющая, влияющая на формирование поведения. Планы, как и воспоминания о прошлых событиях, хранятся в памяти, ведь для нашего мозга будущее не менее реально, чем прошлое. Проблемы возникают, когда реальность не совпадает с замыслом.

Воспоминания – это не эмоции, а эмоции – не воспоминания, однако и те и другие тесно взаимодействуют. Хранящиеся в памяти когнитивные модели также не являются эмоциями. Однако они вступают в контакт с эмоциями, памятью и сознанием. Воспоминания могут быть о прошлом и будущем, следовательно, для мозга они идентичны. Человек делает пометы для будущего, чтобы в него попасть. Это как фокус, в ходе которого человек переносится во времени в мир, который еще не существует.

Альпинистский опыт сформировал у Дэвида Стоуна определенную когнитивную модель горных склонов. Он понимал правила игры в мире восхождений и свои действия в нем. У него было какое-то свое представление об альпинистском снаряжении и назначении всех этих специальных приспособлений: веревок, разных пристяжных ремней, карабинов, гирляндовых цепей, крюков, крепежей и прочего. Но сложившийся образ страховочной системы не подкреплялся никакими эмоциями.

Его память хранила воспоминание о прошлых восхождениях. Но оно было связано только с радостью, которую Дэвид испытывал при покорении очередной горы, с чувствами душевного подъема и гордости за достигнутое. Мысли о предстоящем восхождении – это его

воспоминание о будущем, сразу приводящее в хорошее настроение. Предыдущий опыт стал его «маяком побуждения». Дэвид никогда не был на пике Кафедрал, но определенное представление об этой горе, так сказать, ее когнитивная модель, было запечатлено на его эмоциональной карте. Раньше он покорял горы при хороших погодных условиях, все проходило успешно и оставило у него в душе только лучшие воспоминания. Дэвид рассматривал пик Кафедрал с точки зрения собственных эмоциональных помет. Однако если бы его кто-то спросил, насколько хороша эта гора для альпинизма, он не смог бы дать точного ответа. Для него пик Кафедрал был неизведанным миром, но относился он к нему так, словно хорошо его знал. По-другому и невозможно перемещаться во времени. Мы ускоряем время только ради какого-либо вознаграждения.

Все мы, как и Дэвид, моделируем завтрашний день. Мы представляем себе мир будущего, будто мы его уже видели. Мы насыщаем эту модель эмоциональными ценностями, взятыми из прошлого. И после этого мы действуем как рабы своего видения, или «плана». И если что-то идет не по нему, то изменить четко сложившуюся модель оказывается сложно. В окружающей среде с высокой степенью потенциального риска чем дольше человек меняет воображаемый план на реальный, тем выше степень опасности. Получается вполне дзенская ситуация. Надо планировать, но надо и уметь менять намерения.

ПСИХОЛОГИ, ИЗУЧАЮЩИЕ ПРОБЛЕМУ ВЫЖИВАНИЯ, утверждают, что есть огромная разница в поведении тех людей, которые умеют следовать правилам, и людей с независимым складом ума и характера. Когда больному человеку говорят, что ему осталось жить шесть месяцев, у него есть выбор: смиренно принять неизбежное и умереть или взбунтоваться и жить. Люди, пережившие рак и знавшие свой диагноз, по словам медперсонала, были «плохими пациентами», непослушными и сложными. Они не следовали правилам и все ставили под сомнение. И очень раздражали. Как сказано в древнекитайском трактате:

Человек при рождении мягок и слаб, при наступлении смерти он крепок и силен.

Поэтому крепость и сила – спутники смерти, мягкость и слабость – спутники жизни.

(Дао дэ цзин, § 76[25])

Мой отец шел против правил, этим я похож на него. После падения самолета с такой высоты отец остался в живых; у него было отбито и переломано в теле все, но это не согнуло его. Он выжил и продолжал жить дальше. Отец носил окладистую бороду – но не только чтобы скрыть шрамы. Это был своеобразный вызов обществу, которое в то время шарахалось от бородатых. На дворе стоял 1959 год – год, когда на Кубе к власти пришел Кастро и бороды в Америке были не в чести.

План всегда грозит превратиться в некое подобие врачебных назначений. Подчиняясь давлению, вы можете принять их правила или, напротив, вольны поднять бунт против их тирании. Но в любом случае – следуете ли вы плану, отказываетесь ли от него – надо помнить о неустойчивом равновесии сил природы. Старайтесь не нарушать хрупкого баланса стихии. Но ведь эмоции воздействуют на организм как электрический разряд. Это сравнимо с половым влечением, с погоней за зверем. Эмоциональное состояние развивается по своим законам; словно драматическое или кинематографическое действие, оно проходит через все три акта: завязка в первом, напряженная борьба во втором и кульминация в последнем – взрыв такой силы, что зрачки расширяются. Братья Стоуны и Стивен Пинтер попали под тиранию собственного плана, правилам которого слепо повиновались.

Альпинисты приближались к месту назначения, и, несмотря на то что каждый шаг уже давался с колоссальным трудом, их все сильнее охватывало возбуждение и чувство восторга. Они напоминали классических голливудских героев, всегда непреклонно идущих к цели и до конца остающихся верными своей идее. Попав в рабство собственных эмоциональных замыслов, наши друзья довели свое внутреннее состояние до того, что уже не могли свернуть с намеченного пути, хотя реальная действительность все меньше напоминала их воспоминания о будущем. Но разве это имеет какое-то значение? В классической драме кульминация достигает высшего накала, когда измученный, но стойкий герой совершает, казалось бы, невозможное и в конце концов побеждает плохих парней. Правда, не будем забывать, что иногда герои тоже гибнут.

Непредвиденная нагрузка, физическая и психологическая, а также незапланированное развитие событий – все это не способствует трезвой оценке ситуации. Немудрено, что человек не в состоянии отказаться от своих намерений или по крайней мере приблизить мысленную модель к реальной жизни. Он слишком увлечен идеей собственной истории, и она уже ведет его по дорогам жизни.

ПЕРВОЕ НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ СОБЫТИЕ произошло, когда наши друзья расположились на ночлег на альпинистской базе. Проснувшись в четыре часа утра, они обнаружили, что кто-то (по их показаниям, «точно не медведь») украл все продукты. По плану они должны были пройти около пяти километров и в восемь утра выйти к месту начала восхождения. По расчетам Дэвида, для достижения вершины им потребуется шесть питчей веревки. Но теперь надо было заниматься поисками еды, на что ушло часа два. Это еще больше усилило состояние напряжения, в котором они уже находились из-за усталости и голода. Альпинисты явно выпадали из четкого графика.

При удачном раскладе они успеют взойти на вершину к трем... Черт возьми, они просто обязаны подняться! Ради чего они сюда приехали? Психологическая нагрузка становилась все ощутимее, но никто из них не задумывался над этим.

Братья Стоуны и Стивен Пинтер уже тогда могли бы признать, что план срывается. Они могли бы начать восхождение по более короткому маршруту, пролежавшему недалеко от их лагеря, и все прошло бы прекрасно. Однако по плану им надлежало выйти к пику Кафедрал именно тем, пятикилометровым путем.

Солнце взошло, и они бросились к доске объявлений взглянуть, какая их ждет погода. Прогноз обещал отличную погоду, только информация была вчерашней. Но и это не насторожило их. А почему, собственно, погода должна измениться? Ведь утро выдалось солнечным и прекрасным. Они видели ровно то, что хотели видеть, и игнорировали то, что прекрасно знали, а именно: в горах погода меняется очень быстро. Летом в середине дня теплый и влажный воздух поднимается вверх, что в состоянии изменить погоду к трем часам дня, то есть к тому времени, когда они планировали выйти на вершину.

Исследователи указывают, что люди зачастую воспринимают любую информацию как подтверждение правильности созданных ими

когнитивных моделей. По природе своей люди оптимисты: им кажется, что они воспринимают мир таким, какой он есть. Но в жестких условиях выполнения графика слишком легко принять желаемое за действительное. Объясняя позже легкомысленное отношение к устаревшим погодным данным, Роб скажет: «Нас это вполне устроило». У них была возможность уточнить погоду у смотрителей национального парка – их база находилась рядом, но наши друзья торопились. Они могли бы взять радио, чтобы послушать прогноз. Они могли бы захватить непромокаемую одежду. Но сияло солнце. Детали, конечно, банальные... однако именно они создавали предпосылки возникновения катастрофы задолго до ее появления.

В это время два других альпиниста, Льюис Джонсон и Стюарт Робертсон, уже поднимались на пик Кафедрал. Роб, Дэвид и Стивен начали восхождение в десять утра. Может показаться, что опоздание на два часа некритично. Однако через два пича они увидели, как на небе появляются облака. Альпинисты продолжали восхождение. Они проснулись шесть часов назад. Каждый метр движения вверх означал, что в их мозг поступало все меньше и меньше кислорода. Они начали уставать. К сожалению, они заранее не оговорили план прекращения восхождения и возвращения вниз, если очень устанут.

Потом они будут вспоминать: «...к моменту окончания третьего пича, когда до вершины нам оставалось еще три, мы уже видели на горизонте дождь», – но, несмотря на это, решили, что «удастся подняться на вершину до его начала». Наши друзья обсудили погодные условия и «приняли коллективное решение не прекращать восхождения, назад не возвращаться, до вершины дойти во что бы то ни стало». Но даже если им удалось бы дойти до вершины и они вымокли бы под дождем уже там, их ждало бы сильное переохлаждение, поскольку на них была только хлопчатобумажная одежда. Они решили сыграть на скорость в шахматы с силами самой Природы. И она сделала несколько стремительных ходов.

Во время последнего пича начался град. Шедший впереди Дэвид вышел на пик, Роб и Стивен начали последний пич – в этот момент все альпинисты почувствовали, что волосы у них встают дыбом. Моряки называют этот феномен огнями святого Эльма. Когда отрицательно заряженный низ облака проходит над землей, он реагирует с положительным электрическим зарядом на земле.

Возникает электрический разряд, который следует за облаком. Когда положительный разряд доходит до проводника электричества (например, до мачты или человека), возникает так называемый коронный разряд. В таких условиях Роб и Стивен должны были начать последний этап восхождения.

Непосредственно перед тем как достигнуть вершины, по словам Роба, «все вокруг начало гудеть – это был самый страшный звук, который мне довелось услышать в моей жизни». Роба и Стивена накрыл такой ужас, что, забыв об опасности, они бросились по мокрым камням под навес скалы. На вершину они еще не вышли и цеплялись за почти отвесный склон. Их хлестал дождь и град. Они висели под разверстыми по-библейски небесами и слушали «потрескивающее гудение электрического разряда, которое продолжалось минут пять».

Потом Природа поставила им мат.

Удар молнии отбросил Роба и впечатал его в стену скалы. Он почувствовал, как электрический разряд прошел через его тело и вышел из правой руки. Скорость молнии составляет пятьдесят километров в микросекунду, поэтому все закончилось очень быстро. Роб услышал стон Стивена. А потом раздался страшный вопль Льюиса Джонсона и Стюарта Робертсона, давно находившихся на вершине.

Роб почти добрался до верха. Он увидел, как безвольное тело Дэвида повисло на страховке, прикрепленной к кронштейну. Дэвид тихо стонал. У Роба началась «спасательная горячка» – нервное возбуждение, которое часто охватывает тех, кто близко наблюдает раненых и мертвых, особенно если среди них есть близкие и родные. Во время катастрофы люди могут идти на необдуманные и опасные поступки, чтобы помочь другим. Например, спасатели рассказывали о человеке, пытавшемся одиннадцатого сентября переплыть Гудзон, чтобы помочь пострадавшим (от Нью-Джерси до Манхэттена расстояние довольно приличное).

Роб вскарабкался вверх по мокрому каменному склону и начал делать брату искусственное дыхание. Он был без страховки, и любая ошибка могла стать для него последней. Но запах горелой плоти брата нанес Робу еще большую психическую травму, из-за которой он «мог легко стать второй жертвой». Его мозг практически не справлялся с нагрузкой, что часто случается в чрезвычайных ситуациях, и

альпинист был не в состоянии соображать. Только позже Роб осознал, какой гибели он чудом избежал.

Таким образом, на вершине горы оказалось четверо испуганных людей и один раненый, а может быть, уже мертвый – они не знали. Альпинисты пытались отодвинуть непослушное, почти девяностокilограммовое тело Дэвида подальше от края площадки. Они замерзли, поскольку были одеты, как говорят сотрудники спасательной службы парка Йосемити, в «смертельную одежду» – из хлопчатобумажной ткани. У них не было непромокаемой одежды, не было спичек, чтобы развести костер и согреться, и у них был всего один фонарь. А уже начинался вечер. Мир оказался совсем иным – не тем, который они себе представляли утром.

Джонсон и Робертсон попробовали перенести Дэвида, отчего тот очнулся, причем был в полной уверенности, что находится в Британской Колумбии. Альпинисты вбили крюк, привязали к нему страховку и начали спускать Дэвида вниз. В это время опять появился огонь святого Эльма. Роб и Стивен, у которых уже сформировалась вторичная эмоция, не раздумывая бросились на веревку, к которой был прикреплен Дэвид. Им повезло – единственный кронштейн, державший веревку, выдержал их вес. К счастью, у Джонсона оказался передатчик любительской радиосвязи и ему удалось связаться с кем-то, кто известил Джона Дилла, смотрителя парка Йосемити, о происшедшем. Если бы альпинисты удосужились узнать прогноз погоды на то утро, они знали бы о грозовом предупреждении. На этот раз Природа оказалась милостива к ним и все остались живы. В официальном отчете о происшествии написано: «У природы хорошее чувство юмора – четверо из альпинистов оказались по профессии специалистами по электрическому оборудованию».

ЕСЛИ ВЫ ВНИКНЕТЕ В СУТЬ ОТКРЫТИЙ, сделанных за последние сто лет в психологии, а за последние десятилетия в нейробиологии и когнитивистике, то поймете, что человек всегда остается Homo, но не всегда sapiens. Человек – существо эмоциональное, то есть, по сути, телесное. Жозеф Леду писал, что «люди совершают массу действий, сознательно не отдавая себе в этом отчета... одна из основных задач сознания – поддержание жизни человека в виде связного повествования и единого концепта». В общем, получается, что каждый из нас герой собственного фильма.

Поэтому нет ничего удивительного, что заложенные в нас и наработанные опытом механизмы выживания не только сильнейшим образом формируют наше поведение, но и достигают максимальной эффективности тогда, когда находятся вне сферы сознательного принятия решений, полностью отодвигая разум на второй план. Как только появляется эмоциональная реакция, возникает стремление к действию, которое невозможно подавить.

Впрочем, существует много приемов, помогающих «переписать сценарий» и адаптироваться к опасным ситуациям. Один из них – подготовка. Вряд ли Нил Армстронг смог бы посадить на поверхность Луны космический модуль Eagle, если бы много лет не тренировался не только в технических вопросах, которые он освоил до автоматизма, но и в практике самоконтроля. Высокоталантливые профессионалы (спортсмены, актеры, музыканты) тренируются и репетируют очень интенсивно, и если кто-то собирается следовать их примеру, то необходимо уделять подготовке столь же много внимания и вырабатывать в себе такие качества, как исключительная бдительность и осторожность. Когда люди неподготовленные отправляются в путешествие по диким местам, они сталкиваются точно с такими же трудностями, что и хорошо обученные специалисты. Природа никому не делает поблажек и не дает форы.

В дзен-буддизме есть представление, что невозможно в наполненную до краев чашку добавить чая – он начнет выливаться. То же самое можно сказать про ум. Принцип «я уже знаю все» и установка на закрытость системы приводят к тому, что вы лишаете себя ценной информации. Дзен-буддизм учит открытости. Инструкторы по выживанию называют эту открытость «смирением». Я много раз сталкивался с работой высокоталантливых профессионалов и на личном опыте знаю, что, например, такие специалисты, как горноспасатели, рискующие своей жизнью ради других, отличаются исключительным душевным равновесием, будучи одновременно людьми и смелыми, и смиренными. Такими же качествами обладают и космонавты.

Природа любит расставлять нам ловушки, и нам лучше знать об этом заранее, чтобы быть готовыми к любым ситуациям. Стоит помнить, что люди относятся к отряду приматов, которых лишь недавно усовершенствовали, снабдив такой – еще не вполне

проверенной – деталью, как *новая кора*, или *неокортекс*. Само название этой области коры головного мозга указывает на ее новизну, хотя «нового» в неокортексе только размер и более высокий уровень сложности. Может быть, сбой нашего мозга – результат неторопливости природы, которая неспешно что-то в нем меняет в процессе эволюции. И то сказать: куда ей торопиться – у нее впереди целая вечность. Природа ставит опыты на огромном количестве особей каждого биологического вида, и мы всего лишь ее последний эксперимент. Поэтому наш мозг время от времени любит покурлесить, но... «ничего личного». Как полагал римский император и стоик Марк Аврелий, в нашей смерти тоже нет «ничего личного»[\[26\]](#).

Мы часто совершаем ошибки, которые то и дело объясняем невниманием, отсутствием опыта, глупостью. Большинство людей живут в условиях низкой степени риска, когда действие, бездействие и превратности мозга несут за собой минимальные последствия. Ошибки чаще всего остаются незамеченными. На американских дорогах в 2002 году погибло 42 850 человек. Тем не менее бóльшая часть смертей от несчастных случаев происходит не на автомагистралях, а внутри дома и рядом с домом – оказывается, именно там люди чаще всего совершают роковые ошибки. Теперь вы понимаете, почему, когда покидаете тепличные условия и выходите на просторы дикой природы, должны вооружаться новым планом и новым видением реальной действительности.

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД вместе с исполнителем кантри Лайлом Ловеттом я оказался в мексиканском городе Энсенаду, где стартовали гонки на мотоциклах-внедорожниках (Baja Off Road Tours), организованные Крисом Хайнсом. В компании двадцати парней мы проехали восемьсот непростых километров по пустыням и горам. Лайл уже шестой раз ездил вместе с Крисом – гонщиком-мотоциклистом, пятнадцать лет подряд проводившим ралли-рейд Baja-1000. Альбом Лайла «Дорога на Энсенаду» (The Road to Ensenada) вышел в 1996 году с такими словами благодарности: «Спасибо Крису Хайнсу, ранчо Mike's Sky, отелю San Nicolas, моему папе и пиву», – что само по себе прекрасное описание нашего маршрута. В группу пробега входили: Билл Ловетт – «папа», которому был посвящен альбом, его ассистент Вэнс Ноулз, виолончелист Джон Хэйген.

Ударник Джеймс Гилмер ехал на одной из машин технической поддержки, и мама Лайла Бернел вместе с ним. К Лайлу присоединились его друзья-мотоциклисты, среди которых был нью-йоркский повар Дэвид Боули и владелец магазина по продаже мотоциклов в Остине Билл Кассон.

Пробег начался на грунтовой дороге, состояние которой быстро ухудшилось из-за эрозии почвы от проливных дождей. Рытвины на дороге превращались в канавы, потом в целые овраги. Через час после старта у нас появился первый пострадавший: мотоцикл одного участника, владельца магазина с Восточного побережья, не вписался в поворот, потому что шел на слишком большой скорости, и вылетел в кювет (мы называем такое «снять пробу почвы»). Я увидел его, когда сам делал крутой вираж на повороте, – бедняга стоял посреди дороги с окровавленным лицом и сломанным большим пальцем. Больница находилась далеко от нашего места, и парень пересел в грузовик к Бернел. Свое он отъездил.

Первый день начался в курортном отеле San Nicolas и закончился в горах на ранчо Mike's Sky – популярном в этом регионе месте отдыха мотоциклистов. На ранчо было мало электричества, отсутствовал телефон и имелся древний бассейн, который больше напоминал отравленный колодец. Постепенно участники пробега собрались вместе, все пили пиво и курили – в воздухе повисла настоящая дымовая завеса. Из кухни потянуло запахом маисовых лепешек. Садилось солнце. Вдруг мы поняли, что с нами нет отца Лайла.

Вместе с Лайлом и его матерью мы вышли на парковку и стали всматриваться в горы, словно те были в состоянии открыть нам тайну судьбы Билла. Солнце село, громады гор слились с небом безлунной ночи, а звука четырехтактного мотора Kawasaki мы так и не услышали. Становилось холодно. Многие из нас приняли оказавшийся ледяным душ в ванной комнате рядом с четырехместными номерами, в которых мы расселились. Потом мы надели свитера и куртки и вышли на улицу, засунув руки в карманы, чтобы было теплее. Каждый думал приблизительно об одном и том же: что там вдали делает одинокий Билл. Все были на месте, и только он не вернулся. Мы чувствовали стыд за то, что не смогли уследить за членом нашей группы. Если мы не заботимся друг о друге, то чем мы лучше койотов?

Через час после наступления темноты Крис снарядил поисковую группу из двоих человек на мотоциклах и одного на грузовике. Они нашли продрогшего Билла на полпути к ранчо. Билл медленно ехал на своем Kawasaki, освещая себе дорогу тусклым светом фары.

За ужином Лайл, Бернел и Билл сели вместе. Шестьдесят байкеров шумели, ели и пили. Сначала Билл поклялся, что никогда в жизни не сядет на мотоцикл, но потом заметил: «Нет, давайте не будем принимать никаких решений на ночь глядя. Так у нас в семье не принято». Во время еды Лайл постоянно клал руку на плечо отца и спрашивал его: «Пап, у тебя все в порядке?» Билл кивал и говорил, что все нормально. Он хорошо поел: курицы, бобов, плоских маисовых лепешек с острым соусом; потом они с Бернел встали и сказали, что решили лечь пораньше. Билл пожелал сыну спокойной ночи, наклонился и поцеловал в щеку. Мы с Лайлом не спешили выходить из-за стола. Лайл сворачивал лепешки и ел их с сахаром, который обильно белой струей сыпал из сахарницы-шейкера.

На следующее утро Билл был готов тронуться в путь. Следующие два дня мы с ним, соревнуясь за последнее место, ехали замыкающими в колонне через козьи тропы и смытый с холмов песок. Лайл ехал быстро, а мы медленно. Мы с Билом еще один раз потерялись – во время бури с сильным ветром застряли на ферме по выращиванию помидоров с почвой из тихоокеанского песка. Потом самостоятельно вышли на трассу. На тех гонках многие падали, но ни я, ни Билл, ни Лайл ни разу не упали. Дэвид Боули сломал вилку передней оси, чтобы не убить упавшего перед ним на дороге мотоциклиста, который дал слишком высокие обороты.

Однажды в середине дня мы выехали на дно пересохшего озера, твердая и ровная поверхность которого была словно залита бетоном, присыпанным сахарной пудрой щелочной пыли. Все могли ехать так быстро, как им заблагорассудится, и мотоциклисты понеслись в клубах пыли, поднявшейся от земли до небес. Даже Билл обогнал меня, и я оказался в самом конце, потеряв всех из виду. Но постепенно я набрался смелости и решил догнать товарищей. Стрелка спидометра дошла до ста шестидесяти, потом до ста семидесяти километров в час. На твердом дне озера не было видно следов шин, поэтому я слабо представлял, в какую сторону все двинули. Вдалеке я увидел столб пыли, который поднимала наша колонна, и повернул в ту сторону.

Облако пыли приближалось и росло. Вместе с ним росла и моя уверенность. Я решил дать полный газ и больше не смотреть на спидометр, чтобы не испугаться. Облако пыли стало огромным. Я начал представлять себе, что вот-вот подъеду к группе людей на зеленых мотоциклах и, может быть, даже обгоню Билла. Неожиданно из облака пыли прямо на меня вылетел набитый мексиканцами побитый автобус Volkswagen. В последнюю секунду перед столкновением я успел свернуть в сторону, потерял управление мотоциклом и забуксовал в песке. Автобус пронесся мимо в клубах пыли. Я едва избежал смерти.

На третий день путешествия мы мчались по покрытой сухим илом дороге, которая постепенно поднималась в горы над тем самым пересохшим озером. Сильный ветер разносил пыль по всей долине, закрывая вершины. Я ехал так быстро, насколько мне позволяла смелость, причем я чувствовал, как заднее колесо подпрыгивало и скользило, словно пытаюсь вырваться из-под меня. Неожиданно вся природа: острые камни, линия горизонта, щелочное озеро, ветер и синее небо над головой – сложилась в одну единую картину. Я слился с ландшафтом и движением. Начал видеть следы, которые ветер оставил на песке и на камнях, и понял, что всем этим я обязан самому простейшему механизму – колесу. Когда колесо не движется, оно представляет собой лишь собранное человеческими руками приспособление из спиц, резины, обода и гаек – приспособление немыслимое и неправдоподобное, как саксофон. Но когда колесо крутится, оно превращается в драгоценность, которой нет цены, в единство сверкающих деталей, в произведение искусства, созданное высшими силами, которое дыхание воздуха оживляет точно так же, как оживляет саксофон, на котором играет музыкант.

Изменилась и земля, по которой мы мчались, – она стала мягкой, как ангорская шерсть, и мы едва касались ее. Но если я сбавлял скорость, то легкое покрывавшее землю одеяло начинало щетиниться острыми осколками камня и мелкого песка и снова превращалось в суровую безжизненную реальность пересохшего озера. Вот туда-то и был риск упасть. Езда на мотоцикле дает сверхъестественное ощущение полета, это раскручивание кармического колеса, чтобы подняться к ангелам из ада временной плоти. Падение – это возвращение в нижний мир. Значит, все мы – падшие ангелы. Байкеры

давно это поняли, недаром они с сороковых годов прошлого века называют себя «ангелами ада».

Глава 6

Парадокс кучи

БИЛЛ УОРД РАСПОЛОЖИЛСЯ на скалистом выступе вершины Хогсбэка. По этому горному хребту проходит прямой маршрут, по которому можно добраться до вершины Маунт-Худа – самого высокого пика в штате Орегон. В тот четверг 30 мая 2002 года, около девяти часов утра, под руководством Билла Уорда начали свой спуск трое туристов. Сорокалетний Крис Керн работал в апелляционном суде Нью-Йорка. Его давний приятель Гарри Слаттер работал в Лонг-Айленде, в крупном частном роддоме, у которого имелись свои отделения в Нью-Йорке и Орегоне; благодаря каким-то служебным делам он и познакомился с опытным альпинистом Уордом. Ричард Рид, местный орегонский житель, альпинизмом никогда не занимался – его пригласил с собой сам Уорд.

Рик Рид – ровно через час он будет мертв – был уверен, что пик Маунт-Худ представляет собой вершину, которую начинающему альпинисту будет легко покорить. К сожалению, не существует понятия «начинающий альпинист», когда речь идет о восхождении на серьезные вершины. «А вот эта как раз для новичка» – такое не срабатывает среди гор, точно так же подобная концепция совершенно не эффективна в сексуальных отношениях. Хитрость подъема на пик Маунт-Худ состоит в том, что стандартный маршрут «вверх – вниз» не требует особой технической подготовки. Восхождение больше напоминает прогулку по пологому снежному полю. В хороший день можно без кошек [\[27\]](#) подняться на вершину и отщелкать там несколько кадров, после чего спуститься и зайти в ресторан известной горнолыжной базы «Тимберлайн» (Timberline Lodge), где вас вкусно накормят отбивными из новозеландского ягненка с пряностями. Представление о «легкой горе» – опасная иллюзия, и Маунт-Худ преподносит много сюрпризов, справится с которыми лишь хорошо подготовленный альпинист. Если человек упадет, то падать он будет долго, и место, где он окажется, ему очень не понравится. Маунт-Худ – потенциально активный вулкан с двенадцатью ледниками на вершине и ледяными пещерами, там даже снежный слой покрыт ледяным настом, а ветры достигают скорости двухсот тридцати километров в

час. Если человек упадет в кратер вулкана, то задохнется от сероводородных испарений. Если человек оступится, то заскользит по льду и до смерти разобьется о скалу Стальная стена. Если человек потеряет ориентир из-за сильного ветра и пурги, то будет бродить много дней по заповеднику «Зигзаг» или по полю с расщелиной в леднике. На пике Маунт-Худ каждый год погибает хотя бы один турист, а в 2002 году погибших было гораздо больше.

Группа Билла Уорда начала спуск с пика в половине девятого утра; пройдя часть пути от вершины, они остановились на скалистом выступе красивой цепной гряды Хогсбэка. Керн воткнул в снег ледоруб и страховал спускающегося Слаттера: следил за тем, чтобы веревка, которой был привязан Слаттер, всегда была натянута. Если Слаттер сорвется, то натянута веревка задержит падение. Ночью все замерзло, а утром частично оттаяло, поэтому снег превратился в смесь льда и мокрой ледяной крошки. В таких условиях было легко поскользнуться и очень сложно остановить скольжение.

До восхождения они тренировались несколько дней, оттачивая технику остановки после падения. И все, включая новичка Рида, научились этому. Если альпинист падал, то кричал: «Падаю!» – после чего остальные должны были упасть и воткнуть ледорубы в снег. Альпинисты были связаны между собой веревкой, которая и должна была остановить падение того, кто сорвался. При наличии опыта и после долгих тренировок такая страховка превращается во вторичную эмоцию, точно так же как у солдат в романе Ремарка, падавших на землю при звуке летящего снаряда. И хотя подобный способ очень неплох, фиксированная страховка за крючья, вбитая в лед или камень, намного эффективнее.

После того как Слаттер спустился на одиннадцать метров, Уорд воткнул свой ледоруб, обмотал вокруг него веревку и начал страховать Керна. Керн вынул ледоруб и стал спускаться. Керн двигался, и Слаттер двигался вместе с ним, чтобы связывающая их веревка оставалась натянутой.

Альпинисты в связке должны спускаться по очереди так, чтобы веревка между ними всегда оставалась натянутой. В том случае, если человек сорвется, он скатится вниз всего на несколько десятков сантиметров. Альпинисты были нанизаны на веревку, как бусины на нитку. Они собирались спуститься вниз, выйти на трехсотметровый

хребет, после чего уже могли перестать страховать друг друга при помощи ледорубов и продолжать осторожно двигаться вниз.

Уорд и Рид стояли на краю и ждали, когда веревка натянется. Потом Уорд страховал Рида, который спустился на одиннадцать метров, и связывающая их веревка натянулась. Слаттер и Керн двигались так же, чтобы связывающая их веревка не провисала и оставалась натянутой.

Когда веревка оказалась полностью натянутой, Слаттер находился на уровне тридцати двух метров ниже выступа, Керн – на двадцать три метра ниже, Рид – на одиннадцать метров ниже. Уорд стоял на выступе с воткнутым в снег ледорубом и страховал всю группу. Уорд встал и вытащил из снега ледоруб. В этот момент система связки альпинистов – все они держались на надетых на ногах кошках – потеряла стабильность.

Способ, которым пользовались альпинисты, считается очень простым. Когда я беседовал с теми, кто выжил, то понимал, насколько хорошо они заранее продумали всю свою страховочную систему. Единственным слабым звеном ее стало то, что находившийся выше всех в связке – в данном случае Уорд – ни в коем случае не мог падать. Альпинисты спускались в следующем порядке сверху вниз: Уорд, Рид, Керн, Слаттер. Кирпич легко можно поймать, если он падает с высоты, скажем, двадцать сантиметров. Если уронить кирпич с третьего этажа, то голова, на которую он упадет, может серьезно пострадать. Между Уордом и Ридом было одиннадцать метров веревки. Если Уорд упадет, то он будет падать двадцать три метра до тех пор, пока веревка не натянется. Теперь представьте: вам надо поймать человека, упавшего с седьмого этажа. Связка альпинистов имеет свой внутренний «энергетический уровень». Хотя альпинисты сами и не использовали подобных выражений, но было понятно, что они старались «снизить этот уровень» с помощью системы, состоящей из веревки и веса, который в разных местах эту веревку держит. Интуитивно они понимали, что надо сдерживать кинетическую энергию и не дать ей возможности захлестнуть их с полной силой. Уорд находился на самом верху связки. Альпинисты надеялись, что он – как наиболее опытный среди них – не должен упасть. Все волновались за Рида. Кстати, обычно определение «опытный» любят относить к человеку, чаще

других совершающему ошибки, которые, по счастливой случайности, ничем ему не аукнутся.

Альпинисты шли в связке, создав обманчивую систему обеспечения безопасности. Веревка – это простой инструмент, который тем не менее способен вести себя довольно непредсказуемо. Веревка в состоянии передавать кинетическую энергию того количества людей, которое ею связано. Веревка может во много раз увеличивать эту энергию. Она может передать ее по всей длине из одной точки в другую. Веревка может растягиваться, рваться, сжиматься, укорачиваться и вибрировать. Веревка – вещь простая, и система, созданная при ее помощи, очень элегантна. Однако в данном случае на веревку влияла сила тяжести четырех тел, что могло привести к самым неожиданным последствиям.

Слаттер, находившийся в связке в самом низу, наблюдал, как чуть ниже продвигается другая группа альпинистов. Ближайшие к нему люди из той группы были ему знакомы. Всего полчаса назад он вместе с ними отмечал успешное восхождение на вершину. Они фотографировались, делились водой и едой. Теперь Слаттер прекрасно видел этих калифорнийцев: методистского священника Тома Хиллмана и его прихожанина Джона Биггса.

Я говорил со Слаттером через несколько дней после трагедии, он сказал, что «отметил про себя, где находятся Хиллман и Биггс», – они находились чуть ниже и в стороне от линии его потенциального падения. Еще одна иллюзия, порожденная «простотой» Маунт-Худа: будто они не попадали на линию падения Слаттера. Слаттер повернул голову и через правое плечо посмотрел на Керна, который находился в одиннадцати метрах выше его. «Мне было лучше видно место прохождения гребня хребта Хогсбэк», – заметил Слаттер. Тогда он крикнул Керну: «Сдай немного назад, чтобы больше выйти за гребень!»

Потом краем глаза он увидел, что что-то мелькнуло, и почувствовал прилив адреналина. Слаттер и не подумал, что упал товарищ из его связки, поскольку что-то мелькнуло чуть в стороне от него, а не ровно вертикально вниз по направлению к базе «Тимберлайн». Через два дня после этого трагического случая точно так же меня обманули собственные чувства. Вместе со Стивом Крузом, ответственным за безопасность гостей горнолыжной базы, мы

поднимались в гору. Стив попросил меня показать, где низ, и я показал на лыжную базу. Однако если сверху кинуть мяч, он не покатится в сторону «Тимберлайна». Он покатится на восток в сторону «Зигзага» или на запад в сторону ледника.

Тем не менее инстинкты предупреждали Слаттера об опасности. Он бросился на снег и воткнул ледоруб. «Я даже не колебался», – рассказывал он мне.

За несколько мгновений до этого на вершине, ровно над Уордом, появилась группа из четырех альпинистов. Они и увидели, что произошло. Позже этот трагический случай расследовал Тим Бейли, сотрудник полиции округа Клакамас. В его отчете было написано, что само падение, протяженность которого составила пару сотен метров, закончилось в расщелине, разделяющей хребет Хогсбэк пополам. Все падение заняло от трех до пяти секунд. В группе, появившейся непосредственно над жертвами трагедии, был подросток по имени Люк Пеннингтон. Он видел, что Уорд вынул свой ледоруб. Уорд стоял, повернувшись лицом на восток, и, поворачиваясь, хотел тверже поставить левую ногу на наклонной поверхности. В этот момент произошло то, что не должно было произойти: верхний в связке упал. В отчете Бейли значится: «Он поскользнулся и упал. Он упал на спину и начал скользить вниз лицом вперед».

До того момента, как Уорд упал до уровня Рида, он успел развить скорость сорок пять километров в час, то есть скорость, которую достигает человек, выбросившийся с восьмого этажа. Падение Уорда увлекло за собой Рида, а потом Керна и Слаттера. В погоне за приключениями эта четверка перешла черту между двумя мирами. У Джеймса Глейка в «Хаосе» есть такие слова: «Самые странные вещи случаются, когда человек доходит до пограничной территории».

Чтобы вывести страховочную систему из равновесия, потребовались минимальные усилия. Вбитый в лед крюк страховки вылетел, и после этого высвободившуюся кинетическую энергию было сложно остановить. Слаттер вспоминает, что «события разворачивались словно в замедленном действии». Во время чрезвычайной ситуации скорость рефлексов увеличивается, мозг начинает работать в ускоренном режиме, поэтому кажется, что окружающий мир замедляется. «Я знал, что Крис упал на снег, и принял положение для страховки падающего, но я не помню, чтобы

заметил, что это произошло. Поразительно, но я не услышал ни слова». Возможно, его восприятие сузилось, потому что мозг отфильтровал «ненужную» информацию. Возможно, никто ничего и не прокричал. «Я помню, что лежал лицом в сторону вершины. Помню, что воткнул в снег ледоруб и лег на него грудью. Я поджал голову и закрыл ее рукой». Слаттер сконцентрировался на том, что в тот момент казалось самым важным, – воткнутый в снег ледоруб, который должен был задержать падение. «Потом я увидел, что острие ледоруба рассекает лед, и подумал: “Быстро же мы несемся”. Меня просто вырвало из горы».

Керна тоже вырвало из горы. Керн помнил только свой полет в воздухе. Он точно не знает, сколько пролетел, но ему показалось, что достаточно большое расстояние. Потом последовал удар, оказавшийся таким сильным, что были сломаны кости таза. Веревка страховки ослабла, потом натянулась. В этот момент Керна опять подбросило в воздух, и он снова начал падать вниз.

Может быть, на это ушла секунда. Может быть, две. Теперь четверка все быстрее неслась в сторону спускающихся вниз Биггса и Хиллмана. Эти двое находились прямо под четверкой падающих альпинистов, и шансов выйти из зоны поражения у них не было.

В отчете Бейли написано: «По словам Пеннингтона, когда четыре альпиниста достигли Биггса и Хиллмана... Биггс был сбит с ног. Четверка падала так, что одна из веревок оказалась натянутой. Эта веревка сбила Биггса и подбросила его в воздух».

Воспоминания Хиллмана более подробные:

Я услышал, как кто-то крикнул: «Падаю!» Потом четверка попала в Биггса и выбила его, как бильярдный шар. Биггса подбросило на метр или даже выше, и он упал на снег лицом вниз. Я заметил, как один из орегонских парней во время движения прикрепил свою красную веревку к нашей синей. Я понимал, что мне придется остановить пять человек, поэтому быстро упал в снег. Я начал молиться. Я понимал, что до того, как вся сила падения придется на меня, они должны пролететь одиннадцать метров.

Одиннадцать метров – такой была длина веревки, связывающая Хиллмана и Биггса. «И потом должно было отмотаться еще одиннадцать метров веревки до того, как мне придется принять всю силу удара. Я был готов». Получалось, что до того, как веревка

Хиллмана натянется, пять человек должны были пролететь тридцать два метра, что равнозначно падению с высоты десятого этажа. К тому моменту сила падения была настолько большой, что плечевую кость Хиллмана вырвало из сустава. Несмотря на это, Хиллман не отпускал ледоруба: «Помню, ледоруб разрывал снег до самого конца, до того, как мы упали в расщелину».

Однако этим дело не закончилось. Непосредственно над расщелиной, приблизительно в ста тридцати метрах от вершины, поднимались две группы альпинистов. Эти группы вел Джефф Пирс – парамедик из департамента пожарной охраны и службы спасения соседней долины Туалатин. Вместе с ним на покорение вершины вышли его коллеги, не имевшие никакого альпинистского опыта. В группу также входили тренер по фитнесу департамента Чад Хашбургер и четырнадцатилетний сын одного из парамедиков Коул Джойнер. В три часа дня трактор-снегоход подвез их к «Палмеру» – самому высокому подъемнику. Пирс разделил всех на две группы. Сам он шел впереди связки Коула Джойнера и Джеремайи Моффитта. Оставшихся четверых вел Денис Батлер, второй опытный альпинист в этой компании. Его группа во время трагедии находилась ниже расщелины.

Пирс вместе с Джойнером и Моффиттом обошли с левой стороны расщелину и стали подниматься. Пирс вспоминает: «Мы обходили расщелину, я посмотрел вверх на других альпинистов и подумал о плане нашего маршрута», – он не хотел подниматься непосредственно под другой группой альпинистов, но, поскольку ранее принял решение обходить расщелину слева, а не справа, его группе пришлось пройти непосредственно под альпинистами, находившимися выше. Пирс и Джойнер начали двигаться в правую сторону и вышли из зоны опасности, однако Моффитт все еще в ней оставался.

Пирс посмотрел вверх и увидел падающих альпинистов. Он раньше уже видел, как падают люди, и надеялся, что они успеют зафиксировать свое положение, остановят падение и снова начнут подниматься. Однако когда мозг Пирса переварил увиденное, он почувствовал адреналиновую реакцию: «Я упал и вбил в лед свой ледоруб. Воткнул его со всей силой, точно так же поступили мои люди». В их сторону летело шесть человек, опутанных страховочными веревками и оцетинившихся остриями ледорубов, крепежей и кошек.

Из отчета Бейли: «Теперь падало уже шесть альпинистов. Свидетели... утверждали, что они ударились друг о друга и крутились вокруг своей оси».

Моффитт принял удар, который оказался настолько сильным, что он потерял сознание. Рывок веревки выдернул «окопавшихся» Пирса и Джойнера и бросил их вместе со всеми остальными в расщелину, где все девять альпинистов ударились о каменную стену и остались лежать на снегу. К тому времени Биггс уже был мертв. Уорд лежал под телами остальных головой вниз и задыхался. Рид, для которого это оказалось первым и последним восхождением, был еще жив. Умирал он в сознании.

В тот момент Стив Круз открывал гору для лыжников. Он стоял около подъемника «Палмер», когда служащий подъемника позвал его к телефону. Круз взял трубку и услышал голос сержанта из департамента шерифа. Тот передал ему сообщение, поступившее на «девять-один-один»: в бергшрунде – так местные называют подгорную трещину на леднике, – на шестьсот метров выше подъемника – где как раз находился Круз, – произошел несчастный случай. Сержант сказал, что детали пока не ясны, но несколько альпинистов свалилось в расщелину.

Круз мгновенно посмотрел вверх. Вдалеке он увидел эту расщелину и несколько крошечных фигур вокруг нее. Сердце пустилось галопом – он сразу понял, что произошло нечто очень и очень серьезное. Он схватил рацию и приказал лучшему в службе безопасности водителю снегоходов Джеффу Флуду («это мой ас!») мчаться на вершину горы. Не успев отключить рацию, Круз увидел внизу черный дым дизельного топлива – трактор-снегоход уже выезжал из «Тимберлайна».

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В РАСЩЕЛИНЕ ПРОИСХОДИЛО СЛЕДУЮЩЕЕ: Билл Уорд уже задохнулся в снегу; Крис Керн со сломанными костями таза, согнутый пополам и прижатый к камням, орал от боли; Гарри Слаттер, нижний в связке, лежал без сознания, когда он пришел в себя, ледоруб был все еще в его руке. Освещенная холодным голубым светом сцена выглядела сюрреалистически. Сверху продолжали скатываться снег и лед. Слаттер вспоминает: «Мне казалось, я задыхаюсь от всей этой мелкой снежной пыли».

Слаттер попытался оценить свое состояние. Он был уверен, что сломал челюсть и колено. «Я не помню, кто на ком лежал, но мы были плотно вдавлены друг в друга», – вспоминает Слаттер. Больше всего его волновала судьба Биггса. Он перевернулся и проверил, дышит ли тот. Биггс не дышал. Слаттер попытался сделать ему искусственное дыхание. Потом подошел Пирс и «подтвердил то, что я ожидал: Биггс был мертв», – вспоминает Слаттер.

Керн все еще кричал от страшной боли. Слаттер крикнул другу: «Забудь про боль и держись!» Слаттер и Керн вместе участвовали в соревнованиях по бегу и именно такой фразой подбадривали друг друга, когда одному из них становилось тяжело во время забега. Керн притих и о том же попросил Рида. Но Рид бредил перед смертью. Моффитт стонал и бормотал что-то нечленораздельное.

Пастор-методист Том Хиллман находился без сознания. В рюкзаке за спиной он держал мягкую флягу с водой. Эта замечательная конструкция фирмы Camelbak смягчила ему удар о камни. Однако Хиллман сломал грудной позвонок. Пастор, умеющий оказывать первую медицинскую помощь, пытался осознать, как сильно он пострадал: «Прежде чем начать двигаться, я попытался понять, что я мог сломать. Я думал, что сломал большую или малую берцовую кость, колено или бедро. И был готов к самому худшему. Но ничего из вышеперечисленного не было сломано. Я порвал связки и мышцы на руках, ногах, плечах и на спине, потому что крепко держался за ледоруб, пытаясь остановить наше падение. Мне очень хотелось встать и помочь остальным, но со всеми своими травмами и сотрясением мозга в придачу я чувствовал себя словно устрица без ракушки». Любопытно, что лучшие из тех, кто переживает катастрофу, несмотря на свои раны, всегда в первую очередь думают о других. В Дао дэ цзин написано, что таким «небо поможет», что их «милосердие защитит» (§ 67). Хиллман на самом деле посвящал жизнь своей пастве. «Самым неприятным для меня было то, что, имея хорошую подготовку в неотложной помощи, я не смог никому помочь», – говорил он.

При каждом движении Хиллмана ледяные осколки сыпались на Керна, который кричал от боли. Хиллман отполз. Из всей группы практически без травм остались Джефф Пирс и четырнадцатилетний Джойнер, которые незамедлительно начали оказывать помощь остальным. Денис Батлер и его люди, которые находились ниже

расщелины, принялись устанавливать веревки, чтобы спускать пострадавших и мертвых вниз.

ТРАГЕДИИ ВРОДЕ ТОЙ, ЧТО ПРОИЗОШЛА 30 мая 2002 года на Маунт-Худе, случаются постоянно. Это неизбежный результат повышенного интереса к экстремальным видам отдыха, вследствие чего все больше и больше неподготовленных людей идут покорять горные вершины.

Альпинисты идут в связке без закрепленной страховки. С большинством ничего страшного не происходит. Во время спуска альпинисты опираются на ледорубы, как дяди на трости. Все случившееся на Маунт-Худе было вполне предсказуемым, а сама трагедия объясняется теорией обычных несчастных случаев. Чарльз Пэрроу в 1980-х годах ввел термин «системные катастрофы». (С научной точки зрения было бы интересно проследить, как его концепция перекликается с идеями теории хаоса и теории самоорганизации.) Появлению трагедии на Маунт-Худ способствовало два рода факторов: выбора страховочной системы и психология участников.

Современные ученые, изучающие несчастные случаи во время отдыха на природе, признают, что всех их объединяет принципиальное сходство. Когда, что-то совершая, человек оказывается перед лицом смерти, он должен понимать, что к такому развитию событий он подошел проторенным путем. Первая реакция обычно укладывается в схему: «Что же за несчастье такое! Как это могло со мной случиться!» Но если человек выживает и если потом решит докопаться, «как дошел до жизни такой», то общая схема трагедии будет выглядеть не намного сложнее: что-то вроде «два притопа, три прихлопа».

Дело в том, что такого понятия, как «несчастный случай», в природе не существует. Очень немногие испытывают осознанное желание страдать или покончить с собой. Обычно люди сами порождают условия и системы, позволяющие совершаться несчастным случаям. Но даже после создания таких условий и систем может пройти долгое время, пока произойдет несчастный случай. Именно поэтому у таких гор, как Маунт-Худ, Мак-Кинли или Лонгс-Пик, складывается репутация «легких» гор. Многие из тех, с кем происходят самые тяжелые несчастные случаи на вершинах, покорение которых не требует особых знаний и технической

подготовки, успели забраться на более сложные горы. Возможно, уже побывав на пиках в Гималаях или Южной Америке, они приехали в Маунт-Худ с определенным настроем, что им подвластны любые вершины. Возможно, они привезли своих друзей, которым решили помочь при их первом восхождении. Возможно, они покорят самый высокий пик в каждом штате. Такие люди находятся в плену собственного опыта и собственного невежества, потому их пониманию недоступен истинный характер того, что они совершают.

Книга «Обычные катастрофы» Чарльза Перроу увидела свет в 1984 году. Значение этой работы огромно в первую очередь по причине ее основной идеи: в определенных системах крупные катастрофы заложены по самой их природе, они происходят редко, но они неизбежны и уже поэтому могут считаться нормой. Автор утверждает, что катастрофы – часть общей системы. Перроу на этом не останавливается и рассматривает довольно спорное утверждение, что все попытки наращивания технологий безопасности только усложняют эти системы, что делает в еще большей степени вероятным появление несчастных случаев.

Катастрофы могут происходить из-за непредвиденного взаимодействия составных частей и сил и даже из-за сложности самой системы. Такие несчастные случаи складываются из условий, суждений, действий и событий, которые сами по себе в отдельности не могли бы их вызвать. Катастрофа случается только тогда, когда несколько факторов накладываются друг на друга и происходят в определенный момент. Несомненно, до того трагического дня Билл Уорд не раз поскользнулся, но удерживался на ногах. Он неоднократно вынимал фиксированную ледорубом страховку, после чего не падал и не погибал. Перроу обращает внимание на то, что в большинстве случаев ничего серьезного не происходит, правда, это не делает жизнь проще для тех, кто работает со сложными системами (в данном случае с альпинистами). Люди начинают верить в то, что нормальное функционирование системы – ее единственно возможное состояние. И вот неожиданно, в критический момент – когда совпадают время и пространство, – все компоненты системы начинают взаимодействовать самым странным образом, что и приводит к катастрофе.

Американский многоразовый космический корабль (шаттл) неоднократно взлетал и садился во Флориде без каких-либо проблем. Сотрудники NASA привыкли к тому, что система не дает сбоев. Но однажды из-за холодной погоды утром треснула резиновая прокладка. Инженеры, ответственные за это оборудование, предупреждали о возможных проблемах. Однако по политическим соображениям и нежеланию выходить из графика шаттл «Челленджер» был запущен. Последствия знают все – каждый человек в мире имел возможность наблюдать еще один вариант поведения сложной системы.

Для описания систем Перроу использовал техническую терминологию. Он называл эти системы «тесно соединенными». По его словам, могут происходить неожиданные и сложные взаимодействия компонентов системы и сил, которые в ней возникают. Несчастный случай происходит только в тесно соединенной системе, компоненты которой способны к непредсказуемому взаимодействию (мы не говорим о других сбоях, происходящих практически постоянно).

Компоненты и силы, способные к такому разрушительному взаимодействию, могут быть скрытыми и сложно предсказуемыми. Например, альпинисты не могли предвидеть всю мощь кинетической энергии, которая возникает в созданной ими страховочной системе. Они видели, что техника остановки падения, используемая другими альпинистами, работает прекрасно, и были уверены, что так же она будет работать и в их случае. Кофеварка и туалет на борту авиалайнера, по замыслу их создателей, не должны приводить к авиакатастрофам, однако известны и такие случаи.

Авиалайнер – прекрасный пример сложной и тесно соединенной системы: в ней заложена масса взрывоопасного горючего, она летит с огромной скоростью и функционирует на очень зыбкой границе между стабильностью и ее отсутствием. Незначительные усилия способны вывести эту систему из состояния баланса, что высвобождает заложенную в ней огромную кинетическую энергию. В этом смысле самолет можно сравнить со страховочной системой альпинистов, энергия которой появилась благодаря работе их мускулов и электрохимическим реакциям, происходившим во время восхождения. Альпинисты забирались все выше и выше, накапливая потенциальную кинетическую энергию в страховочной системе, тесно связанной

веревкой. Происшедшее с ними позже было похоже на то, как лопаются воздушный шарик, в котором воздух или энергия мгновенно и в больших количествах высвобождаются после укола булавкой. Альпинисты могли бы выжить, даже если спускались бы по склону вообще без какой-либо системы страховки.

В условиях тесно соединенной системы последствия сбоя быстро распространяются. В системе, которая не так плотно и тесно связана, последствия сбоя не распространяются на не пораженные сбоем отдельные участки. Хорошим примером тесно соединенной системы являются поставленные в ряд фишки домино – достаточно сбить одну, чтобы упали все. Если поставить фишки домино на приличном расстоянии друг от друга, то упадет всего одна фишка, если ее сбить. Если альпинисты не шли бы в связке, то упавший Уорд не увлек бы с собой всех остальных. Если альпинисты точно понимали бы, где верх, а где низ, то не встали бы прямо над Хиллманом и Биггсом. За появление трагедий в подобных системах некого винить, у подобных случаев нет причины. Причина кроется в самой природе системы, которая является самоорганизующейся.

Книга Перроу вышла в то время, когда ни теория хаоса, ни понятие самоорганизующихся систем не были широко известны и тем более всеми приняты. Тем не менее в его работе прослеживаются следы их влияния. Теория хаоса возникла потому, что в естествознании существовал большой пробел в области понимания беспорядка. Будь то живой организм или текущая вода, куда бы мы ни посмотрели, мы увидим беспорядочность. Турбулентность, непредсказуемое поведение, сбита периодичность природных циклов, начиная от погоды и кончая ростом популяции животных. Классическое естествознание игнорировало эти непредсказуемости и для объяснения мира использовало идеализированные системы, что оставляло большую часть мира совершенно без объяснений. Ошибки расчетов Ньютона просто игнорировали, и так было до того, пока Эйнштейн их не объяснил. Традиционная экономическая наука исходила из рациональности. На такой же основе было построено традиционное обучение методам выживания. Ни тот ни другой подходы не учитывали непредсказуемых реальностей действительного мира.

Смысл теории хаоса в том, что сложные и турбулентные системы (например, погода) имеют в основе простые составляющие (вода, воздух, земля) и управляются простыми законами (законы гравитации и теплообмена). Одной из характеристик подобных систем является то, что незначительное изменение первоначальных условий, которое даже сложно измерить, может привести к абсолютно иным условиям. Можно неоднократно проверять это уравнение и каждый раз приходиться к одному и тому же результату. Но при увеличении нагрузки на систему возникают отклонения, и результат становится непредсказуемым.

Метеоролог из Массачусетского технологического института Эдвард Лоренц занимался в начале 1960-х годов компьютерным моделированием погоды и случайно пришел к выводу, что минимальное изменение первоначальных условий (одна часть из одной тысячи) может привести к абсолютно иным погодным условиям. Свое открытие он назвал «эффектом бабочки»[\[28\]](#), которое Глейк в книге «Хаос» описал как «представление о том, что движение воздуха, вызванное взмахом крыльев бабочки в Пекине сегодня, может привести к появлению шторма в Нью-Йорке на следующий месяц».

В классической науке ученые стараются прогнозировать результат, после чего проводят эксперимент для подтверждения своей гипотезы. Однако естественные системы не ведут себя так предсказуемо. Можно говорить об их составляющих и деталях, однако невозможно предсказать результат из взаимодействия. Можно долго объяснять принципы создания погодных условий, исходя из школьной математики и физики, но невозможно с абсолютной точностью сказать, что в ближайшем будущем пройдет дождь. Можно знать о том, что молния ударит в определенных условиях, но невозможно знать, когда и куда именно она ударит. Когда я был подростком, то часто шутя говорил отцу: когда живешь рядом с ученым, то начинаешь понимать, что ученые мужи знают так много, что, кажется, не знают ничего. Классическая наука не в состоянии предсказать поведение облака – ведь оно представляет собой всего лишь определенное скопление капель воды, которыми движет теплый воздух и сила притяжения. Системы безопасности и обучение самым разным видам безопасности являются видом прогнозирования, поскольку их цель – контролировать будущее.

Теория хаоса рассматривает подобные, кажущиеся хаотичными системы как что-то основанное на простых и понятных математических действиях. Результаты действия систем одинаковы в любом масштабе. Облако выглядит совершенно одинаково, как на него ни посмотри – вблизи или издалека. Береговая линия тоже. Многие произведения искусства нравятся нам по причине их так называемой фрактальной природы. Собор Парижской богородицы прекрасен в любом масштабе. Издалека мы наблюдаем башни и приятную для глаза форму. По мере приближения начинаем замечать детали фасада вплоть до самых маленьких скульптур. Материя ведет себя точно так же. Ты думаешь, что нашел мельчайшую частичку, но после этого находишь то, из чего эта частичка состоит.

Теорию самоорганизации, которую иногда называют теорией сложности, создали во многом те же люди, которые работали над теорией хаоса. Теория самоорганизации объясняет фундаментальные вопросы: откуда берется порядок? как идея порядка соотносится со вторым законом термодинамики, который утверждает, что все стремится к еще большему беспорядку? Теория сложности в некотором смысле является продолжением хода мыслей, породивших теорию хаоса; о ней иногда говорят, что она существует «на границе хаоса». (Кроме того, звучали возражения против соединения двух теорий – сложности и хаоса, – а также против использования слова *сложность*.) У этих теорий одинаковый постулат, формулируемый следующим образом: «Изменения, дезорганизация и серьезные последствия как результат тривиальных на первый взгляд событий. Эти изменения объясняются существованием где-то глубоко-глубоко определенного закона». Теория сложности – смелая попытка объяснить сразу все, и в определенных вопросах ей это удалось лучше, чем теории относительности Эйнштейна или квантовой механике Нильса Бора.

Альпинисты на пике Маунт-Худ испытали на себе страшные последствия вынутаго из льда ледоруба страховки. Подобные чрезвычайные происшествия – часть способности природного механизма создавать самоорганизующиеся системы в пограничных областях, то есть опасных зонах. Альпинисты не понимали, что стали частью системы, вышедшей на критический уровень – на котором, по

всей вероятности, она находилась всегда, – и что в подобной ситуации малейший дисбаланс может вывести ее из равновесия.

ДАТСКИЙ ФИЗИК ПЕР БАК в 1980-х годах провел эксперимент, который на визуальном уровне убедительно продемонстрировал – хотя конкретно этой цели ученый перед собой не ставил, – как в природных условиях происходят несчастные случаи. Бак хотел показать, как функционируют самоорганизующиеся системы. Он взял кучу песка (или создал компьютерную модель этой кучи) и механизм наподобие песочных часов, сыплющий сверху песок. Куча песка росла и при достижении определенной высоты разваливалась. Она не становилась ни выше, ни ниже. Куча продолжала равномерно расти и периодически разваливаться. Митчелл Уолдроп замечает в книге «Сложность»: «Куча песка является самоорганизующейся. Она сама достигает стабильной формы без посторонней помощи». Никто не программировал, что куча песка начнет разваливаться. Такая характеристика – это особенность простой системы. Куча песка находилась в состоянии, которое некоторые ученые называют «критическим», хотя по поводу использования этого термина есть много спорных вопросов. Уолдроп пишет: «Критическое состояние кучи песка напоминает критическую массу плутония, в котором вещество хотя и находится на грани начала цепной реакции, но сама реакция все-таки не начинается». Песок падает и время от времени сползает. Периодически возникает большая лавина, от которой разрушается вся куча, но может подолгу ничего и не происходить.

В самой природе диоксида кремния нет ничего, что могло бы определить поведение кучи песка. Можно до бесконечности применять законы физики и исследовать химический состав песчинки, но так никогда и не найти ответ на вопрос, почему куча песка разваливается. Тем не менее этот эффект кучи – прекрасный пример того, что происходит во всей природе. Кроме прочего он объясняет, почему Перроу считает катастрофы обычной характеристикой определенных систем. Названные им тесно связанные и сложные системы являются также системами самоорганизующимися. Несчастные случаи – это, если угодно, коллапсы в технологических кучах песка, коими являются ядерные реакторы и авиалайнеры. Подобные системы пребывают в состоянии потенциального и перманентного сбоя того или иного оборудования. Большинство коллапсов микроскопические, такие как

сломанный выключатель, перегоревшая лампа, треснувшая резиновая прокладка или сбой системы, который, по нашему мнению, скоро пройдет. Однако эти мелочи, точно так же как и периодические незначительные колебания земной коры в зоне повышенной сейсмической активности, напоминают о большом коллапсе, который рано или поздно произойдет.

Мелкие коллапсы происходят в куче песка постоянно. Крупные коллапсы происходят редко. Коллапсы любых масштабов происходят с неизбежностью, которую можно описать как математически универсальное отношение к степени размера. (А случае с землетрясениями эта степень составляет $3:2$. Интересно, что такое же соотношение используется для вычисления времени, необходимого, чтобы планета сделала полный оборот вокруг солнца: квадратный корень длины орбиты в кубе.) Мелкие автомобильные аварии случаются часто, автокатастрофы с участием шестидесяти машин – редко. Убийства случаются часто, серийные убийства – реже. Альпинисты падают часто, но случаи, когда девять человек падают в расщелину и трое из них погибают, встречаются гораздо реже. Подобная так называемая степенная зависимость присутствует во всей природе. Перроу писал о том же, только другими словами: крупные катастрофы представляют собой явление редкое, но вполне обычное. Поэтому даже не надо пытаться их предотвращать.

Парадокс кучи и теория нормальных катастроф убеждают нас в том, что трагедии, происходящие с космическими шаттлами, во время которых погибают все космонавты, неизбежны, но происходят они с большим временным разрывом. Гибель шаттла «Колумбия» случилась через семнадцать лет, почти день в день после взрыва шаттла «Челленджер». Подобные трагедии – неотъемлемая часть системы. НАСА проведет расследование и объяснит причины аварии, но знание причин не предотвратит следующую. Более того, модернизация мер безопасности, скорее всего, и приведет к новой катастрофе.

Большинство инженеров, с которыми я разговаривал по поводу гибели «Колумбии», высказали предположение, что причиной катастрофы стали панели на днище шаттла, которые должны были поглотить тепловую энергию во время входа в атмосферу и посадки. Дэн Канин из компании Lockheed написал мне по этому поводу большое письмо:

Для создания функциональной системы защиты от перегрева были использованы все средства современной науки и приняты все возможные предосторожности. Об этом риске знали все. Панели мягкие, и каждый космонавт знает, что если некоторые окажутся поврежденными, то шаттл сгорит. Однако шансы, что ничего не будет повреждено, высокие и, учитывая все преимущества, которые дает профессия космонавта, они готовы идти на риск. Более того, космонавты БЬЮТСЯ за то, чтобы им дали шанс полететь в космос – вероятно, так поступили бы многие из нас. Любопытно, как НАСА объяснит все это общественности, которая ожидает, что все риски должны быть максимально приближены к нулю. Посмотрим, как НАСА это сделает и объяснит, что быть смелым не означает сесть за штурвал космического корабля, инженерная конструкция которого сводит риск на нет. Да, случается разное дерьмо, но если мы ограничим себя сферой деятельности, в которой дерьмо гарантированно НЕ происходит, то мы не сможем сделать ничего интересного.

Трагедия вроде той, что случилась на пике Маунт-Худ, была запрограммирована, но никто не мог знать, где, когда, какие альпинисты упадут и с какими последствиями. Точно так же как и в случае с кучей песка, вся система подчинялась законам гравитации, сопротивления и поведения разных материалов, которые нам хорошо известны. Точно так же как песочная куча, связка альпинистов находилась в критическом состоянии на грани хаоса. Точки контакта каждого альпиниста с поверхностью горы имели очень ограниченную площадь (кошки, острие ледоруба): висящих друг над другом на одной веревке людей можно сравнить с лежащими друг на друге песчинками в куче песка, готовыми упасть от самого легкого прикосновения. Каждый шаг предоставлял новую возможность поскользнуться, что могло закончиться коллапсом какого угодно масштаба. Альпинисты скользили, но всего на несколько сантиметров, после чего снова твердо становились на ноги. Ежегодно на Маунт-Худ поднимается десять тысяч человек, а смертельные исходы происходят приблизительно раз в год. Закон степенной зависимости гласит: чем крупнее трагедия, тем реже она происходит.

Мне показалось интересным, как Перроу описывает подобные катастрофы. То, что он писал об атомных электростанциях, можно

легко применить к событиям на пике Маунт-Худ:

...Процессы происходят необыкновенно быстро, и их невозможно остановить... Восстановление изначального статус-кво не представляется возможным, последствия сбоя некоторое время распространяются быстро и непоправимо... Все происходящее характеризует то, что изменения не были сознательно заложены в систему.

Перроу описывает самоорганизующееся поведение, примеры которого мы наблюдаем в природе. Некоторые сторонники теории сложности, как, например, британский физик Стивен Вольфрам, считают его возможной причиной появления жизни на Земле.

Альпинисты были хорошо знакомы с системой и понимали ее особенности, но только в условиях, когда она функционировала во время возникновения мини-коллапсов. Хиллман упомянул, что был готов остановить падение пяти людей с высоты тридцати метров. Этот комментарий говорит о том, что он плохо представляет количество кинетической энергии, заложенной в страховочной системе. Крупномасштабные коллапсы случаются «очень быстро», и их «остановить невозможно». Их последствия «распространялись быстро и непоправимо» и не оставляли жертвам никакой возможности прийти в себя.

Менее чем через два дня после трагедии я вместе со Стивом Крузом поднялся на Маунт-Худ. Мы присели отдохнуть на камень между подъемником и расщелиной. «Все достигло критического состояния с такой скоростью, которую я еще никогда не видел», – сказал Стив. Сам того не зная, но он использовал определение, описывающее самоорганизующуюся систему.

Глава 7

Правила жизни

НА ГОРЕ МАУНТ-ХУД сосуществуют два мира. Один создан для удовольствия и выживания людей, другой – нет. В первом мире есть всё для вашего удобства. Есть подъемники, которые возносят лыжников на вершину горы. Есть уютные коттеджи. На лыжной базе «Тимберлайн» вас ждет пятизвездочный ресторан, где можно заказать пино-нуар и кростини – поджаренные на оливковом масле ломтики натертого чесноком хлеба, украшенные веточкой розмарина; там готовят белый чили – вкусное блюдо из курицы, белой фасоли и перца

чили, которое обойдется вам в шесть долларов семьдесят пять центов; десерты там делают без муки и подают с чаем Tazo. Я сидел в этом ресторане и под тихое позвякивание столовых приборов окидывал взглядом тысячи километров дикой природы с благодушием, которое не может себе позволить ни одно животное. В красивой раме окна гора выглядела совершенно безопасно. За соседним столиком болтали о проблеме налогов двое ученых – один из Лос-Аламоса, другой из Ливермора, – они весело обсуждали эту болезную тему и забавно попивали фюме-блан. А какими счастливыми выглядели на лыжной базе дети. Они брали свои сноуборды и поднимались на гору в кабине подъемника, выглядывая из нее, словно зверушки из клетки.

В этой уютной модели мира я чувствовал себя полновластным хозяином. Но в то же время я понимал, какой зыбкой была невидимая граница, проходившая между тем маленьким мирком, который был адаптирован для нас, и тем миром, к которому каждому из нас придется приспособливаться. Постепенно, шаг за шагом я менял угол зрения и наконец «откадрировал» картинку. Симпатичный коттедж уменьшился до кукольного домика, а девственная природа – необъятная и ненасытная – заполонила собой все пространство, буквально взорвав мое зрительное восприятие. Вместе с этим изменились и правила игры.

Я думал о погибших Билле Уорде, Рике Риде и Джоне Биггсе – возможно, для них мир был един и к горному склону они относились так же, как и к удобной лыжной базе. Сюда их привели успех, намерения, планы и воображение. Они заработали себе на это удовольствие. Они заслужили его как награду за все свои достижения в жизни. Биггс планировал покорить самые высокие вершины в каждом штате. Друзья считали, что Маунт-Худ всего лишь еще один пик на этом большом пути и справятся они с ним довольно быстро.

Однако пик Маунт-Худ не любит, чтобы с ним так обращались. На следующий день после трагедии я увидел брата Джона Биггса на парковке. Он искал ключи от автомобиля, чтобы отвезти семье личные вещи покойного. Он только что вернулся с опознания тела. Джон выжил во Вьетнаме, где служил боевым летчиком, потом долго работал пилотом на гражданских авиалиниях – и был убит «горой для начинающих».

Люди, создав механическую систему, сами стали ее частью. Но при этом каждый человек представляет собой автономную систему. В тот день альпинистам могли бы пригодиться, а в итоге и спасти не сложные научные теории, не темные эзотерические знания, а профессиональные навыки и жесткие правила.

Все профессионалы-спасатели, с которыми я разговаривал у пика Маунт-Худ, видели ошибки, сделанные пострадавшими. Джим Трипп, командир лыжного патруля на территории заповедника, однажды пригласил меня к себе в офис. Я нашел его среди лыжных патрульных в комнате, больше похожей на тюремную камеру с шестью кроватями, покрытыми оранжевыми, синими, желтыми и зелеными покрывалами. На полке были расставлены чучела животных, а на железных дверках ящиков для одежды красовались наклейки с логотипами разных компаний, производящих лыжное оборудование. На кончике одной из лыж я увидел наклейку с текстом: «Внимание! Установлена воздушная подушка». В комнате были медицинские шины, кислородные маски, капельницы, несколько цервикальных воротников и длинные жесткие спинодержатели. Все говорило о том, что здесь работают люди, хорошо знающие, что такое боль.

В заставленном офисе Триппа единственным источником света служила настольная лампа. Трипп был худым и долговязым. На нем были джинсовые шорты, сандалии и серая толстовка – и это в местах, где круглый год лежит снег. Положив ноги на металлический стол, он заложил руки за практически лысую голову и широко улыбался. Он напоминал стареющего серфингиста и знал о Маунт-Худе больше всех остальных. Когда я спросил его о технике остановки методом вбивания ледоруба в снег, он засмеялся: «Если мы говорим о трех метрах ненатянутой веревки, тогда еще прокатит. Если ты мастер такой техники, то, может быть, повторяю – *может быть*, все получится. Но главное правило следующее: верхний не должен падать. Если упадет тот, кто наверху, и ненатянутой веревки будет метров тридцать, – то, считай, ты отвалился. Эту гору люди всерьез не воспринимают. Даже тучные, и то на нее поднимаются».

Опыт может помочь вам, может предать вас. Билл Уорд, занимавшийся альпинизмом почти пять лет, выдернул изо льда ледоруб – и погиб.

Питер Лешак – пожарный, занимающийся тушением лесных пожаров, и талантливый писатель. В книге *Ghosts of the Fireground* («Призраки пожарищ») он рассказывает о том, как долго ждал пожара:

Наверное, я получил слишком хорошую подготовку. Я оказался жертвой привычного умонастроения всех работников противопожарной службы, которые «рвутся в бой». Члены бригады все время живут в ожидании пожаров... и подвохов. Наш инструктор вбил нам в голову следующее правило: «Не уверен – не делай».

Далее он говорит о приемлемом уровне потенциально опасного поведения – то, что ученые называют «гомеостазом риска». Согласно этой теории люди готовы идти на определенную степень риска. Только у каждого человека своя степень риска, и любой из нас готов рисковать приблизительно на одном и том же уровне. Если мы считаем, что уровень опасного поведения низкий, можно быть похрабрее. Если ситуация более опасная, то мы стараемся рисковать меньше. Эта теория подтверждается буквально на каждом шагу. После того как на машинах появилась антиблокировочная система, все ожидали, что уменьшится количество аварий. Напротив, их стало больше. Водители, решив, что машины, на которых стоит антиблокировочная система, теперь намного безопаснее, стали водить более агрессивно. После появления радаров на торговом флоте все считали, что количество столкновений судов уменьшится. Этого тоже не произошло. Радары позволили капитанам увеличить скорость. Так что технические инновации в области безопасности могут иметь противоположный эффект.

Лешак писал о своем опыте человека, который постоянно ходит на краю гибели:

Мы нормализовали риски... У нас уже была подобная ситуация, и все закончилось хорошо... Если у тебя было много опыта в опасных и сомнительных ситуациях и не произошло никаких неприятностей, то мозг, идущий путем наименьшего сопротивления, начинает считать, что все это результат твоего умения и находчивости.

Именно такой настрой убивает опытных альпинистов, лыжников, спелеологов и многих других профессионалов и любителей, ведущих экстремальный образ жизни. Гераклит говорил: «На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз – другие воды». Каждый раз, когда человек поднимается на Маунт-Худ, это другая гора.

Там всегда граничные условия, промежуточная область, состояние перемен. Если альпинист не досконально знаком со всеми тонкостями характера горы, она жестоко посмеется над всеми его вдумчивыми планами. Опыт – всего лишь двигатель, стимулирующий вашу адаптивную систему, поэтому всегда стоит задаваться вопросом: «К чему я должен приспособиться?» Необходимо понимать, поможет ли вам накопленный опыт выжить в определенных условиях. А когда условия и окружающая среда меняются, стоит иметь в виду, что ваши навыки могут не соответствовать моменту.

Альпинисты имеют возможность регулярно знакомиться с материалами ежегодных отчетов «Несчастные случаи в североамериканском альпинизме» (Accidents in North American Mountaineering, ANAM), которые выходят под редакцией Джеда Уильямсона. Он проанализировал трагедии, наподобие той, которая произошла на Маунт-Худе, и выделил три общих фактора, присущих большинству несчастных случаев в горах: «1) во время спуска; 2) связка; 3) отсутствие фиксированной страховки – не закрепленная крюками страховка – одна из первостепенных причин многочисленных травм, получаемых во время падения».

Заголовки ежедневной газеты The Oregonian, выходящей в Портленде, могут сколько угодно кричать о «непредсказуемом несчастном случае». Все не так. Подобные трагедии происходят довольно часто в самых разных горных массивах.

Один из самых опытных альпинистов, побывавших на пике Маунт-Худ, однажды сказал: «Страховка, не закрепленная крюком, – это договор о совместном самоубийстве».

ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ часть разных систем, которые Чарльз Перроу называет «человек-машина». Например, как только человек начинает сплавляться по реке, ему потребуется много самодисциплины. В случае когда события начинают развиваться довольно быстро, он должен решиться на то, чтобы остановиться, покинуть плот и перетащить его волоком. Вспомните попавших под лавину канадских водителей снегоходов. В реальной ситуации они должны были остаться на месте, и это означало для них единственное условие безопасности; но с точки зрения их эмоционального представления об окружающей обстановке им хотелось ехать на быстрой скорости.

Такая же история произошла с альпинистами, спускавшимися с вершины Маунт-Худа. Во время спуска они сталкиваются с тремя основными сложностями: собственным отношением, ощущением цели и внутренним напряжением. Оказавшись на вершине, альпинисты отметили, как это делают все, свое удачное восхождение. Слаттер вспоминает: «Было такое прекрасное утро. Мы наслаждались каждой секундой и все полчаса, что стояли на вершине, шутили». Вот снова появляются и смех, и шутки – это свидетельствует, что эмоциональная реакция достигла кульминации и начинает идти на убыль.

Однако суть в том, что альпинисты, взойдя на вершину, только наполовину выполнили свою задачу. Они начали праздновать, но им еще только предстояло совершить самую сложную часть маршрута. Альпинисты – не единственные спортсмены, которые поступают подобным образом. Человек по своей природе расслабляется после того, как, по его мнению, достигает цели. Доехав на снегоходах до подъемника на вершине горы, они были готовы к бою, возбуждены и, скорее всего, взволнованны. Прилив адреналина способствовал активному действию. До достижения цели энергетика альпинистов шла по нарастающей. Пока они пять часов шли до вершины, их тела сожгли запас глюкозы и все биохимические элементы возбуждения. Альпинистам казалось, что дело сделано. Они не думали об этом, они это чувствовали. Смех и торжество помогли им расслабиться еще больше. После отдыха запас внутренней энергии снизился, как всегда бывает после любого всплеска активности. Во время достижения цели альпинисты находились в крайне собранном состоянии. После выхода на вершину концентрация внимания была потеряна.

Во время спуска напряжение усилилось. Большинство альпинистов доходят до вершины усталыми, обезвоженными, иногда замерзшими; у них развивается кислородное голодание, нарастает усталость, падает содержание глюкозы в крови. Даже одного из вышеперечисленных факторов было бы достаточно, чтобы сильно повлиять на физическое и моральное состояние. Все они в совокупности приводят к тому, что альпинисты могут стать неловкими и невнимательными. Шансы появления несчастных случаев резко увеличиваются. Под воздействием этих факторов альпинисты могут, например, принять решение спускаться без закрепленной крюками

страховки. Мускулы устают, движения теряют четкость, и шансы поскользнуться возрастают.

Однако самым отрицательным фактором остается стресс. (На самом деле правильнее употреблять слово *напряжение*; термин «стресс» был введен в научный обиход – на наш взгляд, ошибочно – канадским физиологом Гансом Селье в 1930–1940-е годы.) Итак, напряжения, возникающего во время занятий спортом и активным отдыхом на лоне дикой природы, вполне достаточно для создания условий, чтобы произошел несчастный случай.

Наконец, не будем забывать, что с технической точки зрения спуск сложнее подъема. Во время подъема сначала ставится нога, а потом перемещается вес тела. При спуске все ровно наоборот, отчего теряется стабильность. Спуск, точно так же как и ходьба, – это контролируемое падение.

Даже если у альпиниста абсолютно чистая и светлая голова, нет никакой гарантии, что покорение и спуск с горы пройдут успешно. Люди зачастую не осознают: если не происходит никакого несчастного случая, то это еще не означает, что в принципе его не может произойти. В своей книге *The Limits of Safety* («Границы безопасности») Скотт Саган замечает: «...то, что никогда не происходило, происходит постоянно». У Перроу есть такая фраза: «Смерть – совершенно нормальное явление, вопрос лишь в том, что умираем мы только один раз», – что, конечно, не очень приятно, так как смерть могла бы стать лучшим учителем.

АЛЬПИНИСТЫ СМОТРЕЛИ С ВЕРШИНЫ на лыжью базу «Тимберлайн». Они понимали, что до уютной жизни им предстоит добираться довольно долго, а там, внизу – *пино-нуар... кростини...* Радость достижения вершины угасала. В их уме появились новые картинки. Они уже видели место, в котором могут отдохнуть в полной безопасности. Чтобы попасть туда, надо было как можно быстрее пройти по хребту. Страховать друг друга крюками нудно, утомительно и долго. Они уже устали и потратили много времени. Мозг быстро прокрутил варианты возможных действий, нашел эмоциональные пометы, одна из которых напомнила, что для достижения безопасности, комфорта и отдыха надо всего лишь начать ставить одну ногу впереди другой. Другая помета подсказала, что закрепление

страховки связано с продолжительным голодом, жаждой, болью и усталостью.

Организму не очень понравился второй вариант. У альпинистов не было эмоциональной карты, фиксирующей падение с большой высоты и удары тела о скалу. Альпинисты успешно отработали прием остановки методом падения на снег, и это обернулось против них, поскольку придавало им уверенности, что метод сработает. Однако альпинисты тренировались в условиях низкой концентрации кинетической энергии в страховочной системе, поэтому веревки вели себя предсказуемо. Они не пытались остановить то, что по весу приближается к грузовому автомобилю. Никто из них не тренировался в остановке падения со сломанным тазом или вывихнутым плечом.

В подсознании альпинисты задавали себе вопрос: «А делал ли я это раньше? Я шел в связке, опираясь на ледоруб, добрался, наконец, до подножия... *О, этот горячий душ...* Ну да ладно, главное, чтобы страховка была натянута...»

Решение было принято, и появилась новая когнитивная модель. В ней главным предположением было, что кто-то упадет. Поэтому ведущей идеей стала уверенность, что система выдержит падение. Эта идея бессознательно повлияла на восприятие мира. Потом все занялись соединением частей страховочной системы: вязали узлы, проверяли крепежи. Этот знакомый ритуал заменил альпинистам тщательный анализ модели, которую они себе создали.

Слаттер вспоминает: «Мы еще раз напомнили друг другу о необходимости иметь две точки опоры на склоне. Мы уже обсуждали это за день до восхождения. Всегда надо иметь контакт с обеими кошками или кошкой и острием ледоруба». Даже обсуждение вопроса снижения риска увеличило уверенность в порочной системе страховки.

Альпинисты не осознавали, что их модель мира устарела, и деталь за деталью собирали все необходимые элементы будущей трагедии. Этот процесс начался задолго до их появления на вершине горы. Их подвел даже прошлый опыт. Слаттер говорил: «Во время моих восхождений я неоднократно бросался на снег, чтобы остановить падение. Я знал, что можно съехать вниз на три метра, не больше».

Они предпринимали знакомые меры безопасности, которые были эффективны при низких уровнях кинетической энергии. Их

совершенно не смутило опасное состояние снега и льда.

Позднее Слаттер признался: «Я искренне верю, что состояние льда не предоставило нам возможности остановить падение». Тем не менее заранее он не смог оценить силы, с которыми столкнется. «Я принял положение на льду до того, как ощутил рывок веревки. Я лежал и думал: “Не волнуйся, тебя оттащит вниз на три метра”. Потом я увидел, как острие ледоруба рвет лед на куски. Я съехал с горы на груди, и она превратилась в сплошной синяк. Когда я пришел в себя, то все еще держал ледоруб в руке».

Эл Сиберт пишет, что выжившие (к которым причисляют и тех, с кем не происходит несчастных случаев):

...не переключаются существующих схем на новую информацию, создают новые когнитивные модели... Самые высокие шансы выжить имеет тот, кто наилучшим образом находит решение ситуации. Чаще всего такие люди имеют наилучшее представление или картину того, что происходит в окружающем их мире.

Каждый из нас в той или иной степени видит не реальный мир, но постоянно изменяющееся состояние самого себя в постоянно меняющемся воображаемом представлении о мире. Мы живем в условиях постоянной интерпретации воспоминаний и информации о мире, получаемой через органы чувств. Блоки воспоминаний в любой момент могут активировать нейронную сеть и превратить постоянно меняющуюся, как в калейдоскопе, энергию в то, что мы примем за реальность. Это часть адаптации, которая помогает выживанию индивида и всего вида.

В ИЮНЕ 1992 ГОДА Национальная школа по руководству отдыхом на природе (National Outdoor Leadership School, NOLS) вместе с другими дружественными организациями: Американским клубом альпинистов (American Alpine Club) и «Готов в путь» (Outward Bound) – организовала ежегодную конференцию по управлению рисками отдыха на дикой природе, которая была проведена в Конуэе (штат Вашингтон). Участники обсуждали несчастные случаи и методологию, которая могла бы оказаться полезной для предотвращения подобных трагедий в будущем. Все пришли к выводу, что аварии на природе происходят по определенному шаблону. Специалисты, занимающиеся исследованием подобных трагедий, с которыми я разговаривал, выразили сожаление по поводу того, что

несчастные случаи снова и снова повторяются, словно по единому сценарию.

Организация NOLS подготовила документ «Потенциальные причины несчастных случаев во время отдыха и спортивных занятий на природе». Директор отделения организации «Готов в путь» в Северной Каролине Дэн Мейер опубликовал этот документ в 1979 году в журнале «Экспериментальное образование» (Journal of Experiential Education). Джед Уильямсон его доработал. Причины несчастных случаев разделены по следующим категориям: условия, действия и суждения, из которых в совокупности и складывается тот или иной инцидент.

Легко проследить, как эти категории связаны с трагедией на пике Маунт-Худ. «Действия» описывают потенциальные силы, которые в состоянии привести к трагедии, в данном случае оттого, что альпинист поскользнулся на крутом и обледеневшем склоне. «Суждения» заключались в том, что альпинисты верили в возможность остановить падение, – это можно характеризовать как «излишняя самоуверенность» или «преувеличение собственных возможностей». В других несчастных случаях «условиями» становятся, например, падающие камни, быстрый поток воды или погодные условия.

Подобная информация кажется слишком очевидной и потому вряд ли станет полезной. В конечном счете никому не нужны документы, чтобы понимать простую вещь: если ты плывешь на каяке в горной реке, то течение будет быстрым, а вода холодной. Но как пишет пожарный Питер Лешак: «В пылу сражения самые простые концепции улетучиваются, как дым, и вылетают из головы». В критический момент альпинисты забыли, что фиксированная страховка более безопасна, и поторопились с возвращением на базу. Вторичные эмоции, эмоциональные пометы и когнитивные модели сослужили им плохую службу, вселили излишнюю уверенность, а душевное напряжение заглушило голос разума, предупреждающий об изменении в окружающей среде.

Тот, кто умеет выживать, будет внимательно прислушиваться к голосу интуиции: «Здесь небезопасно. Почему?» К сожалению, большинство людей не настолько чувствительны и не замечают, что происходит внутри нас самих. Мы не обладаем тем, что психологи

называют метазнанием, – способностью оценить качество собственного знания.

Мы исходим из того, что восприятие и разум показывают нам реальный мир без искажений. Однако еще Платон предположил, а современная нейробиология доказала, что мы живем в искаженном мире, не всегда отражающем существующую реальность. Никто из альпинистов не сказал: «Нужна фиксированная страховка! Слушай внутренний голос!»

Люди плохо учатся на ошибках. Я разговаривал с человеком, который поехал на рафтинг в Боливию, одетый в джинсы, майку и офисные ботинки; в итоге он потерялся на три недели в джунглях. Однако он уверял, что «у него было все что нужно, за исключением мачете». СМИ много говорили о трагедии на пике Маунт-Худ, но, несмотря на это, десятки людей, группа за группой, продолжали подниматься и спускаться в связках без фиксированной страховки. Пока вы читаете эти строки, на какой-нибудь горе происходит трагический инцидент.

Не воспринимайте это так, будто я выступаю против альпинизма или только за использование фиксированной страховки. Идти в связке – очень ответственное решение. Я всю жизнь принимал серьезные решения, когда летал на самолетах над Аляской или ездил на мотоцикле по мексиканским пустыням. В культуре альпинистов веревка – не самое простое средство страховки. Это символ твоих обязательств перед партнером. Биггс, партнер Хиллмана, погиб. Хиллман задал себе жесткий вопрос: отрезал бы он соединяющую их веревку? И дал на него четкий ответ: «Нет. Он был моим другом и членом группы, поэтому такого вопроса даже не стояло».

В документе «Потенциальные причины несчастных случаев во время отдыха и спортивных занятий на природе» есть раздел под названием «Небезопасные действия», который в редакции Уильямсона назван «Неправильные процедуры». Эта информация тоже может показаться не новой. Но не будем забывать обстоятельства. Если человек голоден, ему холодно, он устал и единственное, о чем он думает, – это горячий душ и холодное пиво, у него может возникнуть соблазн *добраться до цели как можно скорее*.

В огромном количестве отчетов о трагедиях встречаются похожие строки вроде таких: «Двое альпинистов для экономии времени решили

пройти соло [то есть без фиксированной страховки] первые легкие пять с половиной питчей»; «Группа очень торопилась спуститься, потому что потратила слишком много времени на восхождение»; «Они решили срезать». Последнее – просто классика.

В «Суждениях» приведен список причин, относящихся к возникновению трагедии: давление группы, требования графика, неверные восприятие и оценка ситуации, игнорирование собственной интуиции. Все они соответствуют действительности.

Многие из перечисленных факторов сыграли свою роль в трагедии на пике Маунт-Худ. Вполне могло быть давление членов группы. Даже если у кого-то возникли сомнения, если внутренний голос ему подсказывал об опасности, то все равно в подобных ситуациях превалирует общее мнение. Вторые пилоты редко выступают против мнения летчика. Моряки никогда не оспаривают мнения капитана корабля. Альпинисты-любители не готовы спорить с опытными альпинистами. Во время сложной операции ассистент слова не скажет оперирующему хирургу. В минуту опасности полицейский не станет спорить с коллегой. Понятно, почему никто из группы не признался, что имеет другое мнение, – группа в целом не хотела растягивать время спуска и идти с фиксированной страховкой. Каждый подумал о том, что позже, в баре, над ним станут смеяться: «Представляешь, Рик заставил нас идти с фиксированной страховкой через всю гору! *Длилось это целую вечность!*»

Я согласен с Перроу, который писал: «Когда я обсуждаю проблему создания ожидаемого мира... то тем самым ставлю под сомнение те легковесные объяснения, которые всё сваливают на нашу глупость, невнимательность, рискованное поведение и отсутствие опыта». Перроу выдвигает просто пугающую идею, что на самом деле люди очень ответственно относятся к своим обязанностям и пытаются работать как можно лучше. В конце концов, никто из нас не засыпает за рулем. Мы стараемся изо всех сил... но катастрофы все равно происходят. И это совершенно обычная ситуация.

Человеку, особенно когда он находится в возбужденном или подавленном состоянии, легко не замечать очевидных вещей. Бхопальская катастрофа в Индии, трагедия шаттла «Челленджер», взрыв на Чернобыльской АЭС, несчетное количество авиакатастроф частично случились по той же причине, по которой пилоты на

авиационном тренажере, игнорируя прямые сигналы, пытались совершить посадку на то место, где уже стоял другой самолет. Вот только все перечисленные катастрофы происходили не на моделях, а в реальной жизни. Организация NOLS попыталась применить к несчастным случаям на природе аналитический инструментарий, известный науке уже более ста лет.

Я имею в виду концепцию, предложенную Карлом фон Клаузевицем в трактате «О войне», вышедшем посмертно в 1833 году. Этот текст изучают в военных академиях по всему миру, и он по сей день остается классическим справочным материалом для офицерского состава. Клаузевиц пишет о «бесконечных мелких событиях», которые «стремятся уменьшить эффективность, отчего вы никогда не достигаете своей цели. Эти сложности происходят снова и снова и приводят к появлению трений». Он говорит об идеальных качествах полководцев, которые должны приносить пользу на полях сражений своим армиям – армиям, у которых много общего с группами людей, так или иначе проводящих время в условиях дикой природы.

Клаузевиц писал: «Военная машина – армия и всё, что к ней относится, – в основе своей чрезвычайно проста, и потому кажется, что ею легко управлять». Тем не менее некоторые простые системы в состоянии вести себя очень сложным образом:

...Вспомним, что ни одна из ее частей не сделана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. <...> Батальон не перестает состоять из людей; при случае каждый из них, даже самый ничтожный, может вызвать задержку или иное нарушение порядка. <...> Это ужасное трение... всюду приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которых заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны. <...> Знакомство с этим трением – значительная доля прославленного военного опыта, который требуется от хорошего генерала. <...> Но знание трения генералу безусловно необходимо, чтобы, где можно, его преодолевать и не ждать точности действий там, где из-за трения ее не может быть.

(«О войне», глава VII «Трение на войне»[\[29\]](#))

Когда моей старшей дочери Елене было шесть лет, мы с ней решили написать книгу «Правила жизни». Первое правило должно было звучать: «Будь здесь и сейчас». Это отличное правило для

выживания. Оно означает, что надо всегда быть внимательным и постоянно «обновлять» свою когнитивную модель. Второе правило мы сформулировали так: «На все уходит в восемь раз больше времени, чем мы предполагаем». Вот это и есть правило трения, которое стоит запомнить всем тем, кто хочет выжить в условиях дикой природы.

Некоторые люди создают план, чтобы потом поклоняться этому воспоминанию о возможном будущем. Некоторые считают, что, прикладывая все больше и больше сил, можно преодолеть трение. В трагедии на пике Маунт-Худ имело место и то и другое. На вершине собралось слишком много людей, словно там намеревались разместить целый батальон. Движение и коммуникация были осложнены. После изменения обстановки отдельные группы людей не сумели все вместе обсудить свои действия и изменить первоначальные планы. У каждого существовали собственные трения. Трения были и внутри групп. В конечном счете участники связали себя веревками, чтобы одновременно выйти без фиксированной страховки на тающий лед.

Никто не захотел принять трение как часть жизни. Все стремились свои трения пересилить. И, как показывает эта история, чем больше мы стараемся и чем больше усложняем планы по уменьшению трения, тем хуже все заканчивается.

Если сейчас количество людей, занимающихся отдыхом и спортом на природе, увеличивается, а количество обычных несчастных случаев неизменно, то и частота их появления останется неизменной. Можно ли избежать катастроф? Видимо. Только надо признать реальность и в ней жить. Надо быть здесь и сейчас. В планировании исходить из того, что на все потребуется в восемь раз больше времени, чем мы предполагаем. Это поможет адаптироваться к реальным условиям и выживать на рубеже жизни и смерти – на тех пограничных территориях, в тех опасных зонах, которые мы пытаемся покорить в погоне за удовольствиями.

Кажущийся самым элементарным несчастный случай на самом деле сложен, потому что в нем задействован мозг человека. Простейшая система может вести себя крайне непредсказуемым образом, что было продемонстрировано на спуске с пика Маунт-Худ или при любом несчастном случае, связанном со сплавами по рекам. Взаимоотношение людей с рекой сложно просчитать даже с помощью

высшей математики. Когда встречаются нелинейные физические и эмоциональные системы, результаты могут оказаться плачевными.

Летом 1997 года Кен Финни отправился в поход на байдарке по реке Чаттуга на границе Джорджии и Южной Каролины. Финни не считал себя искушенным байдарочником, но с ним были опытные приятели, помогавшие ему во всем. В отчете о смерти написано:

Руководитель группы провел людей через правую теснину и пристал к берегу. Кен с другом вытащили лодки на правый берег, а сами, несмотря на самые серьезные предупреждения руководителя группы, поплыли через реку на левый берег, чтобы исследовать его. Дно реки каменистое, и в прошлом здесь утонуло несколько человек. Финни не смог переплыть поток, его смыло течением в левую теснину ногами вперед и затянуло под воду, где он и утонул на глубине около метра. Спасательные команды несколько дней вытаскивали его тело, в результате чего его порвали на куски... Левая теснина – очень опасное место, и жертву предупреждали.

Альпинистов на пике Маунт-Худ подвело не отсутствие опыта, а его наличие. Они думали, что знают всё о скалолазании, и верили в страховочную систему, которой часто пользовались. Но эта система, так же как куча песка, могла долгое время быть стабильной, а потом резко изменить свое поведение. Для этого требовался, по словам Глейка, «пинок со стороны». В данном случае пинком послужило падение Уорда, но им могло быть все что угодно, когда угодно и где угодно. Несмотря на то что крупномасштабные коллапсы неизбежны, участие в них тех или иных альпинистов совершенно случайно. Любой из группы мог до падения Уорда «разобрать» страховочную систему, развязать узел страховки и начать использовать фиксированный крюк. Подобные несчастные случаи должны происходить. Только лучше, чтобы не с вами и не со мной.

Глава 8

Зоны опасности

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, находясь в Чикаго, я сел на самолет United Airlines и отправился на Гавайи, на остров Кауаи. Когда я прилетел на место и шел к такси, какая-то симпатичная женщина надела мне на шею венок из цветов. Я остановился в отеле «Холидэй Инн», сразу натянул плавки и отправился на пляж Лидгейт, находившийся под моими окнами. Мне хотелось смыть с себя

самолетную вонь в высоких волнах, которые я заметил перед самой посадкой. Я шел по пляжу, загребая песок резиновыми шлепанцами, и всматривался в ряды огромных волн с белыми пенными шапками, выкатывающимися из синих глубин океана. Мне не терпелось броситься в воду. Я прошел под пятой вышкой, и дежуривший на ней спасатель крикнул мне: «Привет!» Я подумал: «Какие здесь все дружелюбные». Я его поприветствовал и из вежливости спросил, как водичка.

«Ну...» – протянул спасатель очень содержательно, погладил бородку имени Чехова и поглядел на прибор так, словно видит его впервые. Это был рыжеволосый парень, худой и веснушчатый, с морщинами жизненного опыта на лице. Он спустился с вышки и тоже стал вглядываться в океан. Потом спросил, как меня зовут. Я ответил. Он пожал мне руку и представился: «Майк Кроудер». Потом снова повернулся в сторону океана и уставился на него отсутствующим взглядом. Я стал подозревать, что он совсем обкуренный. Говорят, местная гавайская травка обалденная.

«Ладно...» – произнес Майк, будто пришел к какому-то решению. Только тогда я понял, что он «читал» волны, вглядывался в их ряды и изучал прибор. «Видишь спокойную воду? Я думаю, там тебе и надо плавать, и все будет нормально. Но если отплывешь дальше, ну... на десять метров от берега, тебя снесет в океан... течением...» Он вытянул руку влево: «Туда...» Потом показал на грядку камней, о которую неистово бились волны. Эта гряда должна была (как я предполагал) защитить от волн заводь для детей, «лягушатник». Там я увидел смеющихся людей, игравших с детьми. Кроудер показал рукой дальше: «Потом течение занесет тебя в ту заводь... – он говорил спокойно-спокойно, словно объясняя, как проехать до ближайшей гостиницы. – А потом притащит сюда, где и забьет до смерти об эти камни. Так что я скажу тебе оставаться в защищенном месте и не отплывать дальше десяти метров от берега. В белую воду вообще не заплывай. Если большие волны не придут, все будет в порядке».

Я подумал: «Ого! Этот парень знает, о чем говорит!» И потом понял, что, не будь его, я бросился бы в воду и поплыл к большим счастливым волнам. Они выглядели такими манящими. Промелькнули странные мысли: «Как все-таки легко умереть. Меня бы никто никогда не увидел. Я уехал из своего безопасного дома, благополучно пролетел

на самолете... и вот – спокойно мог бы стать кормом для рыб. Я совершенно не разобрался в этой пищевой цепочке. Чистая случайность, что столкнулся с Кроудером». Через несколько дней я нырял с маской. Потом на байдарке отправился с гидом на уединенный пляж, и она рассказала мне то же самое: течение унесет меня от песчаного пляжа, а скалы не дадут вылезти на берег. Следующее место, где можно выбраться на берег, находится в девяти километрах. Гид сказала: «Все будет в порядке, если ты сможешь проплыть девять километров». И я подумал: «Ничего себе! Рай, оказывается, совсем не такой, каким я его себе представлял». Совсем как в этих строках:

Небо и Земля не проявляют человеколюбия, и потому мириады вещей живут, как трава и собаки.

(Дао дэ цзин, § 5)

Ученый Чак Блей, исследуя смертельные случаи на воде на Гавайских островах, приходит к выводу, что усилия доброжелателей, вроде моего нового приятеля Майка Кроудера, не сильно влияют на уровень смертельных случаев в океане. Количество утонувших оказывается прямо пропорциональным количеству туристов, посещающих острова, то есть гибель на воде представляет собой нормальное явление. Блей исследовал массу случаев утопления. Оказалось, что туристы составили семьдесят пять процентов утонувших, а белые мужчины в возрасте от сорока до шестидесяти лет – девяносто процентов. Блей говорит мне, что сценарий развития событий практически один и тот же:

Человек приезжает на Гавайи. Океан прекрасен, кругом все синее – небо, вода, – и человек в нее заходит.

Как будто обо мне говорит!

Вода теплая и приятная, просто благодать. Человек даже не задумывается, что он на острове, в самом сердце океана, что до ближайшей земли три тысячи километров. И что волны ничто не останавливает.

Я уже знаю, что если отплыть немного от рифа, то до дна будет шесть километров. У волны, так же как у корабля, основная масса тяжести расположена ниже ватерлинии.

И приходят эти волны из открытого глубокого океана. Их ничто не останавливает до того, как они разбиваются об эти скалы.

Блей рассказывает, а я ярко представляю, как все могло бы быть, если...

Я захожу в океан прямо напротив пятой вышки, отплываю чуть дальше, чем хотел, и пытаюсь вернуться на берег. Но против течения плыть не получается. Миндалевидное тело чувствует опасность, я начинаю нервничать, плыву изо всех сил и, соответственно, быстро устаю. Я наглотался морской воды – она соленая, теплая, и от нее меня мутит. Я хриплю, у меня начинается рвота, потом глотаю еще воды, но уже больше. Чувствую, что отяжелеваю. Я еще жив, и меня несет вокруг острова. Если я попытаюсь забраться на скалы, волна разобьет меня о камни.

Скалы состоят из кусков лавы с острыми краями, а волны огромные. Человека, который попытается вылезти на скалы, может убить всего одной волной. Здесь практически не находят тех, кто пропал, – даже их останки. В этих местах водятся тигровые акулы, и эти хищники доедают фарш, который остается от пловцов, после того так их перемелет об острое вулканическое стекло.

Блей рассказывает об одной скале, где туристы любят фотографироваться из-за красивого вида. Волны так живописно разбиваются о камни, а когда «человек отрывает взгляд от фотоаппарата, поднимает глаза, то его жены уже нет, – и никто никогда ее больше не увидит».

Главная опасность дикой природы в том, что мы не понимаем, с какими силами связываемся. Мы не понимаем мощи природы, поскольку ничего о ней не знаем. Это напоминает случай с Уильямом Хаскиссоном – первым человеком, раздавленным колесами поезда, – который не понимал ни что такое скорость, ни что такое расстояние. Даже если нам рассказывают о природных силах, если мы читаем об этом или смотрим научно-популярный фильм – мы все равно воспринимаем всю информацию исключительно на интеллектуальном уровне. Но этого недостаточно для практического знания, потому что поведением управляют эмоции.

Окружающая среда, в которой мы живем, заботится о нас. Наша жизнь напоминает жизнь аквариумных рыбок: непонятным образом еда падает на голову, а пузырьки воздуха поднимаются вверх. Мы домашние животные в человеческом зоопарке под названием «цивилизация». Когда человек выходит из своего уютного мира, то

попадает в самое проигрышное положение среди всех живых существ. Природа принимает у нас экзамен. Большинство людей этого не осознают и не понимают, с чем они столкнулись. Опыт жизни на природе чаще всего оказывается обманчивым, так как довольно быстро мы начинаем считать, что возмужали и закалились, то есть «видали, знаем...». Американский писатель и альпинист Джон Кракауэр в книге «В разреженном воздухе»^[30] (Into Thin Air) писал о проводнике по имени Скотт Фишер, уговаривавшем его предпринять восхождение на Эверест. Он заявил Кракауэру: «Я все понял про гору. У меня всё под контролем». Во время восхождения Фишер погиб. Учитель Марка Аврелия греческий философ-стоик Эпиктет писал: «Храни молчание, ибо тебя может вырвать тем, что ты не смог переварить».

Пол Фасселл в книге Wartime («Военное время») описывает стадии роста солдата: от зеленого новобранца до опытного ветерана. Сначала солдат думает: «Со мной не *может* такого случиться». Потом он участвует в боях и понимает: «Это *может* со мной произойти, поэтому надо быть осторожнее». Он уже видел достаточное количество смертей своих друзей и осознает: «Это *должно* со мной случиться. Не случится, если только меня здесь не будет». Всё верно. Сделаем скидку лишь на то, что даже самые дикие джунгли – не арена военных действий.

Нет ничего нового в том, что человек не любит новой информации и, как правило, избегает ее. Каролин Девад, специалист по античной истории, писала о трудах Геродота:

Герои его историй плохо заканчивают, потому что не придают значения событиям в мире, которым суждено расстроить их планы... Иногда они совершают ошибки, которых могли бы избежать, если элементарно выяснили бы ситуацию... Персидский царь Камбис во время войны против эфиопов отправляет армию в безумный марш через пустыню, не имея ни малейшего представления о местности.

За два дня до моего прибытия на Гавайи две девушки-туристки в возрасте двадцати одного года отправились в короткий дневной поход в парк «Священный водопад» на острове Оаху, расположенном южнее Кауаи. Дело было в середине августа, погода стояла ясная и нежаркая. Девушки оставили свои велосипеды на парковке в торговом центре. С собой они взяли три бутылки воды и немного еды; вернуться они

собирались до темноты. Когда через десять дней я улетаю, на остров прилетели их родители. Девушек так и не нашли.

Приблизительно в том же районе за 1994–1995 годы исчезли трое туристов – их тела не были обнаружены. В поисках принимали участие сто пятьдесят человек, трое из них тоже бесследно исчезли. Люди иногда пропадают. Хочется знать, что с ними произошло, но нет никакой возможности. Подобная ситуация напоминает мне историю, рассказанную Майклом Герром в его знаменитой книге о войне во Вьетнаме *Dispatches* («Репортажи»). Человек из разведки рассказал ему следующее: «Патруль ушел в горы. Назад вернулся один человек, который умер, не успев сказать, что произошло». Далее Герр пишет: «Когда я спросил разведчика, что же произошло, он посмотрел на меня с таким сожалением, словно я последний идиот, на которого нет смысла тратить свое время».

Довольно часто человек совершенно не умеет оценивать ни масштаба территории, ни длины своего маршрута, не думая о том, как ему придется расходовать свои физические силы, особенно если он заблудится. Все мы, когда отправляемся в путешествие, немного напоминаем персидского царя Камбиса, «не имевшего ни малейшего представления о местности». Но достоверная информация о месте – это только половина дела. Есть еще такое понятие, как «силы природы», в которые мы совершенно не верим, поскольку ничего о них не знаем – ведь в своей повседневной жизни мы с ними практически не сталкиваемся. Однако в поисках развлечений мы почему-то чаще всего останавливаем свой выбор именно на дикой природе, с ее необузданной стихийной мощью. Если наш повседневный опыт настолько легковесен и неполноценен, то мы и есть, видимо, те, о ком писал Джордж Оруэлл:

Непонятливость спасает их от безумия. Они глотают все подряд, и то, что они глотают, не причиняет им вреда, не оставляет осадка, подобно тому как кукурузное зерно проходит непереваренным через кишечник птицы.

(«1984», часть 2, глава V[31])

Когда я был маленьким, наша семья проводила лето на пляжах Галвестона – города в Техасе. Вместе с братьями я прыгал на волнах, похожих на те, которые я увидел на острове Кауаи. С детства я привык, что волны совершенно безопасны и купаться в них очень приятно. Но

ведь и Мексиканский залив – не открытый океан на Гавайях. Я знал радости пляжей Мексиканского залива, но не понимал опасности Кауаи. Заплыв в море, прогулка в лесу или поездка на лодке по реке не кажутся опасными. Человек идет медленно, шаг за шагом; любит орхидеями, слушает пение птиц, ему и в голову не придет, что в этих местах можно *вдруг... навсегда... исчезнуть*. Это просто невообразимо. Наш ум отказывается это воспринимать.

Чак Блей попытался обрисовать мне, что, скорее всего, происходит с исчезнувшими туристами. Скалы в этих местах могут достигать высоты более тысячи метров. У подножия гор расположены города. Внутренняя территория островов за пределами пляжей представляет собой джунгли с растительностью из трех уровней. Карт этой вулканической местности с бурной растительностью не существует. В джунглях человек не видит солнца. Теряет направление. Тропинки могут выводить к болотам или непроходимым зарослям. Горы покрыты толстым слоем перегноя, из которого формируются карнизы с растущими на них растениями, свисающими над пропастью. Человек в джунглях может услышать шум прибоя и пойти на звук, думая, что сейчас выйдет на пляж, а попадает на такой «мягкий» карниз, хотя будет считать, что под ним твердая скала. В том месте, где карниз наиболее тонкий, человек под тяжестью своего веса проваливается и падает на тысячу метров вниз в воду. Мгновенная смерть, после чего волны разбивают тело об острые вулканические скалы. Рыбы доедают то, что от него осталось. Сложно представить себе такое развитие сценария, когда ты – наконец-то – выбрался в отпуск или на каникулы и, собираясь немного погулять по парку, оставляешь свой велосипед на парковке в торговом центре.

Я БРАЛ УРОКИ ПО СКАЛОЛАЗАНИЮ, и мой инструктор советовала мне не доверять ни одному камню, даже усеянному кристаллами гранита, из которого были сделаны остроконечные горы Черных холмов Южной Дакоты. Она рассказала мне о своих друзьях, семейной паре, проводившей время в Альпах. В тот день они спускались по веревке, державшейся на огромной гранитной глыбе на горе Маттерхорн. Несколько поколений альпинистов крепили страховку и веревки к этой глыбе. Пара закрепила веревку, чтобы спуститься вниз. Потом они позволили двум другим альпинистам спуститься по этой веревке, потому что те очень торопились. Потом

муж стал спускаться. Жена увидела, что глыба начинает двигаться. Инстинктивно она протянула руку и дотронулась до пальцев мужа. Глыба зависла в воздухе, словно облако. Потом она перевалилась через край скалы и накрыла мужа альпинистки, которая стала вдовой и навсегда изменила представление об устойчивости гор и камней.

Большинство людей не могут представить, что гора, которая кажется такой незыблемой, возьмет и неожиданно развалится. Тем не менее все горы постепенно распадаются – это их естественное состояние. Разрыв между реальностью и нашим восприятием становится причиной многих несчастий. Случается, что люди попадают под камнепад или отваливается кусок скалы, за который схватился альпинист. Реальное доказательство этого – нагромождение вокруг каждой горы скатившихся камней. Можно, конечно, продолжать считать, что горы незыблемы в своей устойчивости, но опыт подсказывает, что это не так.

Скудные впечатления будничной жизни формируют восприятие, мешающее увидеть, что горы действительно разваливаются. Человеческая жизнь слишком коротка по сравнению с жизнью гор. Мы живем в сжатом времени, которое разворачивается гораздо быстрее, чем многие процессы в природе. Наши чувства восприятия говорят, что солнце стоит на месте. Чтобы заметить, как оно движется половину дня по небосклону, необходимо подключить дополнительные механизмы внимания. Забудьте на какое-то время о солнце, а потом снова посмотрите на небо, – вы заметите, что солнце переместилось. То же самое и с горами.

Чтобы поверить в силы природы, иногда необходимо получить свою дозу околосмертного опыта, хотя в некоторых случаях даже он не помогает убедить человека. Далеко не все осознают, что смертны, – до того момента, пока не ощутят на себе дыхание смерти. Но даже тогда многие быстро забывают пережитое. Смерть кажется слишком далекой, чтобы начинать готовиться к ней. Как говорил узник Бухенвальда Кристофер Бёрни, «смерть – явление для ума сложнопостижимое». Лучший способ понять смерть (за исключением реального умирания) – тихо посидеть и поразмышлять на эту тему.

СУЩЕСТВУЮТ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НЕ В СОСТОЯНИИ ПОНЯТЬ, с чем они сталкиваются, – даже когда жизнь преподносит

им предельно жестокий урок. Бутч Фараби, координатор службы по чрезвычайным ситуациям в национальных парках, рассказывает:

Однажды летом в парке Йосемити мы спасли парня, у которого начался солнечный удар, оттого что он долго висел на скальном отвесе. Прилетел вертолет ВМС и поднял его на стометровой веревке. Через полгода на другой стороне парка того же самого парня сняли с горы. На тот раз он умер от переохлаждения. От одной части парка – к другой, от одной скалы – к другой, от одной предельной температуры – к другой. Да этот парень совершенно не умел оценивать обстановку.

Некоторым такой околосмертный опыт по нраву. Острое ощущение близкой гибели, вернее возбуждение от этого, вызывает у них определенную зависимость. Большинство стараются держаться подальше от подобных экстремальных опытов.

Перед тем как перейти улицу, вы рассчитываете расстояние, скорость и время, но вы не можете объяснить, как у вас это получается. За рулем автомобиля вы делаете приблизительно каждые три километра по четыреста наблюдений и принимаете около сорока решений. За это время вы допускаете, может быть, одну ошибку. У вас нет врожденного умения ни водить машину, ни переходить улицу. Но в нашей культуре такие знания необходимы, наши дети этого не умеют, следовательно, их надо учить. Однако когда ребенок вырастает, он тоже начинает автоматически переходить улицу. Представители других культур, допустим жители Полинезии, не умеют переходить улицу, но они могут на лодке преодолевать любые пороги и проплыть от одного острова до другого. В их цивилизации важны такие навыки.

Для многих знакомство с природой равноценно встрече бедняги Хаскиссона с паровозом. Он не понимал, сколько лошадиных сил и какая масса заложены в этом непонятном изобретении. Большинство из нас тоже не понимают, какой мощной энергией обладает природа. Скорее всего, мы погибнем, если попытаемся проплыть по какой-нибудь горной реке Полинезии. И все-таки люди стремятся в опасные места и постоянно занимаются весьма рискованными вещами без подготовки, плана и необходимого снаряжения.

В моем родном Иллинойсе течет река Вермилион. Не стану утверждать, что она такого же размера, как Гранд-Каньон. Из-за дождей в июне 1996 года уровень воды в ней поднялся, а 15 июня вниз по реке пронеслось шесть плотов. Плоты достигли плотины. Она была

не очень большая, ее высота составляла менее двух метров. С правой стороны плотины был спуск для рыбы и заводь, где можно ловить рыбу. Пять плотов без проблем преодолели плотину с правой стороны. Один плот перевернулся в центре плотины над турбиной, то есть там, где создается сильный водоворот. В отчете о трагедии сделана следующая запись:

Один из людей на плоту был в спасательном жилете, и он выжил. У второго члена группы, Джеймса Широ, не было спасательного жилета, и он исчез. Его брат получил разрешение бросить в воду динамит, чтобы найти тело, но даже после останки не были найдены. Тело обнаружили через три дня на большом расстоянии от плотины вниз по течению.

В воздухе повис вопрос: могли ли люди, находившиеся рядом с плотиной, помочь Широ? Чарли Уолбридж ответил на него в «Отчете о безопасности на реках»: «На плотинах погибает столько же спасателей, сколько и обычных людей, которые занимаются разными видами водного спорта и отдыха».

Подобные опасные места есть везде. Без какой-либо альпинистской подготовки или снаряжения можно, конечно, дойти до таких вершин, как Маунт-Худ, Лонгс-Пик, Вашингтон (Нью-Хэмпшир) или даже Денали (Аляска). Все, что нужно, – это ставить одну ногу впереди другой. В феврале 2000 года двое туристов поднялись на Лонгс-Пик – самую высокую гору национального парка Роки-Маунтин в штате Колорадо. Порыв ветра со скоростью двести двадцать пять километров в час поднял одного из них в воздух и бросил о камни. Человек весил более восьмидесяти килограммов, а его рюкзак – еще тридцать пять килограммов. Он сильно разбился, но выжил. В этих местах время от времени появляются порывы ветра до трехсот тридцати километров в час. И замечу, что это не самое дикое место на территории США.

В вершину горы Лонгс-Пик часто ударяют молнии. Точно так же как и на пике Кафедрал в Йосемити, летом во второй половине дня там возникает сильное движение воздуха. Энди Хаберкорн 12 июля 2000 года забирался на Лонгс-Пик, когда молния ударила ему в грудь и убила его. Существование таких мест начисто опровергает поговорку, что молния не попадает в одно и то же место дважды. Смотритель национального парка Роки-Маунтин Джим Деттерлайн пишет:

«Молнии в горах Колорадо – явление распространенное. Молния ударила в Хаберкорна приблизительно в три часа дня, то есть в самое опасное время в середине лета. Я знаю, что на том же месте ранее был убит молнией еще один альпинист».

Силы природы безжалостны. Одна из них – сила гравитации. Силы природы создают условия для выбросов огромной энергии, будь то неожиданно появляющиеся в горах бури или огромные волны на океане. Сложно представить ту силу, которая заложена в движущейся по горе снежной лавине. Не будем забывать, что для электрохимических реакций, происходящих в организме, нам постоянно требуются кислород и вода. Общее правило следующее: можно три недели выдержать без пищи, три дня – без воды, три минуты – без воздуха.

Покидая свои цивилизованные и надежные жилища, мы выходим на территорию, где действуют незнакомые нам силы, которые могут причинить массу неприятностей именно тогда, когда мы меньше всего этого ожидаем. Согласно парадоксу кучи, угроза может возникнуть от минимального изменения баланса. Возьмем, например, горнолыжные базы, создающие иллюзию безопасности среди дикой природы. Люди приезжают сюда, словно это парк развлечений, и не представляют, что их может здесь ждать.

НИК УИЛЬЯМС РЕШИЛ ПОКАТАТЬСЯ НА ГОРНЫХ ЛЫЖАХ, поэтому 9 декабря 1998 года он приехал в горную долину города Скво-Вэлли в штате Калифорния. Если вы собираетесь субботним днем немного покататься на лыжах, то, наверное, нет смысла готовиться к поездке так, будто вы намереваетесь посетить Северный полюс.

Или все-таки смысл есть?

Нику Уильямсу тогда шел пятьдесят первый год. Вот что он рассказал:

Я катался один. Температура была чуть выше нуля, и прогноз обещал небольшой снег. Я не был одет тепло, потому что температура не была очень низкой, к тому же я приехал покататься всего на несколько часов.

Он был одет в легкую куртку и катался на тех склонах впервые.

После трех спусков Уильямс успел только подняться на самом высоком подъемнике, как пошел сильный снег. Потом началась пурга, и он перестал что-либо видеть. Он захотел вернуться на базу, но,

забывая жизненные правила, решил *сделать это немедленно*. Внимательно просмотрев схему трасс, Уильямс подумал, что лучше всего будет срезать через небольшую рощу и выехать на трассу средней длины. Таким образом он довольно быстро попадет на горнолыжный курорт.

Итак, Уильямс отправился в путь и выехал на стопятидесятидвухметровый склон, под которым лежала долина. Он уже не чувствовал себя на горнолыжном курорте, и эта долина уже не была для него классным и модным местом. Он ощущал себя несчастным, потеряннным человеком – без теплой одежды, спичек, воды и еды. У него ничего не было.

Весь день Уильямс поднимался по склонам и съезжал с них, пытаясь понять, где находится. Потом он бросил лыжи, оставил себе палки и пошел пешком. Ночь застала его в лесу, и он решил отдохнуть, прислонившись к дереву. «Как только я засыпал, то тут же падал», – вспоминает он. Уильямс понимал, что если заснет, то замерзнет и умрет. Он брал в рот снег и пил растопленную воду. Время от времени он делал гимнастику, чтобы согреться. Было тяжело, но он не сдавался.

Пурга продолжилась и на следующий день. Уильямс брел в снегу практически по пояс. Он начал переходить занесенный снегом ручей, даже не подозревая этого, и, как герой рассказа Джека Лондона, провалился в него и промочил ноги. Через какое-то время ноги оледенели. Уильямс попытался разжечь костер. «В тот вечер за час до заката я набрал валежник и положил его под скалой». Он вынул из кармана банкноты и, пытаясь высечь искры, бил кончиком лыжной палки о гранит до тех пор, пока не сломал палку. Костер он так и не разжег. Позже он узнал, что если бы ему удалось развести огонь и он смог бы согреть около него ноги, то, скорее всего, их пришлось бы ампутировать.

Во вторую ночь термометр в близлежащем селении показал минус двадцать восемь градусов, а в лесу, где находился Уильямс, было еще ниже. С обледеневшими ногами он должен был умереть. Его трясло от холода, мучили мысли о семье. Он молился: «Боже, возьми мои ноги, но помоги отсюда выбраться». У него был сын, и он хотел его увидеть.

В это время жена и сын Уильямса были на Рождестве во Флориде, куда он сам должен был прилететь через неделю, поэтому семья не знала о его исчезновении. Когда Уильямс пропустил несколько встреч,

не ответил на кучу электронных писем и звонков, знакомые и коллеги забеспокоились и связались с его женой. Авторитетные люди из государственных органов сообщили ей, что ни один человек не в состоянии пережить ночь в той легкой одежде, в которой Уильямс вышел на лыжах, и посоветовали ей заняться вопросами похорон и наследством покойного.

На рассвете третьего дня пурга закончилась, выглянуло солнце, и Уильямс снова двинулся в путь. В одиннадцать утра он стоял, прислонившись к дереву, и грелся на солнце. Через час он услышал звук снегохода, и через некоторое время его вывезли на вертолете. Уильямс сказал: «Когда мой сын услышал мой голос, он заплакал. Я заплакал тоже». У него осталось три пальца на ногах. И появилось редкое знание окружающего мира, за которое он дорого заплатил.

Уильямс выжил в условиях, которые убили бы многих. Надо сказать, что он был в хорошей спортивной форме, поскольку регулярно бегал по утрам и катался на роликах по крутым горам в Сан-Франциско. В молодости он окончил военно-морскую академию и служил военным летчиком. У него были силы, драйв и характер, он стал успешным бизнесменом и президентом Premisys Communications – компании, оборот которой в то время составлял сто миллионов долларов. Как выразился представитель больницы, в которой его лечили после этого происшествия: «Он нереально крепкий человек».

Все эти факторы, бесспорно, помогли Уильямсу выжить. Но мне кажется, самым главным из них был его сын. Мне кажется, именно он вернул отца к жизни, хотя он, может быть, об этом не знает. Вот если в жизни сына Уильямса будет ситуация, когда уже его сын поможет ему выжить, тогда он поймет своего отца. Мне интересно, думает ли сын Уильямса о своем отце? Считает ли его сверхчеловеком? Будет ли искать в себе те качества и ту способность адаптироваться к ситуации, которые помогли его отцу выжить?

НЕОБХОДИМЫЕ ВАМ ЗНАНИЯ начинаются не с информации, а с опыта и восприятия. Путь от опыта и восприятия до правильного действия непростой. Не осознавая силы, с которыми столкнулись, своего положения и состояния, люди могут случайно подвергнуть себя опасности. Многие воспринимают курорты Скво-Вэлли и Аспена, долину реки Потомак и другие районы дикой природы как парки с аттракционами. Иногда географические названия говорят сами за себя.

В национальном парке Зайон есть «одна из самых неприступных и редко покоряемых» гор, называется она «Запрещенная стена».

Джед Уильямсон рассказал мне, что «в национальном парке Гранд-Титон на горе Моран есть ледник Скиллет, на котором периодически происходят несчастные случаи». Уже само название ледника (одно из значений слова *skillet* – «сковорода с длинной ручкой») наводит на нехорошие мысли; и на самом деле, когда альпинисты после утреннего восхождения начинают спускаться, то к этому времени снег уже начинает таять и становиться мокрым. «Альпинисты скользят беспомощно и бесконтрольно. Я называю это фактором Хитрого койота[32]. Знаете почему? Потому что последнее, что успевают сделать альпинисты, – это широко и самодовольно улыбнуться публике. Потом альпинист смотрит вниз, и улыбка пропадает».

В Колорадо в парке Роки-Маунтин на восточном склоне Лонгс-Пик есть ледяная гора Лэма. На первый взгляд этот спуск не слишком сложный. На самом деле он не страшен только первую треть пути вверх. Даже в июле, самом опасном месяце для подъема, начало пути обманчиво простое. Но подъем идет все круче и круче вверх. Так же как и на Маунт-Худ, люди идут в связках – им кажется, что так безопаснее. (Однажды командир отряда горных спасателей города Портленда сказал мне: «Веревка – это гарантия, что ты не умрешь в одиночестве».) Причина смерти на этом склоне настолько типичная, что имеет стандартное описание: «Поскользнулся. Потерял опору. Не смог самозадержаться на склоне. Упал. Разбился насмерть». Поэтому в отчетах о трагедии фигурирует устойчивая, длинная и непроизносимая аббревиатура – LFCSAFTD[33].

Джед Уильямсон пишет в ежегоднике «Несчастные случаи в североамериканском альпинизме»: «Истории известно, что первый раз по этому спуску съехал со смертельным исходом священник Элканна Лэм в 1871 году. С тех пор трагедия, в результате которой люди гибнут или получают травмы, регулярно повторяется». Этот роковой спуск назвали именем погибшего священника: гора Лэма. Натан Дик съехал 14 июля 1996 года более чем на триста метров и был найден внизу с воткнутым в горло альпинистским ледорубом. Несмотря на то что существует еще четыре спуска, более легких и безопасных, на этом маршруте погибло начиная с 1871 года семьдесят пять человек.

Количество смертей в год не самое высокое, но большое количество людей оказываются неприятно удивлены, что гора для начинающих может оказаться такой предательски сложной.

Мы всего лишь люди. Наше внимание рассеянно. Мы можем перевозбудиться. Мы можем уставать. Мы совершаем глупые поступки. Бесспорно, приключение нельзя сделать совершенно безопасным, на то оно и приключение. Один сотрудник горнолыжного курорта на Маунт-Худ довольно метко заметил, что во всей этой ситуации есть определенная ирония: «Если сделать так, чтобы гора стала безопасной для всех, тогда смертей станет еще больше, потому что люди вообще забудут о риске». Мне кажется, что в таком случае люди вообще перестанут залезать на гору. Тем не менее пока все мы стремимся ее покорить. Мы не против того, чтобы умереть. Главное – не сегодня. Мне очень не хотелось бы, чтобы на моем могильном камне было написано: «Здесь покоится идиот».

Во время своего пребывания на Гавайях я начал брать уроки серфинга. Мой инструктор, легенда местного масштаба Амброуз Карри, говорил: «Если тебе не страшно, значит, ты неправильно оцениваешь ситуацию». Однажды мы болтали с Майком Кроудером на пляже, и вот что я от него услышал: «Доходит до того, что, посмотрев утром на волны, ты знаешь, каким будет серфинг. Ты заходишь в воду и знаешь, что и как делать. Все это очень духовная штука». Майк сказал, что на гавайском языке слово *мана* (*mana*) означает «энергия», «дух», «духовная сила». По его мнению, единственная причина, почему люди занимаются серфингом, – это *мана*. «Серфинг – это умение управлять энергией», – говорит он. Майк считает, что океан – это аналоговые и энергетические волны. После этой беседы я кое-что понял про Майка: спасатель, работающий на полставки; подрабатывающий то там, то тут; женатый на женщине, которая зарабатывает пошивом детской одежды, – он совсем не прост, этот Майк. И еще – он готов на все, лишь бы заниматься серфингом.

«Иногда я вижу серфингиста, – рассказывает он, – у которого всё как надо: он правильно рассчитывает время, сходит с волны, ловит ее и так далее. Когда он проходит рядом со мной по пляжу, я чувствую его *ману*. Все это почти страшно. Серфинг – это духовная практика». В спортивном серфинге Кроудер открыл древнюю технику выживания – учение о силах, которые способны убить человека. Общаясь с волнами

на физическом уровне, он нашел способ обойти некоторые из заграждений и тупиков человеческого мозга и направил поток знаний напрямую в свое тело: на кости, нервы и мускулы. Он усилил процесс адаптации своего организма к окружающей среде. Однако... и профессионалы промахиваются.

Серфингисты прекрасно помнят о трагедиях и травмах своих известных спортсменов. То, что Комо Холлингер чуть не погиб в 1969-м в Ваймее, а Оул Чапман – в 1970-м. Инцидент с последним серфингистом был вынесен на обложку журнала *Surfer*, что вызвало неудовольствие читателей, поскольку показывало серфинг как опасный вид спорта. Майк показал мне шрамы на голове, спине, ногах – иероглифические свидетельства, напоминающие о годах, когда он только учился. Что же, боги моря выдали ему диплом об успешном окончании в виде этих татуировок. На теле Майка остались доказательства мощи тех сил, с которыми он сталкивался и которые преодолевал. Если угодно, они и есть самые наглядные и самые убедительные эмоциональные пометы.

Майк рассказал мне, что однажды на большой волне у него возникло плохое предчувствие, но он не успел на него отреагировать. Через мгновение его так сильно расплющило об отмель, что он чуть не сломал шею. Если бы он тогда попал в риф, то мы с ним уже никогда не встретились бы. Майк не привязывает к себе доску, когда занимается серфингом.

– Потеряешь – так поплывешь, – говорит он.

– Ну да, плыть-то всего какой-то километр через волны в семь метров высотой. Подумаешь, – добавляю я.

На пляжах покрупнее у спасателей есть гидроциклы, без которых они никогда не успевали бы вовремя доплыть до тонущего. На моем худосочном пляже, на которой ходят всего лишь писатели, есть только одна вышка – пятая и ни одного гидроцикла. Зато есть Майк, и если надо кого-то спасать, то Майк к нему плывет.

Майк говорит размеренно, с длинными паузами, словно размышляет вслух: «Иногда... я жизни спасаю, и когда я вижу... кого-нибудь там, на волнах... я просто знаю, он обязательно сделает что-нибудь... что-нибудь опасное. Я молюсь за таких людей, и обычно это срабатывает... Я молю, чтобы они вернулись назад... Можно сказать, я чаще предотвращаю несчастья, чем спасаю их жизни».

Однажды утром жена Майка по имени Лимор (что значит «благоуханная») привела на пляж двух курчавых малышей, чтобы они посмотрели, как их отец занимается серфингом в семь утра. Майк закончил, и мы с ним присматривали за детьми, пока Лимор плавала на своей доске. Лимор ждет третьего ребенка, но пока все еще регулярно выходит в океан. Этот ребенок начинает получать информацию об океане и его энергии еще до своего рождения. Его заранее обеспечивают эмоциональными пометами, вторичными эмоциями и когнитивными моделями – и все это богатство имеет прямое отношение к той субстанции, из которой состоит четыре пятых поверхности планеты. Эти мысли заставили меня пожалеть о том, что я не мог летать вместе с моим отцом во время Второй мировой войны. Кто знает, может быть, мне удалось бы спасти его от того страшного испытания.

Обучение в животе матери, возможно, одно из самых продуктивных, потому что формирует знание состояний, характеризующихся высоким зарядом энергии. Однажды Мигель Дюамель – один из лучших гонщиков-мотоциклистов, лучший в команде Honda, участник чемпионатов мира по супербайку – рассказал мне о своем самом раннем опыте мотоспорта. Мать Мигеля, когда была им беременна, ездила на мотоцикле. Когда он был совсем крохой и не мог заснуть, она пеленала его, садилась на байк и каталась за городом. От этого Мигель успокаивался. Ему нравилось ездить, когда он был еще ребенком. Потом он постоянно выигрывал – больше чем любой другой гонщик – в чемпионатах мира по супербайку. Этот невысокий франкоязычный канадец, достигавший на своем байке четырнадцать тысяч оборотов в минуту, был непобедим.

Вместе с Майком мы смотрели, как Лимор скользит по волнам. Мы восхищались ее естественной красотой и грацией. «Серфинг – это связь со вселенной, – сказал Майк. – Он расслабляет тело». Майк улыбнулся. Лимор, наполняющая свое чрево океанской *маной*, была похожа на Венеру с картины Боттичелли. Косые лучи солнца освещали мерцающие волны. «Поблагодарим Господа за доски», – произнес Майк.

Часть II

Выживание: почему люди спасаются

Происходит что со мной? Принимаю, сообразуюсь с богами и всеобщим источником, из которого выведено все, что рождается.

Марк Аврелий

(«Размышления», книга 8, глава 23)

Когда с вами произошел несчастный случай, посмотрите внутрь себя и поймите, есть ли у вас силы, чтобы использовать его для своей пользы.

Эпиктет

Глава 9

Подгонка карты

ПОЖАРНЫЙ КЕН КИЛЛИП НАЧАЛ СВОЙ ПУТЬ в ущелье Милнера в национальном парке Роки-Маунтин 8 августа 1998 года с каким-то гнетущим чувством, что не мешало бы ему остаться дома. Этот трехдневный пеший поход на природе он планировал вместе с друзьями – отдохнуть, порыбачить, прийти в себя, – но друзья один за другим отказались от участия. Из желающих остались он и его приятель Джон Йорк. Киллип тоже думал отказаться, но в последнюю минуту решил ничего не менять. Они планировали пройти вдоль Кордильер шесть километров на юг, подняться на высоту семьсот метров и выйти на вершину горы Ида. С вершины Иды – ее высота составляет тысяча девятьсот двадцать девять метров – они должны были повернуть на восток, спуститься к озеру Гордж и далее пройти три километра до озера Рок. Расстояния это невеликие, но идти с тяжелым рюкзаком на высоте почти четыре тысячи метров дело нешуточное. Озеро Рок расположено на границе с Лесным каньоном – крупным лесным массивом в долине реки Биг-Томсон. Местный смотритель описал это место как «один из самых отдаленных районов национального парка, где надо полагаться только на самого себя».

У Киллипа было достаточно опыта, связанного с деятельностью на открытом воздухе. Двадцать четыре года он проработал пожарным в сельской местности под Денвером. Во время службы в армии он прошел подготовку к выживанию в особых условиях. Однако Киллип еще никогда не попадал в такие дремучие места. Сложнопроходимая местность, тяжелый рюкзак, разреженный воздух высокогорья давались ему нелегко. Йорк был физически более сильным, и ему неоднократно приходилось ждать, пока приятель его догонит. Так прошло пять или шесть часов, после чего Йорк, которому надоело

постоянно останавливаться, пошел вперед, не дожидаясь Киллипа. Разный уровень подготовки участников похода не сулит ничего хорошего. Люди часто забывают, что в группе все идет со скоростью не самого быстрого, а самого медленного ее члена.

Киллип шел за Йорком, который бывал в тех краях и хорошо их знал. Получилось так, что у Киллипа была карта, а у Йорка компас. В поход они вышли по тропе, но после выхода на вершину Иды тропа исчезла, и, для того чтобы идти дальше, нужны были и карта, и компас. Киллип смотрел вслед уходившему в надвигающийся дождь Йорку, не понимая, какие последствия может иметь их расставание. Казалось, что мир неизменен, хотя он все время менялся. То, что вскоре подведет Киллипа, происходило внутри его самого.

Одна из разновидностей когнитивной модели – карта местности, которую человек держит в памяти. У Киллипа сложилось весьма смутное представление о маршруте, пройденном от места парковки автомобиля. На самом деле он просто следовал за Йорком, что не есть самый лучший способ создать в голове карту, на которую можно положиться. Теперь мозг Киллипа пытался воссоздать схему маршрута от точки, положение которой он не очень хорошо представлял, до места, в котором никогда не был. Внутренняя неуверенность и тщетные усилия понять, где он находится, сделали свое дело – он стал беспокоиться еще больше.

Приближалась гроза. Киллип решил не торчать на хребте, поскольку знал, что в этих местах во второй половине дня во время дождя бывают молнии. Он решил спуститься с хребта и выждать, пока пройдет гроза. Накопившаяся усталость, обезвоживание, высота, погодные условия – все это не способствовало поддержанию необходимого равновесия между чувствами и голосом разума.

От гремевшего вокруг грома и сверкавших молний Киллип почувствовал еще большее внутреннее напряжение. Он пожалел, что вообще отважился на это путешествие, но уже был не в состоянии трезво анализировать происходящее. Стресс сузил его восприятие – он начал меньше видеть и слышать, а также замечать то, что происходит в окружающей среде.

Киллип встретил людей, которые шли четырехдневным маршрутом. Они переждали вместе грозу, и случайные попутчики рассказали, что видели Йорка. Киллип, принимая желаемое за

действительное, решил, что ему стоит лишь ускорить шаг, и он сумеет нагнать приятеля. Когда гром перестал греметь, он под проливным дождем тронулся в путь.

Киллип забирался на крутой склон горы, находясь в полной уверенности, что это и есть гора Ида. Весь день он шел с тяжелым рюкзаком. Его поддерживало чувство уверенности, что, спустившись с Иды, он выйдет к чистой реке и похожим на жемчужины озерам, где сможет напиться. Киллип, наконец, стал успокаиваться, поскольку верил, будто поднимается на Иду и его мозг нашел точку отсчета на когнитивной карте. Киллип представлял, где гора Ида находится по отношению к его цели, и карта местности начинала складываться у него в голове. Ведь без карт мы ничто.

Киллип находился в пути более двенадцати часов. Было уже пять часов вечера, и пару часов назад он допил последнюю воду. Солнце садилось, температура падала, продолжал лить дождь.

Киллип поднялся на вершину, повернул на восток и стал спускаться туда, где, как предполагал, находится озеро Рок. Однако его миндалевидное тело мгновенно «забило тревогу», и у Киллипа возникло чувство, что что-то не так. Йорк описывал ему реку и небольшие озера. То, что видел Киллип, не совпадало с тем, что описывал Йорк.

На самом деле Киллип не вышел на вершину Иды. Он находился в полутора километрах к северу от горы и смотрел на параллельный нужному ему склон. У Киллипа наблюдалось состояние небольшого географического смещения. Он мог вернуться назад тем путем, которым пришел. Он помнил эту дорогу, помнил, что прошел по этому пути, но у него не сложилось общей картины местности. И он совсем не представлял, что находится впереди. Киллип мог заглянуть в прошлое, но, потеряв способность воспринимать мир, не был в состоянии заглянуть в будущее.

ПСИХОЛОГИ, ИЗУЧАЮЩИЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРОПАВШИХ ЛЮДЕЙ, отмечают, что очень немногие из потерявшихся стараются вернуться тем путем, которым пришли. Наверное, глаза их устремлены вперед – в реальный или выдуманный ими мир. Киллип шел весь день. Он устал, страдал от жажды, ему было холодно, и он насквозь промок. Возможно, он думал, что Йорк считает его полным идиотом. Он прошел большое расстояние, а внутренний голос продолжал

нашептывать: не надо поворачивать назад; обратный путь будет сложным и не выведет его к воде; ведь озеро Рок и другие водоемы находятся где-то рядом. Если Киллип был бы в состоянии здраво рассуждать, он понял бы, что сбился с пути. Однако голос разума и логики был быстро заглушен эмоциями и стрессом. Теперь шаг за шагом он был готов перейти от легкого географического смещения к тому, чтобы потеряться по-настоящему.

Канадский ученый Эдвард Корнелл, профессор Альбертского университета в Эдмонтоне, изучающий поведение пропавших людей, сказал мне: «Потерянность – это очень распространенное человеческое состояние. При этом граница между состоянием потерянности и непотерянности крайне зыбкая».

Приблизительно до 1950-х годов ученые считали, что в человеке существует врожденное чувство направления. Объясняли они это тем, что существуют некоторые народы, имеющие отличные навигационные навыки, их представители могут вывести судно туда, куда надо, полагаясь на собственное чутье, следовательно, обладают чувством магнитного поля. В качестве примеров таких народов приводили австралийских аборигенов и островитян народности пулуват, проживающих в южной части Тихого океана. Однако после более тщательного изучения ученые пришли к выводу, что представителей этих народов с детства обучали замечать детали и особенности окружающего мира и пользоваться ими как вехами для прокладки маршрута. Конечно, и они могут потеряться – и теряются. Полувековые исследования показали, что просто они блестяще создают и обновляют актуальную когнитивную карту местности и окружающего мира.

Среди ученого сообщества не сложилось единого мнения о точном определении понятия «потеряться». Уильям Сиротак, начавший свои исследования раньше остальных, считает, что потерявшийся человек – это тот, для нахождения которого направляется специальная поисковая группа. Однако часто случается, что ищут людей не там, где они могли бы быть. Концепцию Сиротака развил Кеннет Хилл, преподаватель и психолог, занимающийся также поиском и спасением людей в канадской провинции Новая Шотландия. Хилл определяет потерявшегося человека как индивида, «который в течение тридцати минут не знает, где он находится». На это я могу

возразить, что лично видел многих летчиков, которые оказывались совершенно потерянными в баре. Ученые, занимающиеся исследованием человеческого восприятия пространства, считают, что потерявшийся – это тот, кто не может соотнести свое местоположение в пространстве с известными ему географическими точками отсчета. Кроме этого понятие «потеряться» характеризуется целым рядом эмоциональных и поведенческих факторов.

Сиротак был первым специалистом службы помощи и спасения, который начал систематически исследовать поведение людей, потерявшихся в условиях дикой природы. В книге *Lost Person Behavior* («Поведение потерявшихся людей») он описывает, как в подобной ситуации люди начинают паниковать:

Это означает, что они продираются или бегут через кустарник или подлесок... на более ранних стадиях это состояние носит менее активный характер... Неадекватное поведение начинается, когда человек понимает, что не узнает знакомой местности или что он идет до пункта назначения дольше, чем предполагал. Тогда человек начинает суетиться, стараясь «найти нужное место», или убеждает себя: «Наверное, оно за этим пригорком».

Последние исследования нейробиологов показали более точно, как люди ориентируются в пространстве. Это сложный процесс, в котором участвует гиппокамп и другие области мозга (подставка, то есть основание гиппокампа; энториальная область коры, волокна которой достигают гиппокампа; подобласти гиппокампа CA-3 и CA-1). Жозеф Леду называет гиппокамп «механизмом определения местоположения». Исследования канадского ученого Джона О'Кифа из Университета Макгилла, проведенные им еще в 1970-е годы, доказали, что благодаря гиппокампу формируется так называемая когнитивная карта окружающей среды, то есть «карта пространственной ориентации». Кроме этого, в зависимости от движения и положения головы, всего тела и отдельно его частей возбуждается та или иная группа нейронов.

Джон О'Киф, практически случайно, обнаружил в гиппокампе крыс то, что он назвал «пространственными клетками». Это нейроны, которые возбуждаются, когда животное обнаруживает себя в определенном месте. Обычно нейроны гиппокампа возбуждаются раз в секунду. Однако в том месте, когнитивная карта которого существует,

этот процесс происходит в сотни раз быстрее. Тесты, проведенные в Оксфордском университете на обезьянах, показали, что нейроны гиппокампа возбуждались, только когда животные смотрели на определенный пейзаж. Одна пространственная клетка в состоянии содержать карты более одного места.

Таким образом, для создания когнитивной карты, а также понимания положения, отдельных движений и направления движения тела используется сложная система, в которой участвуют гиппокамп и другие области мозга. Вся эта система координируется и работает вместе с другими системами, в результате чего человек понимает, где он находится. Например, благодаря вестибулярному аппарату (часть внутреннего уха) мозг сообщает человеку, стоит ли тот прямо или нет, облокачивается ли на что-либо или падает. При помощи проприоцептивной сенсорной системы [34] мозг постоянно считывает импульсы нейронов, сообщающие, где находятся те или иные части тела. Именно благодаря этой системе человек в состоянии дотронуться до носа с закрытыми глазами. Без нее человек неизбежно бы терялся, что и происходит с подопытными животными, у которых вырезают гиппокамп. Болезнь Альцгеймера приводит именно к таким последствиям.

Пространственные клетки, отвечающие за определение местоположения и прокладывание маршрута, постоянно перепрограммируются. Каждый раз, когда человек оказывается в новом месте, его мозг создает новую карту. Некоторым, чтобы запомнить маршрут, нужна одна поездка, другие запоминают маршрут на десятый раз. (Каждый человек когда-нибудь терялся в незнакомом месте, не зная, где он находится.) Работа гиппокампа связана с памятью, и когнитивные карты хранятся в мозге, как и воспоминания. Мозг создает карты не только маршрутов, но и любого пространства, с которым человек связан: города, района, улицы, дома, комнаты. Многие люди в состоянии ходить по своей квартире не включая света, поскольку их когнитивная карта полностью совпадает с реальным миром. Слепые могут самостоятельно перемещаться, потому что полагаются на свои когнитивные карты. Пространственные клетки крыс прекрасно функционируют даже в темноте. Однако стресс отрицательно влияет на работу гиппокампа: усложняется доступ к когнитивным картам и их просмотр.

Любопытно, что гиппокамп, который и сообщает человеку, где тот находится и куда движется, не управляет поиском цели. Желание попасть куда-либо больше связано с эмоциональной сферой. В этом есть свой смысл, поскольку миндалевидное тело стимулирует организм на принятие действий, имеющих прямое отношение к выживанию. Крысы, у которых отсутствует латеральное ядро миндалевидного тела, теряют желание добраться туда, куда им надо. Получается, место и мотивация тесно связаны; это предположение помогает объяснить, почему потерявшиеся люди продолжают двигаться вперед, когда безопаснее было бы оставаться на месте.

Допустим, из города в национальный парк Роки-Маунтин впервые приезжает какой-то человек; мозг его моментально начинает испытывать некую нагрузку – ощущение незнакомого пространства. В городе вся необходимая для считывания зрением информация находится вблизи и количество ее ограничено. Человек смотрит и видит либо интерьер своей квартиры, либо свой кабинет на работе, либо улицу, по которой идет. Крайне редко можно охватить взглядом все пространство своего дома или всю панораму города. Когда человек попадает в горы, где «подсказки» окружающей среды отличаются от привычных, меняются требования к созданию когнитивных карт, непрерывно формируемых мозгом. Мозг, получая информацию от органов чувств, пытается понять окружающую среду и создать соответствующую карту. Миндалевидное тело получает информацию от гиппокампа и других областей мозга для оценки и направления действий в сторону, способствующую выживанию, а не наоборот. Миндалевидное тело реагирует на окружающую среду действием. Для человека, вырванного из знакомого контекста, создание когнитивных карт незнакомого пространства представляется весьма сложной задачей, отнимающей массу сил.

ГОЛОС РАЗУМА ЗАТИХ, эмоции взяли вверх, и Киллип начал в темноте спускаться не по тому склону. Продолжал лить дождь. В ситуации, когда нет когнитивной карты местности, миндалевидное тело начинает подавать сигналы бедствия. С точки зрения человека разумного, хорошее пространство – это место, где есть еда, вода и особи противоположного пола. Нахождение таких мест является первостепенной задачей, обусловленной работой внутренних механизмов адаптации и выживания. Люди понимают, что такое

опасное место. По логике вещей получается, что опасным человек считает такое место, где нет еды, воды и особей противоположного пола, а также когнитивная карта которого у него отсутствует.

Иррациональность поведения Киллипа объясняется с точки зрения функционирования мозга, лишённого когнитивной карты местности и пытавшегося таковую создать. В ситуации, когда мозг не в состоянии истолковывать сигналы окружающей среды, он оценивает ситуацию как критическую, и ответом бывает физиологическая, то есть эмоциональная, реакция. В состоянии потерянности человека его организм принимает правильное решение, но нелогичное. Организм хочет, чтобы его владелец поторопился и побыстрее добрался до места, в котором находятся необходимые составляющие выживания. Вот и объяснение панического настроения потерявшихся людей, о котором писал Сиротак. В свете этого я могу предложить собственное определение понятия «потеряться» – это невозможность создать когнитивную карту, которая правильно отражает окружающую среду.

Испытывая неприятное чувство, что он не знает, где находится, Киллип бродил в полной темноте по густому лесу. Внезапно вспышка молнии осветила какие-то тени на поверхности воды. Мучимый жаждой, Киллип бросился к непонятному водоему, напился и начал готовиться ко сну. Ничего другого ему не оставалось. Однако палатка осталась у Йорка. Зато в рюкзаке Киллипа была еда в разных упаковках и пластиковые мешки для мусора, из всего он мог бы соорудить укрытие – но почему-то не догадался. Несмотря на дикий холод, он не стал разжигать огня; не будем забывать, что Киллип был пожарным, а в этой части парка разведение костров было запрещено, и он об этом помнил. А ведь благодаря огню его заметили бы намного раньше.

Когда появился медведь, Киллип побежал в его сторону, крича и размахивая своей курткой. Медведь ретировался. Киллип задумался о том, чем могла бы закончиться эта встреча, если бы он был болен или травмирован.

Он разогрел банку с консервированным супом на газовой походной плитке, поел и улегся спать. После сна он почувствовал себя вполне отдохнувшим. Впрочем, он так и не сумел окончательно избавиться от сумбура в голове и чувства бесконечной усталости. В распоряжении Киллипа все еще оставались возможные, вполне

разумные варианты: вернуться назад к машине или подняться по склону, по которому спустился ночью. Но он решил, что следует отыскать Йорка и продолжить намеченное путешествие. Меньше всего ему хотелось, чтобы приятель счел его полным идиотом. И самое главное – Киллип еще не верил, что заблудился.

Человеку сложно признаться в том, что он потерял ориентир, потому что не иметь когнитивной карты и не знать, где ты находишься, почти равносильно тому, что не знать, кто ты есть. Ведь одной из основных функций организма является адаптация к окружающему пространству. Поэтому, когда маленьких детей спрашивают, потерялись ли они, то, как правило, они отвечают: «Нет, это мама потерялась». Смысл такого ответа простой: я никуда не потерялся, я здесь. Без когнитивной карты организм начинает плохо функционировать. Поэтому Киллипу казалось, что он не потерялся. Это озеро Рок «потерялось». Оно где-то рядом, просто надо до него дойти, и все будет хорошо. У него было упорство, присущее пожарным, которые не останавливаются перед трудностями, но он выстроил неправильную стратегию, что характерно для заблудившихся.

Киллип начал пробираться через такой густой лес, что время от времени ему приходилось снимать рюкзак, дабы протиснуться сквозь плотно переплетенные ветви. Почему его это не насторожило? Если человек считает, что легче обойти гору, вместо того чтобы подняться на нее и спуститься, значит, у него с головой не все в порядке.

Сиротак пишет:

Если местность становится все более и более незнакомой, у жертвы развивается страх, ему будет казаться, что деревья и склоны смыкаются вокруг него. Появляется чувство клаустрофобии, а с ним желание «вырваться». В этот момент человек начинает суетиться и куда-то бесцельно бежать.

Это попытка организма понять незнакомую окружающую среду.

К середине дня Киллип забрел совершенно непонятно куда. Вернуться «по собственным следам» он уже не мог. Теперь он окончательно потерялся. Рациональный ум говорил, что он приближается к озеру Рок, а эмоциональная система заставляла идти все быстрее. В итоге он не дойдет до озера всего метров пятьсот, но только случится это через несколько дней.

Его мозг продолжал бессознательные поиски информации, которая могла бы помочь создать когнитивную карту, а тревожные сигналы раздавались все чаще и чаще: «Места незнакомые, никакой пищи, никаких людей». Казалось, какой-то голос шептал ему: «Только доберись, дойди. И торопись, торопись».

Киллип решил подняться по голому склону на гору, чтобы осмотреться. Он надеялся, что сверху сможет узнать местность и понять, где находится. На полпути к вершине он оступись, упал, начал скатываться вниз и не смог остановиться. Падение оказалось серьезным (растяжение связок плечевого и голеностопного суставов, повреждение хрящей обоих коленных суставов); в принципе ему повезло, что он вообще остался в живых.

Киллип кое-как добрался до небольшого озера, рядом с которым и провел следующую дождливую ночь. Ему было холодно, болело все тело, но он все еще считал, что костер разводить нельзя. И опять он не соорудил никакого укрытия.

На следующее утро Киллип проснулся в состоянии полной подавленности. Разочарованный, он решил плюнуть на озеро Рок и вернуться назад к машине. Вопрос состоял в том, куда идти. Этого он не знал, поскольку не представлял, где находится. Хромая, Киллип побрел по лесу, попусту растрачивая драгоценные силы. Он снова решил подняться на гору, чтобы посмотреть, где находится.

Сиротак пишет:

Если потерявшиеся люди в панике не истощат все силы и не пострадают, то рано или поздно они придут к тому или иному плану действий. Их решения могут показаться стороннему наблюдателю совершенно нерациональными, но потерявшему ориентацию человеку они представляются абсолютно здравыми. Часто потерявшимся лучше и безопаснее было бы никуда не бежать, а согреться и отдохнуть, тем не менее подсознание подталкивает многих двигаться дальше.

Подсознание недоволено тем, что мозг долго и безрезультатно пытается установить, где находится тело. Одной из главных задач организма является создание самоидентификационных карт и карт окружающей среды, а также поддержание гармоничных отношений между ними. Без такого баланса организм умирает.

Киллип забирался на крутой и каменистый склон горы Терра Тома высотой более четырех километров. Но начавшаяся буря заставила его

спуститься ниже и спрятаться под деревьями. Одуревший от боли, страха и бессилия, он окончательно понял, что потерялся, и не знал, как ему быть дальше. Он заснул, обняв дерево, чтобы не сползть вниз на каменном крутом склоне.

Киллип проснулся после полуночи, дрожа всем телом, огляделся вокруг и увидел, что все стало белым. Прошел град и покрыл землю белым настом высотой почти в 36 сантиметров. Киллип проспал эту снежную бурю.

Восьмого августа Киллип отправился в поход здоровым, здравомыслящим и хорошо подготовленным туристом. В его рюкзаке еды было минимум на неделю. Через два дня как он повернул не в ту сторону, Киллип превратился в обессиленное, голодное, обезвоженное, замерзающее существо, сидящее на обледенелой горе. Все началось с мелочи – он слегка сбился с пути. А превратилось в суровую битву за выживание.

СИРОТАК ПРОАНАЛИЗИРОВАЛ различные операции по спасению людей (всего двести двадцать девять примеров, из которых одиннадцать процентов были со смертельным исходом) и выяснил, что три четверти жертв умерли в течение первых сорока восьми часов, прошедших с того момента, как они заблудились. Люди могут умирать на удивление быстро, и чаще всего причиной смерти является переохлаждение. Переохлаждение действительно штука коварная, но довольно часто люди просто сдавались.

Заблудиться может каждый. Говорю это со знанием дела, поскольку сам терялся. Однажды я жил в отеле Many Glacier в национальном парке Глейшер. Перед завтраком мы с подругой решили немного прогуляться. Воздух был чист, пахло можжевельником, горные виды потрясающие. Лес манил нас, как Ганса и Гретту... До этого мы неделю прошли сложным маршрутом по Монтане и на полном основании считали себя людьми бывалыми, прекрасно подготовленными к разного рода прогулкам. Мы были в прекрасной физической форме и уверены в себе.

По специальному указателю мы двинулись в сторону озера Гриннелл. Прошли одну развилку, вторую, третью. Начал накрапывать дождик, мы надели дешевые пончо, которые купили в сувенирной лавке, и поспешили вперед. Нам даже в голову не пришло, что следовало бы вернуться в отель.

Наконец мы оказались на берегу озера и пытались вспомнить, зачем нам было так важно к нему выйти. Дождь превратился в град. Я увидел несчастное побледневшее лицо своей подруги: она сжалась и выбивала дробь зубами. И вдруг до меня дошло. Мы попали под град, одетые в майки и ни от чего не спасающие тонкие пончо! Мы находимся в двух часах от дома без компаса и карты! *О чем мы только думали!*

Мы побежали назад. Добежав до развилки, я рванул вправо, она – влево. Обменявшись полными ужаса и удивления взглядами, мы поняли, что не знаем, какой дорогой идти. Мы выбрали какую-то одну из них и побежали дальше. Через некоторое время мы услышали голоса и сломя голову кинулись через густой лес в ту сторону, откуда они раздавались. Выбежали на пристань на берегу другого озера, к которому только что причалил катер; его ветровое стекло уже было покрыто льдом.

Мы запрыгнули на борт, и нам сообщили, что это последний на сегодняшний день катер. Иногда ночью я просыпаюсь и думаю, чем все это закончилось бы, если бы мы продолжали идти той дорогой, которую выбрали. Позже по карте мы определили, что она привела бы нас в глухой лес. Без спичек, воды, теплой одежды – каким образом мы пережили бы снежный шторм, который, как выяснилось потом, продолжался два дня?

Всего за несколько часов мы превратились из беззаботных туристов в охваченные паникой жертвы, которых спасло удачное стечение обстоятельств. До того случая в парке Глейшер я ни за что не поверил бы, что могу так легко заблудиться и так быстро потерять способность здраво мыслить.

Кеннет Хилл провел следующий эксперимент со своими студентами в небольшом лесу канадской провинции Новая Шотландия. «Лесок этот размером с большой городской парк, но в нем целый лабиринт плохо отмеченных тропинок», – рассказывает Хилл. Он заводит студентов вглубь и каждого просит выйти из леса самостоятельно. Это удалось только одному человеку. «Если вы остановите на тропе даже опытного туриста и попросите его показать на карте, где он сейчас находится, то чаще всего ответ будет неправильным», – добавляет Хилл.

В будничной жизни люди пребывают в иллюзии, будто знают, где находятся. На самом деле в большинстве случаев не знают. Единственное место, в котором они действительно в той или иной мере не потеряны, – это их собственный дом. Можно знать путь от одного места к другому, но не иметь представления, где именно, в какой конкретной точке маршрута ты сейчас стоишь. Для этого на улицах есть таблички с их названиями и указатели. В любом случае большинство из нас довольно хорошо знают маршрут, чтобы попасть из точки А в точку Б. Если этого не происходит, человек теряет, что и произошло с Киллипом или со мной.

Потеряться очень просто. Для этого надо перестать обновлять когнитивную карту и настойчиво продолжать движение, несмотря на то что сама местность подсказывает, а компас показывает, что ты сбился с пути. Эдвард Корнелл сказал мне так: «Если человек смотрит на карту и говорит что-то типа: “Ну, озеро могло и пересохнуть” или “Эта скала могла исчезнуть”, – то пора бить тревогу. Человек старается подогнать реальность под собственные ожидания, вместо того чтобы поинтересоваться, что в этой реальности есть. В спортивном ориентировании это называется “подгонка карты”».

Именно так можно назвать действия Киллипа, когда тот стал спускаться по неправильному склону, несмотря на множество тревожных сигналов, предупреждавших, что не надо этого делать. Можно понять, насколько человеку надо, чтобы его когнитивная карта совпадала с реальностью. В сущности, это стремление заложено в любом живом существе, даже не обладающем таким высокоразвитым сознанием, как человек.

На психику человека оказывает огромное негативное влияние то обстоятельство, что он упорно продолжает подгонять карту и делает это до тех пор, пока уже не сможет отрицать очевидного. Хилл рассказывает: «Этот процесс не происходит мгновенно. Сначала человек теряет ориентацию: “Ничего себе, а я-то уже не в Канзасе!” Потом он перестает видеть в окружающем лесу знакомые ориентиры».

Выживание организма во многом зависит от того, насколько совпадают две карты: его когнитивная и реальная. Если они не совпадают, то гиппокамп продолжает упорно трудиться, а в это время миндалевидное тело, со своей стороны, посылает тревожные сигналы – и человек будет чувствовать, что должен двигаться дальше.

Начинается паника, развивается клаустрофобия, человек попусту расходует силы, потому что не идет туда, куда ему надо попасть. Большинство из нас, не зная этих внутренних процессов, не понимают, что с ними происходит, и потому не в состоянии трезво оценить ситуацию. Человек начинает чувствовать себя так, словно сходит ума. (Согласитесь, сумасшествие вполне укладывается в данную схему: неспособность согласовать реальность с ее отражением в мозге.) Результаты осознания того, что реальность и представление о ней не сочетаются, могут быть самыми серьезными. Психологи считают, что одной из важнейших человеческих потребностей с момента рождения является желание того, чтобы на человека смотрели. Во всем мире матери с характерным наклоном головы подолгу смотрят в глаза своим младенцам. На человека смотрят, значит, он является реальным, он существует. Частично страх потерявшегося человека объясняется подсознательным протестом против того, что его больше никто не видит.

С древних времен люди понимали, что переход из состояния защищенности, предоставляемой обществом, в дикую природу может сильно нарушить баланс эмоций и разума. Этот переход иногда вызывает измененные состояния сознания, галлюцинации и даже смерть. Считается, что зафиксированное в 1684 году английское слово *bewildered* (озадачивать, ошеломлять, сбивать с толку, корень *wild* – дикая местность, дебри, непроходимый лес) происходит от архаичного глагола *wilder* (сбивать с пути, идти наугад; сбивать с толку, вводить в заблуждение). Даже в современном толковом словаре Уэбстера значение слова *bewildered* во многом сохранило изначальный смысл:

Bewilder, гл.; *bewildered*, прош. вр.; *bewildering*, прич. наст. вр. [датск. *forvilde* – ставить в тупик; нем. *verwildern*; англ. – сакс. *wilde*, *wild* – дикий].

1. Сбить с толку, одурманить, озадачить.
2. Дать человеку возможность потеряться в диком месте (арх.).

Синонимы: изумить, поразить, смутить, привести в замешательство, мистифицировать, озадачить, дезинформировать.

Bewilderment, сущ.

1. Факт или состояние, означающие смущение, замешательство; хаотическое состояние ума, затруднение.

Wild, прил. [среднеангл. *wilde, wiede*, от англ. – сакс. *wild* – дикий, удивленный, сбитый с толку, смущенный].

Современные психологи, описывая смятение, которое может охватить человека в условиях дикой природы, применяют термин «лесной шок» (*woods shock*), впервые введенный в оборот в 1873 году, когда его использовали в публикации журнала «Природа» (*Nature*).

Кеннет Хилл подтвердил мне это: «“Лесной шок” – это специальное выражение, обозначающее полную потерю ориентации. В этом состоянии жертва теряет всю рациональность ума, которая у нее была раньше». В наиболее тяжелых случаях подобного шока совершают необъяснимые поступки даже те, кто имеет большой опыт взаимодействия с природой: туристы бросают рюкзаки, охотники – свои ружья. Вспомним Киллипа, который не стал сооружать никакого укрытия и разводить огня.

Последние открытия в нейробиологии показали: «лесной шок» представляет собой эмоциональную реакцию на «разночтение» когнитивной карты и карты реальной. Утопающий, хаотично бьющий по воде руками и ногами, вряд ли спасется, но надо понимать, что это естественная реакция организма. Гораздо выше шанс выжить у тех, кто спокойно плывет по течению.

ЛЮБАЯ ТАКАЯ СМЕРТЬ СЛУЧАЕТСЯ от сочетания ряда факторов: истощение, обезвоживание, переохлаждение, голод, травмы, – но в конечном счете причиной всех смертельных исходов в природных условиях является состояние смятения. «Лесной шок» привел к тому, что Киллип действовал необдуманно и без плана. Сочетание душевного напряжения, возбуждения и неправильных действий привело к тому, что эмоции и разум превратились в двух утопающих пловцов, которые упорно тянули друг друга ко дну.

Из этого мы делаем вывод, что состояние потерянности никак не связано с местоположением. На самом деле это трансформация и сбой ума. Чувство потерянности может возникнуть как в лесу, так и в обыденной жизни. Люди инстинктивно это понимают. Мужчина в летах оставляет прекрасную семью ради молодой женщины. Его жизнь летит к чертям. О таком говорят: он сбился с пути, потерял ориентиры. Если он не разберется с этой ситуацией, то и сам себя потеряет. Подобное может происходить и с целыми организациями.

Исследователи считают, что потерявшийся человек проходит пять психологических стадий:

Первая стадия – отрицание. Человек не признается самому себе, что он потерялся; продолжает с еще большим упорством двигаться вперед; не теряет надежду, что рано или поздно его когнитивная карта совпадет с реальной действительностью.

Вторая стадия – гнев, осознание, паника. Человек понимает, что заблудился; вопрос выживания приобретает неотложную актуальность. Он перестает трезво оценивать ситуацию; его действия теряют осмысленность, становятся хаотичными, непродуктивными и даже опасными.

Третья стадия – планирование, заблуждение. Эмоции идут на убыль – часто вследствие физического истощения и ранений. Заблудившийся принимает план действий для нахождения места, которое соответствует его когнитивной карте, – это порочная стратегия, поскольку вводит в заблуждение еще больше, ведь такого места нет. Идет торг с судьбой.

Четвертая стадия – разочарование и угасание. Поскольку новая стратегия не дает результатов, в человеке постепенно исчезает способность мыслить и чувствовать.

Пятая стадия – гибель или спасение. Силы человека на исходе; он смиряется со своей судьбой.

Хотите вы этого или нет, но, чтобы спастись, надо создать новую когнитивную карту. Выбор простой – стать Робинзоном Крузо или умереть. Для выживания в первую очередь необходимо обрести себя. После этого уже не так важно, где вы находитесь.

Приведенные стадии потерянности имеют отношение далеко не только к прогулкам в лесу. Компания Xerox игнорировала сигналы об изменении в окружающей среде и информацию своего исследовательского центра в Пало-Альто. Компания вывела на рынок в 1954 году новую модель копировального аппарата Xerox 914, которую журнал Fortune назвал «самым успешным продуктом на американском рынке». Xerox продала этих аппаратов к 1969 году на один миллиард долларов. Успех ударил в голову руководителям, состояние которых уже в начале 1970-х можно описать как первую стадию потерянности – стадию отрицания. Мир менялся, но руководство не желало этого замечать. На собрании акционеров в 1971 году были произнесены

слова, которые чуть не довели компанию до банкротства: «Мы в состоянии обеспечить все информационные потребности». Руководство Хегох решило вступить в борьбу с IBM, хотя все говорило о том, что компания проиграет. Руководство Хегох можно сравнить с водителями снегоходов, которые дали волю эмоциям и помчались вверх по склону, несмотря на то что знали о серьезных последствиях этого выбора. И те и другие занимались «подгонкой карты».

Хегох потратила один миллиард долларов на приобретение компьютерной компании и открыла исследовательский центр в Пало-Альто, сокращенно PARC. Всего за пять лет компания потеряла восемьдесят пять миллионов долларов. За это время ученые PARC создали компьютерную мышь, Ethernet, графический интерфейс, тонкий монитор и лазерный принтер – то есть все то, на чем богатели другие компании. Руководители Хегох, создавшие когнитивную модель мира, не соответствующую реальности, упустили всё и не увидели ни копейки от изобретений своих сотрудников.

В отличие от Кена Киллипа, Хегох все еще бродит по своему лесу.

Стадии потерянности очень похожи на пять стадий умирания, которые описала американский психолог Элизабет Кюблер-Росс, автор книги «О смерти и умирании»[\[35\]](#) (On Death and Dying): отрицание, гнев, торг, депрессия и признание своей участи. В конечном счете результат одинаковый. Джон Лич так пишет в книге Survival Psychology («Психология выживания»):

После достижения стадии психологического распада смерть уже совсем рядом. У людей есть совершенно реальная способность умирать спокойно и часто быстро без какой-либо органической причины.

Поэтому вполне вероятно, что смерти, официально признанные как смерти из-за переохлаждения, могли иметь совершенно другую причину, скрытую от всех.

Кеннет Хилл прекрасно знает о подобных случаях:

У меня есть фотографии с места события, свидетельствующие, что мужчина сначала снял брюки, ботинки, куртку, сложил их, положил бумажник на камень рядом, а потом улегся на свое смертное ложе из сосновых иголок. Его выражение лица и вся поза такие умиротворенные, что сложно поверить, что он мертв. Для меня это очень важные фотографии, поскольку я был координатором поисков

этого человека. Каждый раз, когда мне начинает казаться, будто я обалденный специалист по поиску и спасению людей, я их достаю, и самоупоение проходит довольно быстро.

Мы еще далеко не до конца понимаем, как работает человеческое сознание; как говорил апостол Петр, мы видим мир сквозь тусклое стекло [36]. Существует много факторов, влияющих на то, сколько информации мы можем воспринимать и как мы распоряжаемся этой информацией. Мы порой совершаем поступки, которые может позволить себе только человек, находящийся в полусознательном состоянии: терять ключи и не находить их у себя под носом; не замечать красного света светофора; забывать о кипящем чайнике; не оплачивать счета по дому и многое другое. Последствия таких действий не самые серьезные. Но когда человек попадает в чуждые и враждебные ему условия, цена ошибок совсем другая.

Мы оставили Киллипа у подножия горы Терра Тома, где он переждал снежную бурю, – это было на третью ночь после того, как он заблудился. Он уже пережил стадии отрицания (спуск не по тому склону, который ему был нужен), паники (когда он пытался забраться на вершину по крутому склону горы) и планирования (попытка вернуться по старому следу). Киллип достиг предпоследней стадии – стадии угасания. Но он не сдался.

Приятно, что случаи «выздоровления» случаются довольно часто (это относится и к компаниям, и неудачным бракам, и болезням, и потерянными душам). Среди нас есть люди, выживающие в любых ситуациях, есть и беспомощные жертвы, готовые сдать при первой сложности. Однако подавляющее большинство не относится ни к той, ни к другой категории. Сначала мы не очень хорошо справляемся с задачей, но потом приходим в себя, собираемся с духом, начинаем трезво мыслить и правильно действовать. Такого подхода для выживания вполне достаточно. Как говорил мой отец: «Правильная посадка – это когда ты уходишь от самолета на своих двоих».

Киллип собрался с духом и с мыслями. Он надел высокие сапоги для рыбной ловли и начал ходить, чтобы согреться. Развел костер и сделал себе укрытие из мешков для мусора. Все это следовало сделать в первую ночь, но лучше позже, чем никогда. Следующие два дня он оставался в своем лагере и привыкал к окружающей среде, то есть вплотную занимался собственным выживанием. Киллип дошел до

четвертой стадии, то есть до той тонкой грани, разделяющей живых и мертвых, но он не покорился, а прагматично принял ситуацию, в которой оказался. Он даже научился восхищаться миром, в который попал. И начал создавать когнитивную карту окружающего его мира. Киллип стал сам себя спасать, применяя первое и самое главное жизненное правило: *будь здесь и сейчас*.

Пятая и последняя стадия может оказаться началом новой жизни или в буквальном смысле слова последней стадией жизни настоящей. Некоторые сдаются и умирают. Другие перестают отрицать и начинают выживать. Для этого не надо быть особенно подготовленным человеком – большим спортсменом или рейнджером. Не надо быть перфекционистом. Надо просто начать *делать* и следующий шаг сделать правильно.

Киллип признал реальность и создал когнитивную карту того пространства, где находился, а не того, куда стремился всей душой. После этого он мог нормально функционировать. В пятый и последний день его страданий над ним пролетел вертолет. «Он был так близко, что мне казалось, будто я могу попасть в него камнем. Вертолет улетел, и я очень расстроился», – вспоминал он потом.

Кто хочет выжить, должен отбросить надежду на то, что его спасут, забыть свой старый мир и принять новый. Это одна из самых сложных задач, стоящих перед человеком. Другого пути, чтобы успокоить свой ум, не существует. Попав в лагерь для военнопленных, мой отец именно так и поступил, – он сделал его своим миром. Дугал Робертсон, тридцать восемь дней проведенный вместе с семьей в море на дрейфующем паруснике, рекомендовал такой же умственный настрой: «Спасение придет, как приятное приветствие... и прервет, наконец, ваше путешествие на выживание».

Пилот вертолета все-таки заметил синюю куртку, которую Киллип повесил на сук, и направил спасательную группу к этому месту. Киллип, по его собственным словам, похудевший «за пять дней на пятнадцать килограммов», перенес две операции на коленных суставах. Он до сих пор продолжает ходить в походы по лесам и признается: «Теперь я всегда беру с собой компас, карту и набор вещей, необходимых для выживания. И очень внимательно отношусь к тому, с кем идти в поход. Если у меня появляется предчувствие, что что-то не так, я остаюсь дома».

КТО ВЫЖИВЕТ, А КТО ПОГИБНЕТ, предсказать практически невозможно. Кеннет Хилл, изучавший вопросы выживания среди представителей разных демографических групп, говорит:

Очень часто выживают не те, кто, казалось бы, должен выжить. Иногда выживает девушка, у которой нет никакого опыта, а охотник, много времени проведенный в лесу, может сдаться и умереть за одну не слишком холодную ночь. Удивительно, но очень высокая выживаемость среди детей до шести лет, то есть именно у тех, за чью жизнь мы волнуемся больше всего.

Маленький ребенок охлаждается намного быстрее взрослого, но в одинаковых условиях именно дети этой возрастной группы, до шести лет, выживают чаще опытных охотников, физически подготовленных туристов и даже бывших военных и моряков. В то же время к категории людей, которая хуже остальных выживает в природных условиях, принадлежат дети следующей возрастной группы – от семи до двенадцати лет. Очевидно, неопытные и слабые малыши обладают чем-то таким, что оказывается сильнее опыта и знаний.

Ученые не в состоянии точно ответить на вопрос, в чем их секрет. По моему мнению, секрет заключается в особенностях детской психологии и физиологии. В раннем возрасте еще не развились определенные способности мозга. Например, у маленьких детей не формируются такие когнитивные карты, которые создают взрослые. Они не до конца понимают, что значит следовать из пункта А в пункт Б, поэтому не бегут сломя голову, чтобы увидеть то, что находится вне поля зрения в данный момент. Они в большей степени следуют своим инстинктам: если им холодно – они заползают в дупло дерева и греются; если устают – отдыхают; если им хочется пить – пьют. Они стараются устроиться поудобнее, и это помогает им выжить. Маленькие дети руководствуются инстинктами и интуицией, поэтому их иногда бывает сложно найти. Существует не один документированный случай, как дети прятались от поисковых групп. Один из таких детей сказал, что услышал лай собак и «испугался койотов». Другой испугался одноглазых монстров – людей с фонарями на головах. К счастью, в обоих случаях дети были найдены. Еще один секрет маленьких детей: они, не имея по сравнению со взрослыми развитых способностей создавать когнитивные карты, не стараются

«подгонять» те карты, которыми обладают. Возможно, они с большей легкостью создают новые когнитивные карты.

Дети в возрасте от семи до двенадцати лет обладают уже многими характеристиками взрослых, в том числе такими, как способность создавать когнитивные карты. Однако оценивать ситуацию, как взрослые, они еще не умеют. Им сложнее контролировать эмоции и прислушиваться к голосу разума. Они быстрее начинают паниковать и бегать в поисках более короткого пути. Когда тропинка заканчивается, они продолжают идти вперед, забывая о жажде, голоде и холоде, и идут до тех пор, пока не падают. Дети этой возрастной группы так стремятся быть похожими на взрослых, что подавляют в себе те инстинкты, которые могли бы им помочь. Быть спокойными и невозмутимыми они еще не научились. Многие из них не в состоянии найти себе еду и устроить какое-то пристанище. Один инструктор по выживанию сказал мне, что дети из неблагополучных районов выживают лучше тех, кто вырос в престижных пригородах, – «неблагополучные дети по натуре своей большие хищники». Дети от семи до двенадцати лет, чей мозг уже умеет создавать когнитивные карты, знают о разных «секретных» маршрутах и понимают: если хочешь дойти быстрее, надо срезать часть пути. Однако они знают меньше среднестатистического взрослого, а недостаток знаний является опасным фактором. Потерявшийся ребенок в таком возрасте может на полном бегу пересечь асфальтированную дорогу и даже этого не заметить.

Нам хочется верить, что образование и опыт дают нам больше возможностей. Оказывается, в некоторых случаях это совсем не так. Много лет я делал все, чтобы быть таким, как мой отец. Я ходил на курсы выживания, чтобы научиться этому мастерству, сохранив все инстинкты ребенка. Мне кажется, что из-за риска, на который я шел в детстве, из-за стремления стать спокойным и невозмутимым я сбился с жизненного пути. В свое время я много думал о дзенской концепции ума начинающего, то есть ума, который остается открытым, несмотря на долгие годы обучения. Дзенский мастер Синрю Судзуки писал: «Ум начинающего видит много возможностей, а ум мастера – всего лишь несколько».

Глава 10

Вылепленные из правильного теста

НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА 1971 ГОДА Джулиана Кёпке вместе со своей матерью и еще 91 человеком находилась на борту самолета Lockheed L-188 Electra. В самолет ударила молния, Джулиана упала в перуанские джунгли. Ей было семнадцать лет, она была в платье для католической конфирмации и туфлях на высоких каблуках. Ей повезло: она отделалась порезами и сломанной ключицей. Позже она рассказала, что, сидя в салоне самолета, почувствовала «сильный удар» и начала падать.

Джулиана вспоминает: «С высоты я посмотрела вниз и подумала, что деревья в джунглях похожи на цветную капусту». Все, кто понимает, что такое выживать, оценят реакцию девушки, которая не кричала и не паниковала. Она восхищалась новым миром, в котором оказалась. Даже во время падения она воспринимала окружающую среду. Во всем она проявляла удивительную невозмутимость.

Джулиана продемонстрировала черты характера, свойственные той категории людей, которые умеют выживать. Американский солдат Билл Гарлеб, прошедший марш смерти на полуострове Батаан на Филиппинах [\[37\]](#), писал, что в то время его чувства обострились и он с изумлением и радостью слушал пение птиц и ощущал запахи джунглей.

После падения самолета кроме Джулианы в живых осталось еще около десяти пассажиров. Однако их отношение к ситуации, а следовательно, и поведение оказались совсем другими.

Джулиана очнулась в джунглях на следующий день после катастрофы. Она все еще была пристегнута к креслу. Матери, которая в самолете сидела рядом, девушка не обнаружила. Всю ночь Джулиана пряталась от дождя под своим креслом. На следующее утро она услышала звуки пролетающих над ней вертолетов и самолетов, однако поняла, что ее никто не увидит из-за густой кроны деревьев. Джулиана решила, что ей самой надо выбираться из джунглей. Это очень важный момент – девушка не стала сетовать на судьбу и тратить время попусту. Она поняла серьезность ситуации, взяла на себя ответственность и выработала план действий.

Родители Джулианы были исследователями, работавшими в джунглях, поэтому девушка была знакома со средой, в которую попала. Однако она не проходила никаких курсов по выживанию. Она не знала, где находилась, и не представляла, в какую сторону идти, но

вспомнила, как отец учил ее: если пойти в низину, то рано или поздно выйдешь к воде. Он говорил, что реки обычно выводят к поселениям. И хотя таким образом можно выйти и к болоту, у девушки появился план, в который она поверила. И этот план надо было выполнять.

Остальные выжившие решили дожидаться, пока их спасут, что в принципе тоже является не самым плохим планом. Но отказ от собственной ответственности в надежде на спасение со стороны может оказаться смертельным. В книге *Alive: The Story of the Andes Survivors* («Живые. История спасшихся в Андах») Пирс Рид пишет о пассажирах самолета, упавшего в Андах, которые решили ждать помощи и никуда не двигаться. Многие умерли, остальные начали есть друг друга, чтобы не умереть от голода. Все закончилось тем, что кто-то из пассажиров покинул место катастрофы, нашел людей и попросил о помощи.

У Джулианы не было ничего, кроме нескольких конфет и печенья, которые она нашла среди обломков самолета. У нее не было никаких инструментов, компаса и карты, то есть того, с чем учат обращаться на курсах по выживанию. Но это ее не остановило. Она тронулась в путь, отдыхая в жаркое время суток и двигаясь вперед, когда температура опускалась. Одиннадцать дней она шла по густым джунглям. К ее телу присасывались пиявки, а тропических насекомых проникали под кожу, откладывали там яйца, превращавшиеся в червей, которые поедали ее плоть и выходили наружу через кожу.

В конце концов она вышла к хижине на берегу реки, вдоль которой шла. Она зашла внутрь и упала на пол. В критических ситуациях многое зависит от удачи. Джулиане повезло – на следующий день в хижине появилось трое местных охотников, они-то и отвели ее к врачу. Как говорил Луи Пастер, «удача помогает тому, кто к ней готов».

Эта юная девушка, потерявшая мать, проявила твердость характера и трезвость мысли – и спаслась. За те одиннадцать дней, которые потребовались ей, чтобы выйти к людям, все остальные уцелевшие пассажиры успели умереть.

Ни Джулиана, ни остальные пережившие аварию люди не были в состоянии повлиять на силы, из-за которых они оказались в джунглях. Однако все дальнейшие действия явились результатом их личной реакции на окружающую среду.

На первый взгляд кажется нелогичным, что семнадцатилетняя неподготовленная к серьезным испытаниям девушка выжила, а десяток взрослых людей, у которых было больше опыта, – нет. Но по мере изучения проблемы выживания я постепенно начинал понимать, почему именно Джулиана. Такие вопросы, как разведение костра, постройка убежища, нахождение еды, подача сигналов и ориентация на местности, имели второстепенное значение. Мы не знаем, что думали остальные пассажиры, но, скорее всего, они решили, что надо оставаться на месте и ждать помощи. Они следовали правилам, и это привело их к гибели.

Во время трагедии 11 сентября погибло много людей, привыкших следовать правилам и делать то, что говорят власти. Один сотрудник страховой компании Aon, располагавшейся на 93-м этаже Южной башни, начал спускаться вниз, но, услышав объявление сотрудников службы охраны, что со зданием ничего не произойдет и все должны оставаться на своих местах, вернулся. Перед смертью он говорил по телефону со своим отцом и сказал: «Зачем я их послушал! Не надо было этого делать». Один сотрудник Fuji Bank дошел до холла на первом этаже, но служба охраны отправила его назад в офис. Еще один человек позвонил своей семье и наговорил на автоответчик: «Никуда не могу идти – нам сказали оставаться на своих местах до прибытия пожарных».

Джулиана принимала собственные решения. Не буду утверждать, что она отличалась особой смелостью. Вопрос выживания никак не связан со смелостью и героизмом. Можно быть каким угодно героем, но не выжить. Те, кто остается в живых, по определению не умирают. Джулиана боялась всего – пираний, когда шла в воде, насекомых и их личинок, которые жили у нее под кожей, а также настоящих и выдуманных лесных монстров. Те, кто выживает, отнюдь не бесстрашные герои. Они превращают страх в ярость и концентрируются на том, что им надо сделать.

Поисковиков всегда поражает, что рядом с мертвыми часто оказывается все необходимое для выживания. Джон Лич пишет:

Трупы были найдены на плоту, там же находился нераспечатанный ящик со всем необходимым для выживания: сигнальными ракетами, едой, аптечкой и многим другим. Жертвы не воспользовались тем, что имели под рукой.

Кеннет Хилл рассказывает о своем опыте операций по поиску и спасению потерявшихся людей в Новой Шотландии:

Некоторые сдаются. Я занимаюсь этим вопросом уже пятнадцать лет и не могу понять, почему это происходит.

Джулиана спаслась благодаря своей внутренней силе и правильному настрою. У нее ничего не было из вещей и нужных предметов, но внутренне она была готова к испытаниям. Наш жизненный опыт подготавливает нас ко многому: как мы перенесем тяжелый развод, конец карьеры, болезнь или последствия несчастного случая, экономический спад, войну, концентрационный лагерь, смерть любимых или то, что мы потерялись в джунглях. Мне пришлось пройти курс по выживанию, чтобы самому понять, что значит потеряться в джунглях.

МОЙ ДРУГ ЮНАС ДОВИДЕНАС родился в 1939 году в литовском городе Каунасе. Спасаясь от наступления советских войск в 1944 году, его родители уехали в Германию. Он находился в лагере в Ингольштадте, который бомбила Восьмая армия ВВС США и в которой служил мой отец. В Америку его семья переехала в 1949 году. Когда Юнас знает, что увидит моего отца, он неизменно надевает бейсболку с эмблемой ВВС, очень похожую на ту, в которой мой отец посещает встречи ветеранов своей группы бомбардировщиков. Правда, на кепке Юнаса еще крупными буквами написано «Жертва бомбардировки».

Юнас окончил Брауновский университет, изучал фотографию в Школе дизайна на Род-Айленд и Институте дизайна при Иллинойском технологическом институте в Чикаго. Именно он познакомил меня в 1969 году с редактором той газеты, где я получил свое первое журналистское задание. С тех пор мы много вместе путешествовали, он фотографировал, а я писал текст.

Юнас стал моим первым пассажиром, как только я получил права на управление самолетом. Юнасу так понравилось летать, что он своими руками построил копию истребителя «Сокол»^[38], на котором и облетел всю страну. Я люблю путешествовать с Юнасом, потому что он тот, кто умеет выживать. Он молодец. Я назвал своего сына его именем.

Когда я решил пойти на курсы по выживанию, то, естественно, пригласил и Юнаса. Мы поднялись в небо с аэродрома в Питтсфилде,

штат Массачусетс, и долетели до Линчбурга в Виргинии. Вылезая из кабины на крыло самолета, я увидел нашего инструктора Байрона Кернса, который возглавлял школу выживания «Горный пастух» (Mountain Shepherd). Керн подходил к нам вразвалочку по взлетной полосе. На поясе висело полуметровое мачете, а на лице была жуткая ухмылка. Байрон двенадцать лет прослужил в армии и даже был морским пехотинцем. Он работал в известной школе выживания ВВС в штате Вашингтон. Первой мыслью, когда я увидел его, было: «Вот мы влипли».

В тот вечер Байрон объяснил нам, что на следующее утро мы выдвинемся в лес и будем несколько дней учиться работать с картой и компасом, а также тому, как разводить костер, строить убежище и подавать сигналы. Мы научимся находить воду или добывать ее из воздуха. О еде нам не придется беспокоиться, потому что, согласно установкам ВВС, пилотов должны найти в течение трех дней. Как выразился Байрон: «Ваша задача – остаться в живых в течение 72 часов». Когда инструктор ушел, раздался вздох Юнаса: «Этот парень нас поимеет по полной».

Рано утром каменистой тропой мы пошли через холмы. Кернс часто останавливался и обращал наше внимание на что-нибудь красивое или интересное. Он говорил тихо и мягко, словно в церкви. Много шутил, часто смеялся сам. Он подолгу мог не двигаться и думать, дымя сигаретой. Он совершенно не был похож на сержанта, в хвост и в гриву гоняющего новобранцев. В качестве первого задания он попросил нас развести костер. Через несколько минут после этой просьбы огонь уже горел всюю. Кернс начал рыться в своем рюкзаке, и когда он посмотрел на костер, то пламя уже поднималось на метр от земли. «Эй, эй, эй, – засмеялся Кернс, – не так сильно. Я просто хотел узнать, можете ли вы зажечь костер. Некоторые не умеют». Потом он аккуратно растащил горящие сучья и потушил костер.

Байрон Кернс оказался мягким, вежливым, жизнерадостным и даже нежным человеком. Он двигался медленно, никогда не торопился и всегда внимательно оценивал окружающую обстановку и собственные возможности. В нем не наблюдалось заразительного энтузиазма. Он был спокоен, как слон, и чем-то напоминал мне отца. Как многие бывшие летчики, мой отец носил обувь на мягкой подошве, ходил медленно и говорил мягко. (Пилоты носят обувь на

мягкой подошве, потому что в ней легче давить на педали управления. В кабине военного самолета не стоит делать резких движений, поскольку рычаги управления очень чувствительны – если нажать на что-нибудь не то, то самолет может взорваться.) К подобному поведению пилотам приходится привыкать под страхом смерти, и такая манера сохраняется на всю оставшуюся жизнь. Кернс обладал мрачным и хорошим чувством юмора.

Кернс много времени провел на природе и входил в лес с чувством глубокого уважения и смирения, словно подходил к удивительному, но непредсказуемому и опасному животному. Как хороший пилот подходит к своему самолету.

Мы осваивали новые навыки, и он посвятил нас в то, что называется «позитивным психологическим настроем». Именно он, позитивный психологический настрой, стоял первым пунктом в перечне контрольных проверок перед полетом, который он нам выдал, – того самого контрольного перечня, который был разработан в американских ВВС.

– Наверное, позитивный психологический настрой – это что-то очень важное, – сказал я Юнасу.

– Да, но что это? – спросил мой друг.

– Думай о хорошем, и твоя душа будет спасена, – предположил я.

– По мне лучше бензопила и чизбургер; ну и, конечно, мобильный и GPS, – ответил Юнас.

Мы бродили по лесам, разводили костры, делали убежища, завязывали разные узлы и учились ориентироваться. Гигантские клещи безжалостно атаковали самые мягкие и нежные места на наших телах. Я задавал Кернсу один и тот же вопрос, но он не мог дать на него ответа. Никто не мог ответить на мой вопрос. Меня интересовало, почему кто-то умирает, а кто-то – нет. Никто не мог мне вразумительно объяснить. Без сомнения, у Кернса было свое понимание этого вопроса. «Вся разница не в том, что у тебя в рюкзаке, а в том, что у тебя вот здесь», – говорил он и бил себя в грудь. До этого мы вроде бы хорошо понимали, почему Том Вулф назвал свою книгу «Нужная вещь»^[39] (The Right Stuff). А теперь получается, что ее следует переименовать в «Позитивный психологический настрой».

Кернс признался нам, что сам в молодые годы не обладал необходимыми для выживания качествами. Он их выработал. В начале

своей службы в ВВС он в качестве руководителя группы вывел несколько летчиков для подготовки по выживанию в горы в окрестностях города Спокан в штате Вашингтон, но, по его словам, «он тогда был совсем неопытным и неправильно оценил ситуацию». В те времена он, этакий мачо-инструктор, любил погонять своих новобранцев – именно такой его образ у меня сложился после нашей первой встречи. Кернс тогда еще не был невозмутимо спокойным. Он лишь делал вид, что является таким.

Они переходили большое поле, покрытое мокрым снегом, идти было трудно. Летчики начали уставать, но Кернс безжалостно продолжал гнать их вперед.

Сейчас я понимаю, какую ошибку совершил тогда. Температура упала, пришла ночь. И вдруг все сдались. Они сели и потеряли желание идти дальше.

Обычной реакцией на любую наудачу является апатия. После такой вялости может быстро наступить полный психологический коллапс. Человек начинает переохлаждаться, безразличие нарастает, и в конечном счете человек может умереть.

Усталость чаще всего приходит совершенно неожиданно. Усталость – это физическое и психологическое состояние, и среди ученых не сложилось точного понимания механизмов этого процесса. Здесь они сталкиваются с такой же трудностью, как и с объяснением парадокса кучи. В мышцах, нервах и биохимических процессах нашего тела нет ничего, что может объяснить или предсказать появление усталости. Как только она появляется, человеку становится очень сложно от нее избавиться в условиях жесткой борьбы за выживание. Возникает не просто утомление. Усталость можно сравнить с духовным коллапсом, и, для того чтобы выйти из этого состояния, еды и отдыха определенно недостаточно.

После взрывного выброса энергии во время активности, которая иногда необходима для выживания, панического бегства, залезания на скалу или стремительного заплыва избежавший опасности чувствует себя словно женщина, которая только что родила. Он истощил все свои силы. Для окончательного восстановления могут потребоваться недели. Если человек не заботится о себе, усталость приводит к бессоннице, которая, в свою очередь, может закончиться неожиданным коллапсом. Физиологическая и психическая системы тесно

взаимосвязаны, ослабление одной приводит к ослаблению другой, поэтому крайне важно не надрываться, часто отдыхать и пить большое количество жидкости. Ошибка Кернса заключалась в том, что он «передавил» на летчиков.

В ситуации, грозящей гибелью, надо помнить, что человек располагает ограниченным запасом как воды, так и сил, которые уменьшаются каждый раз, когда он, собрав силы в кулак, совершает какое-либо действие. Необходимо очень экономно расходовать свои ресурсы, выбирать действия с минимальным риском и максимальным вознаграждением и вкладывать силы только в те действия, которые дают максимальную отдачу.

В подобных обстоятельствах люди часто недооценивают необходимость отдыха. Когда мы тренировались в использовании компаса и карты, Кернс часто останавливался, начинал осматриваться по сторонам и заводил с нами разговор. Я был в нетерпении и думал: «Ну, давай, давай, не тормози! Я знаю, куда идти!» Но Кернс не двигался с места. Он объяснил, что не стоит тратить больше шестидесяти процентов энергии, необходимой для поддержания нормального рабочего ритма, при этом следует часто пить и отдыхать. Если погода прохладная, а человек потеет, значит, он работает слишком напряженно и должен снизить темп.

Мне это напомнило курс, который я прошел с летчиками ВВС с целью отработки навыков управления военными самолетами. Я прослушивал утренний инструктаж и в нетерпении начинал ходить по комнате из угла в угол. В руках я нянчил летный шлем, словно любимое дитя, и не мог взять в толк, почему никто не отдает команды бежать к самолетам, проверять, хорошо ли накачаны шины шасси, и залезать в кабину. Все спокойно сидели на своих местах, словно им было некуда податься. Мой инструктор – мне тогда казалось, что прошло уже несколько часов, – медленно вставал, неспешно направлялся к двери и говорил: «Послушай, может, пора выбираться из этой дыры и немного полетать в паре с полковником? Поднимемся в воздух и отработаем маневр атаки где-нибудь над Хондо?» Инструктор произносил это таким лениво-спокойным тоном, будто предлагал пойти в кафе и выпить чашечку кофе.

Но вернемся к рассказу Кернса. Когда он понял, что летчики действительно сильно устали, то «встал на колени и начал молиться».

Как он заметил: «Очень важно иметь веру, если хочешь выжить».

Питер Лешак писал:

Вне зависимости от того, слышит нас Всевышний или нет, очень существенно, когда вы четко, словно в молитве, формулируете свои желания, потребности, грехи, заботы и цели. Любое действие надо предпринимать очень осознанно.

Занимающиеся вопросами выживания психологи полностью согласны с его словами.

Кернс вспоминает: «Я осознал, что могу убить этих летчиков. Могу угробить этих драгоценных летчиков, в которых ВВС вложило огромное количество денег».

По счастливой случайности рядом оказался покосившийся забор, и Кернс сделал из его досок костер. На самом деле любая случайность предоставляет новые возможности. Их только надо увидеть.

Огонь способен на удивительные вещи. Ты в лесу, тебе холодно, одиноко, ты потерялся. Но как только зажигаешь костер – ты дома, свет включен, ужин на столе. Когда зажгли костер, тьма ушла. Настроение летчиков мгновенно изменилось.

В ту ночь Кернс многое понял. Его уверенность и мастерство помогли летчикам не меньше, чем горящий костер. Летчики обрели надежду, и это помогло и самому Кернсу. Это важнейший психологический вопрос: помощь другим является лучшим способом обеспечить собственное выживание. Это помогает человеку забыть свою личность: свои привычки и свои страхи. Человек перестает быть жертвой и становится тем, кто спасает других. Это взаимосвязанные явления: ты видишь, что твое лидерство и энергия поддерживают других, отчего сам становишься более собранным и получаешь силы для того, чтобы бороться дальше. Многие люди, выжившие в критических ситуациях, говорили о том, что сделали это не для себя, а для кого-то другого (ради жены, матери, сына). Когда Антуан де Сент-Экзюпери потерялся в ливийской пустыне, мысль о жене придавала ему сил и помогала двигаться дальше.

Марк Гамба – фотограф, с которым я работал, – занимается сплавом на бурных реках. Мы вместе были на Маунт-Худ, и он рассказал мне историю, как однажды попал в «сито», то есть под лежащее поперек русла реки дерево. Чаще всего подобные случаи заканчиваются смертельно, потому что течение смывает человека под

ствол и не дает ему выбраться. Марк застрял под деревом. Когда он пытался подтянуться на руках и забраться на ствол, течение сносило его ноги, и он снова оказывался под водой. Ему удалось поднять голову над водой и вздохнуть, после чего течение снова снесло его. Силы были уже на исходе. Руки горели. В глазах начинала появляться темнота, потому что сетчатке не хватало кислорода.

«Я подумал о сыне. Как сильно я хотел его видеть», – вспоминает Марк. Он уже начинал терять сознание, но решил попробовать выбраться наружу в последний раз. Неимоверным усилием ему удалось подтянуться на руках и подняться на ствол дерева.

На 84-м этаже Южной башни Всемирного торгового центра за час до того, как здание обрушилось, Рональд Дифранческо встретил пожарного Брайана Кларка, который задавал людям вопрос: «Вверх или вниз?» Дифранческо пошел вверх в надежде на то, что выйдет на свежий воздух. Поднявшись вверх этажей на десять, он увидел людей, которые засыпали от усталости и густого дыма. Они не могли больше бороться и сдавались. Несмотря на то что сам Дифранческо тоже валился с ног, он решил: «Я должен увидеть жену и детей». Он встал, кинулся вниз по лестнице и успел благополучно выйти из здания.

Часто врачи и медсестры выживают лучше, чем остальные, потому что помогают другим. У людей этой профессии есть четко обозначенная цель. Наличие цели является важным элементом, необходимым для спасения. Впрочем, одной цели недостаточно, необходимо работать ради ее достижения. Как говорится, добродетель без добрых дел – это еще не спасение. Тот, кто хочет выжить, ставит небольшие, реалистичные цели и систематично их достигает. Вот откуда берется используемый в ВВС перечень контрольных проверок и правило, которому меня научил отец: планируй полет и лети по плану. При этом не стоит влюбляться в план. Следите за тем, что происходит вокруг, и при необходимости откажитесь от одного плана, чтобы принять другой.

Люди – это животные с животными инстинктами. Но у людей нет многих инструментов выживания: густого меха, когтей, клыков, способности летать или быстро бегать. Нашим коллективным инструментом выживания является культура. Люди лучше выживают группами. Они выживают потому, что у них есть когнитивные способности, которые помогают организовать членов группы,

например для охоты или совместной работы. Когнитивные способности сознательно ограничивают наш запас «звериной» силы. Когда когнитивное сознание отключается, люди способны показывать чудеса силы, которые в обычном случае нам недоступны. Весь секрет когнитивного сознания в том, что это механизм, модулирующий эмоциональные (физиологические) реакции.

В каждой культуре существуют ритуалы выживания. У американских индейцев есть ритуал поиска видения, во время которого молодой человек идет в дикую природу и голодает, чтобы получить это видение. Можно сказать, это и есть курс выживания, в котором человек не ест, не пьет и сидит на месте. При этом он совершенно уверен, что выживет.

Основные принципы выживания не изменились с далекой древности. Книга «Дао дэ цзин» разделена на две части: «Книга пути» и «Книга достоинства», которые можно рассматривать как две важнейшие составляющие, необходимые для выживания. Лао-цзы написал свою книгу как справочник для правителей, но точно с таким же успехом ее можно использовать как и справочник о работе мозга. Дисбаланс мозговой деятельности не приведет ни к чему хорошему, а гармоничное состояние ума поможет в любой жизненной ситуации. Об этом писали Эпиктет, Геродот и Фукидид, об этом говорится в Библии и Бхагавадгите. В Екклесиасте написано: «Есть ли в этом мире что-нибудь, о чем можно сказать: “Смотри, вот это новое”?» Тем не менее всегда хватает людей, даже не задумывающихся над тем, что под нашим небом нет ничего нового. Не грех снова обратиться к Джону Кеннеди: «И всегда найдется какой-нибудь сукин сын, который ничего не поймет».

А где наши американские ритуалы выживания? Организация скаутов была изначально задумана как школа выживания. Спорт – это обучение выживанию, тренировка силы, скорости, создания стратегии и способности переносить боль. В нашей истории достаточно примеров удивительной жизненной стойкости. Американский летчик ВВС Джеймс Стокдейл, сбитый в небе над Вьетнамом в 1965 году, неоднократно в лекциях рассказывал о том, как пережил семь с половиной лет в лагерях. «Для лагерной жизни важно пройти курс близкого знакомства с болью», – заметил он однажды. Он писал: «К

боли надо привыкать. Надо привыкать к наказаниям. Надо научиться все принимать с юмором».

Стокдейл пишет о том, что следует сохранять спокойствие. Он оставался спокойным, когда снаряд попал в управляемый им истребитель-бомбардировщик. Стокдейл был настолько спокойным, что летел, сняв неудобную кислородную маску.

Я чуть не врезался в землю, пока пытался надеть маску, мне надо было сообщить своему ведомому, что собираюсь катапультироваться. Какое невезение! Меня сбили во время моего первого вылета. Я был совершенно спокоен и внутренне приготовился к тому, что проведу в плену пять лет. Я понимал, что мы плохую кашу заварили в Юго-Восточной Азии, но не подозревал, что война может продлиться дольше.

В свое время спартанцы тренировали выносливость, позволяя лисам себя кусать. Для современных людей существуют курсы по выживанию, наподобие тех, которые ведет Кернс, на которых вопросы выживания в условиях дикой природы решаются со свойственной американцам изобретательностью.

Выживание, как и состояние потерянности, – это процесс трансформации. Если человек является прирожденным лидером, он доходит до конца своей личной эпопеи выживания с чувством уверенности, а не покорности. Многие из тех, кто смог выжить в опасной ситуации, становятся лучшими специалистами по поиску и спасению людей. Возможно, что подсознательно эти люди понимают: они могут получать удовольствие от жизни, помогая другим пережить то, что пережили сами. Все пережившие серьезную опасность, с кем я разговаривал, рассказывали о том, какой сложной оказалась их доля. При этом они часто вспоминали, насколько прекрасным было все то, что им пришлось пережить. Они ни в коем случае не поменяли бы этот жизненный опыт на другой.

Постепенно я начал осознавать, что смогу разобраться в феномене выживания, только когда получится до конца понять, *что именно* в ВВС называют «позитивным психологическим настроем». Потом я вспомнил об отце, который служил в ВВС. Может быть, именно там он научился своему «позитивному настрою»? Если так оно и было, отец об этом никогда не рассказывал. Может быть, это какое-то тайное знание, о котором летчику запрещено говорить? Мне казалось, что я

вот-вот разгадаю то, о чем стремился узнать всю жизнь. Наверное, в понятии «позитивный психологический настрой» лежит ключ к загадке, которую я так долго пытаюсь отгадать.

СУЩЕСТВУЕТ ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ШКОЛЫ ВЫЖИВАНИЯ. «Горный пастух» Байрона Кернса представляет более современное и технологичное направление. Обучение в вермонтской школе выживания на природе Марка Мури в Браттлеборо основано на знаниях коренных народов. Эти два направления на первый взгляд кажутся такими разными, но я думаю, что в них много общего.

Окончив курс Кернса, мы с Юнасом запрыгнули в самолет и взяли курс на Зеленые горы в Вермонте. В школе Мури нас завели в лес, где мы увидели группу детей, которые медленно и беззвучно шли, делая вид, что они олени. Детям было около восьми лет. Они прикладывали ладони к ушам, чтобы лучше слышать звуки леса. Инструктор громко разломил ветку, и дети моментально разбежались и скрылись. Первая моя мысль была, что если они делали бы это упражнение в Техасе, где я вырос, то всех их увезли бы на машине скорой помощи.

Потом дети собрались вместе, и Мури рассказал им историю, очень похожую на рассказ Джека Лондона «Костер». Мури закончил рассказывать о том, как главный герой замерз до смерти, и заявил: «Я только что упал в ледяную реку, промочил ноги. У нас только одна спичка. Мои ноги леденеют. Если вы через пять минут не разожжете костер, я умру. Вперед!»

Без лишних слов дети принялись собирать ветки и сучья, разложили их, и через четыре минуты пятнадцать секунд костер пылал. Дети справились с работой отлично, помогая друг другу. Но смысл этого упражнения был не только в том, чтобы научиться разжечь костер. Мури объяснил:

Мы учим детей наблюдательности и сопереживанию. Этим упражнением мы продемонстрировали то, о чем с ними разговаривали, – для борьбы за выживание требуется всплеск энергии. Надо работать быстро и слаженно. Они разложили костер и спасли мою жизнь. Может быть, им придется в будущем спасти чью-то жизнь по-настоящему. Они учатся ставить интересы группы выше своих собственных.

Мури – один из немногих людей в моей жизни, который выживет, даже если его забросят в глухой лес совершенно голым. Он настоящий

Робинзон Крузо, которого я мечтал встретить, перечитывая роман Дефо. Он даже немного похож на Робинзона на иллюстрациях первого издания книги. (Жизнь настоящего Робинзона не была такой сложной, потому что в его распоряжении был целый Walmart[40] продуктов и инструментов, которые он снимал с севшего на мель рядом с берегом корабля, включая порох, ружья и живой скот.)

Любопытно, что Мури выбрал именно этот рассказ Джека Лондона. Безымянный герой рассказа «Костер» не понимал, с какими силами вступает в борьбу, несмотря на то что его предупреждали. У него не появились вторичные эмоции, хотя ему напрямую говорили, что может произойти. У него был опыт выживания в экстремально холодных условиях, и он считал, что этого опыта будет достаточно. Его чаша была полна, и он не услышал мудрый совет, что не стоит в одиночку идти в тундру Аляски. Движение казалось ему более привлекательным, чем выжидание на месте, и он доверил свою жизнь нестабильной системе, состоящей из тела, температура которого должна поддерживаться на уровне тридцати шести и шести десятых градуса, и окружающей среды с температурой ниже сорока. Разница между этими температурами составляла более семидесяти градусов. Согласно второму закону термодинамики любая его ошибка могла привести к тому, что температура его тела начала бы стремительно падать, и это привело бы к смертельному переохлаждению. Он не смог предположить, что произойдет, когда случайно промочил ноги в ручье. Мгновенно его ноги оледенели. В стрессовой ситуации герой рассказа не заметил того, что разводит костер под деревом, на ветках которого скопилось много снега. Он имел дело с нелинейной системой, после нарушения баланса которой последствия увеличивались как снежный ком. Он столкнулся с парадоксом кучи.

Джек Лондон написал этот рассказ задолго до появления теории хаоса. Его история рассказывает о важных составляющих выживания:

На каждой ветке лежало много снега. Всякий раз, когда он отламывал сучок от ствола, дерево чуть-чуть сотрясалось – едва заметно для него, но достаточно сильно, чтобы вызвать катастрофу. Одна из верхних ветвей сбросила свой груз снега, который упал на ветви ниже, увлекая за собой их груз. Так продолжалось до тех пор, пока снег не посыпался со всего дерева. Этот снежный обвал внезапно

обрушился на человека и на костер, и костер погас! Человеку стало страшно... Потом он сделался очень спокоен.

У героя рассказа были опыт, умение и снаряжение. Его убило собственное отношение, неспособность найти баланс между эмоциями и голосом разума.

Он знал эти места. Он бывал на Аляске, когда температура падала до минус шестидесяти градусов, и выживал. Однажды, в такой же мороз, он промочил ноги, развел костер и выжил. Но при морозе ниже шестидесяти градусов система начала вести себя совершенно иначе, непонятным и незнакомым ему образом. Он и не предполагал, какие изменения могут произойти при такой критической температуре.

ВМЕСТЕ С МУРИ И ЮНАСОМ мы подошли к другой группе детей, которые разводили костер при помощи «сверления». Если честно, я никогда ранее не видел, как добывают огонь таким архаичным способом, и даже не верил, что это возможно. И вот я увидел десятилетнего мальчика Якова, у которого костер полыхал уже через десять минут. Я спросил его, сколько времени ему потребовалось на то, чтобы научиться, и он ответил: «Два года». С улыбкой Мури спросил Якова, считает ли он себя мастером, и Яков ответил: «Нет. Чтобы все это освоить, нужна целая жизнь». Яков говорил не просто об умении. Он имел в виду практики коренных народов, с помощью которых вырабатывается отношение тихого смирения. Эти практики предполагают неторопливое и вдумчивое исследование самого себя и окружающего мира.

В тот же день я начал учиться разводить костер подобным способом, на что ушло два тяжелейших дня. В первый вечер единственным моим чувством было раздражение этим маленьким Робинзоном Крузо, у которого огонь появлялся мгновенно, словно по волшебству. Расстроившись, я начал нервничать. У меня не было костра, у которого я мог бы согреться, а мой Робинзон не собирался его для меня зажечь. За весь день я съел один армейский паек и был голоден. Вместо костра у меня было немного липовой коры, несколько палочек, камень и комок бесполезного сухого трута. Я мечтал об огнемете, пицце и паре хороших музыкальных дисков. И очень хотелось выпить.

Только после того как я прошел школу Мури и успел все обдумать, то понял, что разведение костра – далеко не самое главное,

чему он учит на своих курсах выживания. Мури пытался научить меня пути видения и понимания окружающего мира и самого себя. Он учил находить нужные материалы, учил пониманию того, какой материал будет работать, а какой нет. Я не в состоянии изменить мир; единственное, что я могу изменить, – это самого себя. Чтобы в этом мире выжить, необходимо его видеть и понимать. Я должен был признать мир, в котором оказался. Я должен был успокоиться и начать в нем жить. Точно так же как в дзен-буддизме, боевых искусствах и стрельбе из лука, такое поведение поможет перенести восприятие и ощущения в настоящее, что помогло бы мне спокойно предпринять правильные действия. Не имеет значения, какие новые открытия в этой области сделают нейробиологи, ученики Мури точно не будут игнорировать тучу, которую я проморгал перед выходом на прогулку в национальном парке Глейшер. Каждый из учеников Мури увидит и почувствует тучу задолго до ее появления. Каждый из них задаст себе следующие вопросы: «Что несет мне эта туча?» и «Как правильно вести себя в этой ситуации?» Обучение Мури гарантирует, что они не потеряются и не умрут. Оно поможет создавать когнитивные карты, соответствующие реальным, поддерживать эмоции в гармонии с разумом, а также всегда держать глаза и уши открытыми.

Я лег спать. В тот вечер у меня не было контакта с природой. Безопасность, удобство и эффективность – вот наркотики современного мира. Однако я начинал понимать, что это и есть то самое обучение, которое в состоянии разбудить мое восприятие. Когда я начинал заниматься воздушной акробатикой на своем самолете, то боялся каждую секунду. Я поинтересовался у отца, как он делал так, чтобы ему было удобно во время бомбардировок. Мне казалось, он знает какую-то мудрость, которая может пригодиться и мне. «Смысл не в том, чтобы чувствовать себя удобно. Чувствовать себя надо *уверенно*», – ответил отец.

Вместе с Мури и Юнасом мы шли по лесу. Время от времени Мури останавливался и просил нас прислушаться к щебету птиц. Когда Мури сам прислушался, то сразу сказал: «Что-то происходит». Его тело напряглось, как у охотничьей собаки, а глаза быстро бегали из стороны в сторону, сканируя местность: «Послушайте, как птицы возбуждены. Птицы – это радары леса». Я вспомнил случай, как однажды я жил в палатке в национальном парке Биг-Бенд на границе

Техаса и Мексики. Вместе с естествоиспытателем по имени Анита мы вышли погулять в горы Чисос, чтобы скрыться от испепеляющей жары. В те дни на термометре в девять вечера было более сорока градусов. В такую погоду и в таком состоянии (обезвоженность и усталость) может произойти много неприятностей. Анита услышала отчаянно громкий крик голубой сойки и остановила меня рукой. Я поднял голову и увидел птицу, пение которой было похоже на плач. Плач по чему? Анита показала на тропу, на которой лежала огромная гремучая змея. Был бы я один, то обязательно на нее наступил бы. Анита оказалась начеку. Она прекрасно чувствовала окружающую среду и постоянно задавалась вопросом: «Что происходит?» А произошло следующее: гремучая змея только что съела птенцов голубой сойки.

В конце концов мне удалось разжечь костер при помощи «сверления» и трута. Увы, не буду утверждать, что заслуга принадлежит исключительно мне. Мури подбадривал меня и помогал во всем. Веретено, которое я крутил, вылетело у меня из рук, и уголек упал на землю. Мури аккуратно поднял его листком сухой травы и положил на пучок трута, который для меня подготовил. Я прикрыл трут руками и нежно подул на уголек. Пламя разгорелось, словно в сказке. Мне показалось, что я присутствую при рождении ребенка.

Точно так же как создание произведений искусства, способность разжигать огонь является нашим отличием от животных. Благодаря искусству и огню мы знаем то, что животные никогда не узнают. Я почувствовал себя волшебником. Горящая смоковница заговорила.

В ШКОЛЕ ВЫЖИВАНИЯ МУРИ участников ждут драма, страсти и поразительные открытия. Смысл занятий в том, чтобы укрепить связь сознания и выживания, помочь нам думать умом ребенка, дзенским умом, умом начинающего. Когда Мури сказал нам, что умеет идти по маршруту без карты и компаса, мы с Юнасом отнеслись к этому весьма скептически. Мы ведь только что прошли курс выживания, созданный для ВВС, в котором знание компаса и карты имело первостепенное значение. Однако Мури имел в виду не только то, что можно без карты и компаса идти по лесу. Он думал о понимании работы нашего мозга.

Мы шли по нехоженому лесу; Мури останавливался каждые десять или двадцать метров и обращал наше внимание на отдельные

вещи и детали, которые мы рассматривали и обсуждали. Мы достаточно далеко углубились в лес, когда Мури попросил нас закрыть глаза и указать в сторону нашего лагеря. Мы не смогли этого. Мы просто следовали за ним, а следовать за кем угодно – не самая лучшая идея. Мы не шли своей собственной дорогой и в результате потерялись.

Мури показал нам место, в котором мы в последний раз до того остановились и разговаривали. Это место было хорошо видно оттуда, где мы стояли. «Помните, что там мы говорили о лозе кисло-сладкого вкуса?» Тогда мы отрезали лозу, из которой можно делать снасти для ловли рыбы. Мы вернулись к тому месту. Мури указал на другое место, где он показывал мне, как ходили и смотрели американские индейцы и австралийские аборигены. Первую технику он назвал «лисьим шагом», а вторую – «глазами совы». Когда он показывал эти приемы, я заметил, что все его тело напряглось, словно пришло в боевую готовность, которую я уже видел в Мури тогда, когда он слушал щебетание птиц. Он сказал, что они помогают человеку войти в измененное состояние восприятия. Мы вернулись на то место. Оттуда мы увидели другое место, где нам когда-то показалось, будто мы нашли отпечаток копыта оленя, что на самом деле было входом в норку мыши-полевки. Там мы присели на корточки и обсудили разницу между полевками, кротами и обычными мышами.

Так постепенно, шаг за шагом, от одного разговора к другому, мы смогли вернуться тем путем, которым пришли. Мы вспомнили не только места, но все, что мы делали и говорили в каждом из них. Мури показал нам, как в совершенно на первый взгляд однородном лесу искать знаки, которые, как дорожные указатели, помогут найти дорогу домой. Он дал нам способ, с помощью которого мы могли без усилий создать когнитивную карту местности.

«Это называется “тропы песен” – древняя практика, с помощью которой прокладывали маршрут австралийские аборигены», – объяснил Мури.

Английский писатель Брюс Чатвин в своем романе-путешествии *The Songlines* («Тропы песен») рассказал об австралийских аборигенах и их «тропах песен»:

...[Он] узнал о лабиринте невидимых троп, которые опутывают всю Австралию. Эти тайные тропы известны европейцам как

«Маршруты Сновидений», или «Тропы Песен»; сами аборигены называют эти дороги «Следами Предков», или «Путем Закона».

Туземные мифы о сотворении мира рассказывают о легендарных существах-тотемах, которые во Время Сновидений скитались по всему континенту, выпевая имена всего сущего, встречавшегося им по пути, – птиц, зверей, растений, скал, источников, – и благодаря этому пению мир обретал существование.

Песня... являлась одновременно и картой, и радиопеленгатором. Если хорошо знаешь песню, то найдешь дорогу в любом месте страны.

«Тропы песен»[\[41\]](#).

«Если вы будете так делать в лесу, то никогда не потеряетесь», – заверил нас Мури.

Сначала я не без иронии отнесся к идее, что надо изображать из себя оленя, сову или лисицу. Но когда через несколько недель я позвонил Мури, то оказалось, что он прекрасно помнил все маршруты, по которым мы шли. Он вспоминал отдельные упавшие деревья, место, где рос японский спорыш, и как ветер шевелил листья на кленах. «Пойми, я совершенно не старался все это запомнить. Это древний инстинкт, который сохранился и в наши дни», – сказал он. Мури открыл мне способ, при помощи которого можно сделать так, чтобы когнитивная карта всегда соответствовала карте реальной. Компас и обычная карта являются искусственными и абсолютно функциональными способами ориентации в пространстве. Но в этом способе... в нем чувствовалась настоящая глубина. Это была центральная нервная система аборигенов, и в ней были задействованы имплицитные, а не эксплицитные нервные схемы, при помощи которых карта сохранялась в подсознании.

Каждый ребенок в школе Мури выбирает в лесу свою «невидимую тропу». Мури просит детей каждый день проводить в этом месте какое-то время. Он объяснил, для чего это надо:

Это задание выполняют в любое время года. Упражнение помогает остановиться и подумать, научиться быть спокойным и пребывать в одиночестве. После него ученики никогда не будут воспринимать лес как что-то инородное и чужое. И если они потеряются, то не станут паниковать.

При наступлении чрезвычайных обстоятельств люди переключаются на автоматическое поведение и начинают использовать

имплицитные знания. Дети, прошедшие школу Мури, будут автоматически поступать правильно. И они никогда не потеряются.

ПОСЛЕ ОБУЧЕНИЯ У МУРИ я вернулся домой, полный энтузиазма, однако скоро понял: чтобы добиться успехов в его учении, потребуется целая жизнь. Сам Мури говорил, что необходимо минимум пять лет, дабы знания стали помогать выживать в лесу, – и даже в таком случае это будет только начало.

Тем не менее даже те, кто не готов потратить столько времени, могут выиграть от полученных знаний. Кен Хилл говорил мне, что можно без фанатизма научиться новой внимательности, полезной в природных условиях. Можно за несколько недель освоить работу с компасом и картой. Приучить себя часто оборачиваться, чтобы лучше запомнить, где ты находишься. Развивать внимательность. Если ты стоишь на развилке дорог, надо оглянуться, найти глазами какой-нибудь ориентир или деталь и запомнить их. Лучше всего вслух проговаривать то, что ты видишь, и постараться запомнить. Не обязательно стремиться к совершенству – достаточно того, что ты просто станешь чуть лучше.

Глава 11

«Мы все здесь сдохнем, мать твою!»

СТИВЕН КАЛЛАХЭН РЕШИЛ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ в одиночной гонке через Атлантический океан на паруснике «Наполеон Соло». Из регаты он выбыл довольно скоро, а после ремонта своего шлюпа сделал остановку на Канарских островах. Изучив погодные карты, он пришел к выводу, что в то время года шанс попасть в шторм составлял всего два процента, и 29 января 1982 года отплыл от острова Йерро – самого западного и самого маленького из семи основных островов Канарского архипелага. Каллахэн рассчитывал пересечь Атлантический океан и прибыть на острова Карибского бассейна 24 февраля, но 4 февраля он попал в сильнейший шторм.

Каллахэн не боялся штормов – профессиональный судостроитель и яхтсмен, он сконструировал свой парусник по всем правилам. Он управлял судном из полностью застекленной рубки и имел большой опыт плавания в штормовую погоду. Через два дня наступал его день рождения. Незадолго до полуночи Каллахэн поел немного шоколада, проверил состояние парусника и приборов, после чего лег спать – в

одной майке. Яхтсмен все сделал правильно. Просто ему не повезло. Этот день был не его.

Сам он считает, что судно протаранил кит. Какой бы ни была причина, но последовал сильный удар и оглушительный треск, разбудивший Каллахэна. В каюту ворвался поток воды. Первой была мысль о финке, лежавшей в ножнах рядом с ним. Каллахэн тут же оказался по грудь в воде. В полной темноте он нырнул, но так и не смог перерезать веревку, на которой держался тщательно упакованный в мешок набор для выживания, – ему не хватило запаса воздуха. Задыхающийся и захлебывающийся, он с огромным трудом выбивает люк и выбрасывается на палубу.

Яхтсмен едва спасся. Палуба вся была залита водой, но он успел выкинуть надувной спасательный плот в бушующие волны. Вот как он сам описывает первые страшные секунды после катастрофы в своих воспоминаниях «В дрейфе» (Adrift), увидевших свет в 1986 году: За какую-нибудь минуту мой ладный маленький кораблик превратился в затопленную развалину. По-пиратски зажав нож в зубах, я прыгаю на плот и в последнее мгновение замечаю, что заработала установленная на кормовом релинге кинокамера. Какой режиссер снимает этот фильм? Освещение у него явно подкачало, зато драматургия оказалась на высоте^[42].

На его глазах погибал любимый «Наполеон Соло», его собственная жизнь висела на волоске, а он умудрился встать над всем этим, увидеть себя со стороны в образе лихого пирата и даже поиронизировать над жизнью. Превосходный образец истинного самообладания.

Тот, кто хочет выжить, должен управлять ситуацией начиная с момента катастрофы. Питер Лешак приводит правило № 10 из «Инструкции по тушению пожаров», которое гласит: «Будь бдительным, оставайся спокойным, думай трезво, действуй решительно». Согласно ему в чрезвычайной ситуации необходимо обострить все чувства (собрать информацию), иметь трезвую голову (анализировать информацию), действовать смело. И не забывать об ироничном взгляде на жизнь (справляться с сильными чувствами). Стивен Каллахэн сдал зачет по всем пунктам.

Давайте сравним опыт Каллахэна с тем, что пережила Дебби Кили – всего за три месяца до происшествия со Стивеном – на борту

двухмачтового парусника на противоположной стороне Атлантики. Пятеро людей, вышедших в океан, чтобы перегнать судно из одного порта в другой, попали в бурю. Когда их в очередной раз накрыло штормовой волной и парусник начал погружаться в воду, старший помощник капитана Марк Адамс заорал: «Тонем! Мы здесь все содохнем, мать твою!» В панике он надул спасательный плот, забыв закрепить его на судне. Порыв ветра немедленно снес его в океан. В книге *Untamed Seas*^[43] («Неукротимое море») Кили писала: «Плот пролетел через оснастку носовой мачты, коснулся гребня волны и исчез из виду». В этом случае говорить о самообладании не приходится. Вот что пишет о подобных ситуациях Джон Лич:

Когда человек срывается, когда его личность рвется в клочья, он все равно должен сохранить внутри себя некий стержень, который поможет ему пережить катастрофу... Если у человека есть этот твердый стержень, то для выживания больше ничего не нужно. Внешние обстоятельства уже не будут иметь никакого значения.

У Адамса – в отличие от Каллахэна – такого стержня не было.

Процесс выживания начинается задолго до наступления чрезвычайных обстоятельств. Парусник «Наполеон Соло» не мгновенно пошел ко дну – еще некоторое время он оставался на поверхности. Каллахэн был хорошим проектировщиком морских кораблей и в конструкции своей семиметровой лодки, которую построил собственными руками, предусмотрел несколько пустых и водонепроницаемых отсеков, чтобы судно держалось на плаву и не тонуло слишком быстро. Каллахэн помнил о креплении спасательного плота, поскольку в те смертельные секунды ничто не ускользало от его цепкого взгляда. Согласно требованиям Службы береговой охраны США, на судне такого размера, как «Соло», должен находиться надувной плот, рассчитанный на четверых людей. Однажды ради интереса Каллахэн надул этот плот и попробовал в нем поплавать вместе с двумя друзьями. Он сразу понял, что такой маленький плот в открытом океане превратится в камеру пыток, и приобрел для «Соло» плот, рассчитанный на шестерых. Он заблаговременно разместил на нем запас воды и продуктов. Однако когда настал момент реальной угрозы, Каллахэн понял, что этого мало – ему понадобится и оставшийся в каюте набор для выживания, и многое другое. Он сидел и обдумывал дальнейший шаг. Подняв голову и увидев луну, Каллахэн

вдруг осознал, как сильно обострились все чувства – верный признак, что человек стремится остаться в живых. Восприятие не сужается от страха – напротив, оно становится расширенным. Это научно доказанный феномен. Леду пишет, что у некоторых напуганных людей «активируется миндалевидное тело, в результате чего кратковременная память начинает получать больше более разнообразной информации, чем во время эмоционально нейтрального состояния».

Каллахэн боролся с самим собой, пытаясь усмирить панический ужас и восстановить самоконтроль, но результат этой борьбы был абсолютно непредсказуем. Никто же из нас не считает, что смельчаки не падают духом. Просто культовые герои редко делятся с публикой своими истинными переживаниями и не посвящают нас в изнанку подлинных событий. Конечно, они, как и все нормальные люди, впадают в отчаяние, но, в отличие от остальных, *их* «страх подталкивает к действию». Перефразируя Сент-Экзюпери, Том Вулф заметил, что такие люди «боятся паниковать».

Об этом же говорил и Стивен Каллахэн, вспоминая первые минуты после своего прыжка на плот:

В одно мгновение в моей голове проносятся мириады вопросов и возражений, как будто в черепе у меня обосновалась целая орава яростных спорщиков. Одни острят, потешаясь над деловитым стрекотанием камеры, снимающей фильм, которого никому не суждено увидеть. Другие ворошат разгорающийся костер страха. Его пламя подогревает дремлющую энергию. Страх подталкивает к действию. Необходимо благоразумие. Я побеждаю слепой панический порыв: не желаю, чтобы накачанный в кровь адреналин выливался в бестолковые и бессмысленные метания. Подавляю первый приступ панического страха: не желаю сидеть в ожидании конца, поддавшись его парализующему действию. «Соберись, – приказываю я себе. – Соберись и приступай к делу»[\[44\]](#).

Страх оборачивается целеустремленной деятельностью – и это первое, что должен сделать человек, стремящийся остаться в живых. Появление «мириад вопросов и возражений» является обычной реакцией людей, оказавшихся в эпицентре катастрофы. Во время террористической атаки на Всемирный торговый центр пожарный Сэм Мелиси находился на борту пожарного катера, курсировавшего недалеко от башен. Он вспоминал, что испытал «странное ощущение,

будто множество самых противоречивых чувств смешались в один коктейль». Сент-Экзюпери не раз замечал, что единственная мысль, которую может себе позволить человек в критической ситуации, – это мысль о последующем правильном шаге. Рассказывая о смертельно опасной профессии пожарного и признаваясь в своей любви к ней, Лешак писал о «кошмарных, но одновременно и удивительных моментах, во время которых страх делает тебя настолько тонко чувствующим человеком, что ты просто не можешь умереть».

Согласно исследованиям многих психологов, семьдесят пять процентов людей, попадающих в катастрофические обстоятельства, ошеломленно замирают на месте. В своем оцепенении они не в состоянии ни думать, ни правильно действовать. (Некоторые психологи отстаивают противоположную точку зрения, считая, что люди перед лицом гибели обычно редко паникуют и, как правило, сохраняют самообладание. Яркой иллюстрацией этого положения стало поведение многих участников трагедии 11 сентября.) Японцы отметили стереотип такого поведения после взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки: у переживших бомбардировку стала развиваться некая блокировка сознания. У этого явления даже появился специальный термин: *burabura* – «болезнь бездействия». После 11 сентября я наблюдал подобное среди людей, которые постоянно возвращались к обломкам башен-близнецов.

Каллахэн начал обдумывать план действий. Его парусник, который давно уже должен был уйти под воду, все еще оставался на плаву благодаря водонепроницаемым камерам. Это нужно использовать. И потому он принимает решение до последнего не обрубать концы и держать плот привязанным. Он знал, что находится в той части океана, где корабли проплывают не слишком часто, следовательно, надеяться на быструю помощь не приходилось. Следующий шаг, который он планировал предпринять, был почти отчаянным, но необходимым, и осуществлять его следовало крайне осторожно – как, собственно, многие действия, необходимые для выживания. Каллахэн перебрался с плота на почти затонувшее судно и нырнул в затопленную каюту, чтобы взять, наконец, мешок с набором для выживания. Мешок оказался такой тяжести, «словно там были собраны все грехи земной юдоли», но он справился и с ним, и со многими другими нужными вещами. Когда Каллахэн перерезал

крепезную веревку, связывавшую его с «Соло», он был хорошо подготовлен к предстоящим испытаниям – естественно, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства. Ради нужных вещей и продуктов он рисковал жизнью, ныряя в тонущую яхту. Но ведь и делал он это ради спасения собственной жизни, то есть поступил так, как свойственно любому живому существу. Без риска не бывает награды. Без риска не бывает освобождения.

Каллахэн стремился использовать эмоциональное состояние на пользу делу и следил, чтобы душевное волнение не подвело его. Он «тщательно обдумывал каждый предстоящий шаг, просчитывая каждую свою потребность» – это его собственные слова. Опытный яхтсмен, Каллахэн понимал, что течение снесет его на запад, а не на восток, и землю он увидит, лишь добравшись до Карибского моря. От его места до Карибов пролегалo почти три тысячи километров. Вряд ли в положении Каллахэна имело смысл размышлять, живым ли он туда доберется или плот доставит его мертвое тело по назначению. Не следует задумываться о том, что может вызвать еще более сильный взрыв отчаяния. Надо строить планы лишь на сутки вперед до следующего утра. Нельзя распускаться и поддаваться панике. Даже самый ничтожный шаг, сделанный ради спасения, должен приносить результат. Поэтому Каллахэн ставил перед собой небольшие и достижимые цели, ничего не откладывая «на будущее», и решал только выполнимые задачи – это имело огромное значение, поскольку любой час мог стать решающим в его сценарии выживания.

Каллахэн нашел силы даже подтрунивать над собой:

Почувствовав некоторое облегчение, так как бешеный натиск волн несколько ослаб, я принимаюсь корить себя в духе Хамфри Богарта. Так-то, приятель, теперь ты остался один[45].

Не случайно ему пришел на ум Хамфри Богарт. Именно классическое голливудское кино формировало в нашем сознании культурный образец невозмутимых героев; и именно голливудские актеры, такие как Марлон Брандо, Джеймс Дин, Клинт Иствуд и многие другие, создавали их образы. Можно вспомнить и литературного персонажа, созданного Дэшиллом Хэмметом, – безымянного героя его детективного цикла «Сотрудник агентства “Континенталь”» (The Continental Op, 1923–1930). Как писала о герое Хэммета литературный обозреватель The New Yorker Клавдия

Пирпонт, «эмоции ужасно утомляют его в рабочее время, но суть в том, что все его время – рабочее». В любой культуре существуют собственные ритуалы выживания, которым мы во многом обязаны голливудским фильмам и бульварным детективам. Хорошие парни неизменно остаются спокойными, а плохих захлестывают эмоции. Поэтому они погибают.

Лич пишет, что «чувство юмора – не “предмет” роскоши, а жизненно важный “орган”, необходимый для спасения». Среди солдат широко распространен окопный юмор, помогающий выживать не только на войне, но и во время одиночного плавания в океане, развода или смерти любимого человека.

Эмоция обладает огромной силой, которую надо использовать в целях выживания. Как вы помните, так было у Каллахэна: «...пламя [страха] подогревает дремлющую энергию. Страх подталкивает к действию». Именно страх заставил его нырнуть в затопленную каюту. И страх помог ему выбраться оттуда.

Бесспорно, выжить Каллахэну помогла отличная подготовка. Он много раз выходил на парусниках в океан и знал о яхтах все. И он много читал. Ему очень помогли советы Дугала Робертсона, который подробно описал в книге *Survive the Savage Sea* («Выживание в море»), как его судно потопил кит и как ему пришлось 38 дней вместе с семьей дрейфовать в океане. Ее Каллахэн взял с собой на «Соло». Книга лежала в аварийном мешке рядом с самыми необходимыми вещами и поэтому оказалась вместе с нашим героем на спасательном плоту. Он подробно изучал книгу 117 *Days Adrift* («Сто семнадцать дней на плаву») супружеской пары Мориса и Мэрилин Бейли, которые более ста дней продержались в океане на надувном плоту. Каллахэн хорошо знал, сколь немногим в такой ситуации удалось спастись; как правило, люди не выдерживали более месяца. Но самое важное – он знал, что есть выжившие. Значит, каждый, кто хочет остаться в живых, должен твердо *помнить о такой возможности*. Позже он напишет: «Все на свете возможно. Все, что доступно воображению, возможно в жизни».

Тверже становился его характер, и он сознательно делал все, чтобы закалить свою волю еще больше:

Надо как следует постараться, постараться изо всех сил. Ни от чего не уваливать, ничего не откладывать на потом. Мне некуда отступать. В этой голубой зыбучей пустыне никуда не спрячешься.

Бывало, что я закрывал на что-то глаза. Порой обманывал других. Но природу вокруг пальца не обведешь [46].

За время своего путешествия по океану он узнал еще одну вещь и понял, насколько она важна для спасения: «Какое прекрасное чувство – глубокое смирение». Эл Сиберт передает в своей книге «Характер выживших» фразу, сказанную ему одним офицером, командующим отрядом «морских котиков» [47]: «Персонажи наподобие Рэмбо погибают первыми». Роберт Скотт пришел к такому же выводу во время экспедиций в Антарктике. Мысль о взаимосвязи смирения и выживания уходит корнями в глубокую древность. В древнекитайском трактате так об этом написано:

Храбрый и безрассудно дерзкий останется без головы.

Храбрый, но не безрассудно дерзкий останется в живых.

(Дао дэ цзин, § 73)

До сих пор, как мы видим, Каллахэн вел себя как настоящий отличник по предмету «школа выживания». Укреплялись его решимость и характер. Кроме того, воспитанный на американской культуре, он не забывал о ставших легендами кинематографических и литературных героях. Каллахэн использовал их образы как примеры для создания воспоминаний о возможном будущем, которое постепенно становилось вполне достижимым.

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК БОЛЕЕ СУТОК НАХОДИТСЯ на надувном плоту в океане во время бури, то на коже, не просыхающей от соленой воды, образуются сотни ранок. После первых дней, проведенных вне «Соло», все тело Каллахэна было покрыто ссадинами и фурункулами, которые еще больше разъедались от морской соли. Он страдал от жгучей боли, мешавшей ему заснуть. Но когда был найден источник, откуда просачивалась вода, и после долгих усилий заделаны две небольшие дыры в днище, он почувствовал себя настоящим победителем. Если в подобной ситуации человек испытывает радость от небольших достижений: «Пусть ненадолго, но я воспрял духом и восстал со смертного одра», – то это свидетельствует о многом, и прежде всего о страстном стремлении остаться в живых.

За первые дни путешествия на плоту Каллахэн окончательно понял: он не желает чувствовать себя жертвой, – нет, он человек, ежеминутно работающий над тем, чтобы спастись. Следует заметить, что среди любителей, то есть тех, кто занимается тем или иным видом

спорта ради удовольствия и развлечения, такой быстрый психологический переход, к тому же совершенный настолько целенаправленно, последовательно и очень осознанно, встречается нечасто. Подобное поведение в большей степени свойственно хорошо подготовленным профессионалам, например военным, пожарным, скалолазам.

Постараемся сравнить историю Каллахэна с тем, что выпало на долю Тами Ашкрафт. Судно, на котором она плыла, потеряло мачту во время шторма. Она не лишилась своей яхты, как это произошло с Каллахэном, но все равно оказалась в тяжелой ситуации. Во-первых, ее жениха во время шторма волна смыла за борт. Во-вторых, на судне перестали работать двигатель и радио. Однако у Ашкрафт были вода, продукты и инструменты. Женщине удалось поставить небольшой парус и управлять лодкой, пользуясь секстантом (Каллахэн тоже пользовался секстантом, который соорудил из карандаша). В какой-то момент путешествия Ашкрафт увидела землю, но вскоре потеряла ее из виду. Позже о ней была сделана передача на телевизионном канале National Geographic Adventure, где она рассказывала: «Ноги перестали меня держать, и я села. Это настоящий ад. И я в нем оказалась...» У нее случился нервный срыв, и в состоянии истерики она кинулась в трюм, вынула ружье и зарядила его. Стоя у штурвала, она засунула ствол ружья в рот.

Инженер Паскуале Буццелли в момент тарана самолетом Северной башни находился в лифте. Он вышел на 44-м этаже и, несмотря на сильное задымление и общую неразбериху, доехал на другом лифте до своего офиса на 64-м этаже. Он отказывался воспринимать ситуацию таковой, какой она была. Можно сказать, он отрицал очевидное. Такое состояние может иметь серьезные последствия. Люди на этаже спокойно ожидали указаний охраны. Буццелли позвонил беременной жене и уверил ее, что все в полном порядке, хотя та только что видела по телевизору, как самолет врезался в здание, в котором работает ее муж.

Буццелли и его коллеги ничего не предпринимали и дожидались чьих-то распоряжений... пока не обрушилась и Южная башня. Но даже тогда Буццелли не стал спускаться вниз. Только появившийся сильный дым убедил его покинуть здание. Вместе с остальными он стал спускаться по лестнице и в тот момент, когда здание начало

разваливаться, находился между 21-м и 22-м этажами. Буццелли прекрасно видел, слышал и чувствовал, что происходит вокруг, он молился о том, чтобы ему не пришлось долго страдать перед смертью. Он хорошо помнит, как происходило обрушение здания, как один этаж проваливался в другой и как он стремительно падал вниз. Потом он на три часа потерял сознание.

Буццелли пришел в сознание и увидел, что находится на внешней стороне здания высоко над землей, откуда сам спуститься не мог. Вокруг него иногда что-то вспыхивало, но пожара не было. Пожарные заметили Буццелли, однако и они не смогли достать его. Они ушли за лестницами, а Буццелли решил, что его бросили. Хотя поблизости никакого пожара не наблюдалось, он был уверен, что обязательно сгорит в огне. Тогда он решил покончить с собой. Буццелли нашел осколок стекла и собирался вскрыть себе вены. Однако вскоре пожарные вернулись за ним, и Буццелли понял, что можно продолжать жить дальше.

Тами Ашкрафт тоже не покончила с собой. Ее, как и Буццелли, успели спасти. Их поведение во время смертельной опасности никак не может служить примером для тех, кто собирается выживать. Заметим, слабые духом люди погибают далеко не всегда, а сильные люди могут погибнуть, оказавшись в безвыходной ситуации, в которую попали, например, многие жертвы в зданиях Всемирного торгового центра.

БРОСАЕТСЯ В ГЛАЗА РЕЗКИЙ КОНТРАСТ в истории этих двух людей: Дебби Кили и Стива Каллахэна. Несмотря на общие черты катастрофических обстоятельств, поведение их принципиально различно. Я совершенно не собираюсь искать каких-либо недостатков в действиях Кили, проявившей себя смелым человеком и блистательным моряком. Мне нужно лишь для полноты анализа провести сравнение. Если учесть и характер ее попутчиков, и отсутствие самого необходимого: воды, еды и каких-либо инструментов, – на долю Кили выпало больше испытаний.

Капитаном яхты *Trashman*, на которой находилась Кили, был Джон Липпот, его старшим помощником – Марк Адамс. Оба запойные пьяницы. Вдобавок поведение Марка не отличалось стабильностью: он был подвержен резким перепадам настроения, время от времени начинал нести полную чепуху, а напиваясь в барах, сдергивал с

женщин трусики. В принципе он склонен к насилию. Третий член команды Брэд Каванах был опытным моряком и, к счастью, непьющим. На борту судна находилась подружка капитана Липпота Мег Муни, не имевшая никакого морского опыта. Сама Кили – первая женщина, участвовавшая в кругосветной регате «Уитбред»^[48] – ходила под парусом вполне профессионально.

Яхту *Trashman* надо было перегнать из Бар-Харбора в штате Мэн до Форта-Лодердейл во Флориде. Длина парусника составляла почти восемнадцать метров, и такой перегон обещал быть сущим пустяком. Кили не стремилась плыть с такой разношерстной командой, но Липпоту удалось ее уговорить.

Как только они вышли в открытое море, Кили поняла, в какую авантюру ввязалась: вечно пьяные Липпот с Адамсом и совершенно бесполезная Мег. Все управление яхтой легло на плечи Кили и Каванаха. Начался шторм. Кили хотела уже сдать вахту, как увидела ничего не соображавшего, надравшегося Марка Адамса, который, стоя на палубе, орал что-то нечленораздельное в сторону ветра, дувшего с силой в 55 узлов (то есть со скоростью 28 метров в секунду). По ее словам, «волны, словно сотканые из жидкого гранита, достигали высоты в девять-десять метров». Кили и Каванах вернулись к штурвалу, а капитан и его помощник продолжали напиваться в своих каютах. Но наступила минута страшной усталости – и Дебби, и Брэд нуждались хотя бы в небольшом отдыхе и сне. Оба потребовали, чтобы пьяные Липпот и Адамс взяли на себя управление судном. Кили пошла спать. Через несколько часов в середине дня ее разбудили и сообщили, что яхта тонет.

Как я уже писал, Адамс упустил надувной спасательный плот. На паруснике оставался еще один надувной трехметровый плот *Zodiac*, но на нем не было ни воды, ни продуктов. Пока они надували и спускали плот на воду, волна сбила Мег с ног, и она серьезно поранилась.

Команда отплывала от тонущей яхты под аккомпанемент истеричных воплей Адамса. В тот момент плот перевернулся, люди оказались в воде, и всем пришлось держаться за веревку, опоясывавшую борта плота. В эти же минуты мачты яхты исчезли в бушующих волнах. С первых секунд трагических событий Кили боролась с чувством паники. После окончания стадии отрицания ее чувства резко обострились.

«Это действительно со мной происходит? Едкий запах резины и соль на губах сводили с ума. Потом меня поразило, что вода очень теплая», – вспоминала Кили. Она пыталась вернуть себе контроль над ситуацией и начала планировать последующие шаги. В это время остальные члены команды находились кто в состоянии шока, кто в состоянии истерики. По сравнению с Каллахэном ее ситуация выглядела намного сложнее: ей приходилось бороться не только с океаном, самой собой, но и с неадекватными членами команды. Было бы легче выживать одной или в компании с Каванахом.

Ветер и волны делали все возможное, чтобы заставить людей расцепить руки и выпустить веревку плота. Через некоторое время им удалось перевернуть плот, но не успели они забраться на него, как очередная волна снова их сбросила, а ветер начал срывать одежды. Природа любит отнимать последнее. С Мег смыло все (вплоть до трусов), на ней осталась одна рубашка. Кили, помогая ей забраться на плот, обратила внимание, насколько серьезно Мег пострадала – ее ноги были разбиты в кровь. Кили удалось всех убедить, что надо накрыться шлюпкой и таким образом переждать шторм.

Наступала ночь. Кили пыталась собраться с мыслями и принять хоть какой-то план действий, но душевное волнение оказалось настолько сильным, что ничего путного в голову не приходило. Жизнь Кили складывалась вполне благополучно, и она была плохо подготовлена к подобной ситуации. Она обладала большим опытом управления парусниками, но во всех своих регатах ей приходилось иметь дело исключительно с профессионалами – командами, на которые можно положиться при любых обстоятельствах. Теперь она оказалась на дрейфующем плоту без воды, еды, одежды и сигнальных средств.

В ту ночь до Кили дошла сложность их положения, особенно ей все стало понятно, когда они увидели корабль. И сколько ее несчастные спутники ни пытались, крича и размахивая руками, привлечь его внимание, он прошел мимо. Кили уже знала, что их никто не заметит, даже береговая охрана, – особенно ночью. Они были одиноки в этом мире. Поэтому нужно спасаться самостоятельно. Проанализировав и оценив ситуацию, Кили окончательно приняла окружающую ее действительность. Только она несет ответственность за собственное выживание.

Еще днем, когда они, вцепившись в веревку плота, находились в воде, Адамс обвинил Кили, будто она его пинает ногой. Поскольку ничего подобного она не делала, то решила нырнуть под воду и посмотреть, что происходит: «Я оцепенела от страха. Я не верила своим глазам... Акулы. Полно акул». Внимание хищников привлек и перевернутый плот, и пять пар болтающихся ног, но самое главное – кровь из ран Мег. После этого людям удалось перевернуть плот и перебраться в него. Открытые всем ветрам, они начали замерзать.

Весь последующий день акулы продолжали кружить вокруг плота. В ужасе все сгрудились на одной стороне и чуть не перевернули плот. Ситуация сложилась отчаянная: акулы, холод, отсутствие самого необходимого, но особенно – ни плана действий, ни лидера, ни дисциплины. Единственное, чего было в избытке, – крики и брань. Страсти накалились до предела. Время от времени Кили тоже приходилось включаться в перебранку, хотя она прикладывала все усилия, чтобы контролировать работу мысли и управлять своими эмоциями. Сначала ей это удавалось с трудом, но она старалась – ведь нужно было выживать. Когда человек сдается, он умирает. Здесь уместно еще раз привести слова Джеймса Стокдейла о необходимости проходить «курс близкого знакомства с болью» и мнение Марка Мури о хищнической природе человека, помогающей ему выжить. Кто в своей жизни мало сталкивался с борьбой за выживание, тот больше подвержен опасностям.

Пока члены команды ругались, злились, несли полную околесицу, впадали в истерику или депрессию, Кили старалась собраться с силами: «Я закрыла глаза, чтобы только не видеть их лиц, напоминающих посмертные маски, и акул. Чтобы вообще ничего не видеть». Во что бы то ни стало ей требовалось сохранять душевное равновесие.

Подобное поведение говорит нам, что у Кили имелись силы взять судьбу в свои руки. Доказательством этому служит ход ее мыслей, кстати, очень напоминающий настрой Каллахэна в первые минуты, как его яхта пошла ко дну. Сама Кили потом вспоминала:

Ощущение такое, словно я попала под перекрестный огонь мыслей. Они носились в моей голове со скоростью снайперской пули. Я тогда подумала: «Главное – управлять своими действиями. Я должна себя контролировать».

Для обретения полного самоконтроля ей придется потратить слишком много усилий и времени. Однако многое она начала делать правильно уже с самого начала. Например, чтобы не утратить собранности и чувства цели, она начала молиться. Психологи, занимающиеся проблемой выживания, давно заметили, что в моменты опасности молятся даже неверующие люди.

Кили попыталась привлечь свою разношерстную команду к работе: начерпать в шлюпку теплой морской воды, чтобы в ней согреться, – однако ее попытки ни к чему не привели. В какой-то момент Марку Адамсу показалось, что он увидел слетевший с парусника спасательный плот, и все в великом возбуждении начали грести руками, попусту растрачивая драгоценную энергию.

Кили все думала о возможности согреться, и ей в голову пришла мысль, что можно обернуться в водоросли. Использовать *любые* подручные материалы – это еще один признак, указывающий на то, что человек стремится выжить в самой безнадежной ситуации. Идея Кили была неплохой – водоросли действительно могли бы их согреть. Однако реакция Марка оказалась слишком бурной: «Липкое дерьмо? Да ни за что не прикоснусь к нему!» Довольно часто с самого начала видно, кто выживет, а кто нет. Будь это не реальная судьба Кили, а голливудская картина с Мерил Стрип, то зрители давно бы уже поняли, что Марк кончит плохо.

В это время Брэд Каванах сидел в стороне от остальных, на носу плота, и орал в небо: «Пошел ты на ..., бог! Будь ты проклят, тварь поганая!» С ним происходил процесс, противоположный самопогружению, с которого начинается выживание. Эпиктет писал:

Надо развивать в себе или внутренние качества – или концентрироваться на внешних; совершенствовать собственное мастерское владение или внутренними – или внешними факторами. То есть надо быть или философом – или обычным человеком... Отличительная черта философа – в знании того, что только он сам может предоставить себе преимущества и причинить себе вред.

Философ не винит других, но и не просит о помощи. Философ-стоик Эпиктет писал, по сути, инструкцию по выживанию. Смысл его слов в следующем: хочешь выжить – относись ко всему по-философски.

В сложившихся невыносимых условиях Каванах выбрал путь обвинения – но не себя. Он не погрузился в себя, чтобы собраться с силами, найти утешение и увидеть новые возможности. В буквальном смысле слова все пятеро умирали. Они переживали описанные Элизабет Кюблер-Росс стадии: отрицание, гнев, торг, депрессия, признание. Конечно, было бы поучительно сравнить их поступки с поведением Каллахэна, который не погибал, а выживал. Пятеро человек на дрейфующем плоту практически были не в состоянии изменить свою участь. Они остались без воды – в первую очередь это говорило об их плохой подготовке. Без посторонней помощи они были обречены на смерть.

Катастрофа часто приходит тогда, когда человек к ней не готов. Джон Лич писал: «Люди зачастую просто игнорируют возможность того, что с ними может случиться несчастье». Некоторые подсознательно верят, что заблаговременная подготовка к чрезвычайной ситуации может навлечь беду: «Не надо думать о несчастье, и оно обойдет стороной».

Состояние Кили можно было бы охарактеризовать как неустойчивое: она то следовала внутреннему инстинкту выживания, то скатывалась к смертельно опасным мыслям. Она прошла стадию торга с Всевышним: «Если поможешь мне выбраться, обещаю стать лучше». Многие погибают в ожидании божьей помощи, вместо того чтобы понять: только сам человек в состоянии помочь себе, причем не важно, верующий он или нет.

И все-таки Кили делала многое и старалась мыслить как человек, стремящийся выжить. Она заметила, что в водорослях, в которые они пытались обернуться, живет масса маленьких живых существ: «Я была поражена многообразием жизни, существовавшей в водорослях... Это был уникальный и самодостаточный мир». Если человек открыт миру и в состоянии оценить его красоту и величие, значит, он начинает признавать окружающую реальность и к ней приспособливаться. Он находится здесь и сейчас. Глубже понимает значение того, что эта вселенная была такой до его появления на свет и не изменится после его ухода. Ощущать красоту и удивление означает познать суровую правду: мир никогда не будет приспособливаться ко мне. Я должен приспособиться к миру. Смирение может стать лучшей реакцией человека, хотящего остаться в живых. Чрезвычайная

ситуация – это как тест Роршаха[49]: она обнаруживает, кем человек является на самом деле.

Кили писала: «Я была слишком испугана; казалось, я теряю контроль над собственными мыслями». Она понимала, что ей надо взять себя в руки и вернуть контроль над собственным мозгом.

Адамс продолжал истошно орать, его вопли сводились к следующему: «Им что, мать их, никто не сказал, что мы здесь?!» Это походило на бред, и вряд ли сам Марк осознавал, что или кто такие «они». Он не брал ответственности за собственную жизнь, поскольку не понимал ни того мира, который бушевал вокруг него, ни того, который был внутри его. Он ожидал, что весь мир будет прогибаться под него и заботиться о нем. Джон Липпот находился в полном ступоре, а Мег страдала и практически умирала от полученных ран.

Настала вторая ночь. Кили мысленно унеслась в другой мир. Люди, которые выживают, часто уходят в самые дальние уголки долговременной памяти, потому что это помогает восстановить душевное состояние и собраться с силами. «Я увидела бейсбольный матч на поле с подстриженной травой, детей, качающихся на качелях, лающих собак и въезжающие в гаражи домов автомобили», – вспоминает она. Борьба за выживание может быстро истощить запасы энергии. Поддерживать баланс между эмоциями и разумом – все равно что удерживать равновесие на большом шаре. (Автор книги *Anatomy of Thought* («Анатомия мысли») Иэн Глин писал, что «галлюцинации, во время которых пациент заново переживает события прошлого, могут быть вызваны... возбуждением миндалевидного тела». Люди, выжившие в самых критических ситуациях, часто утверждают, будто у них были галлюцинации.) Уход в воспоминания и фантазии дает отдых и облегчение. Вполне возможно, что, «наполняя» мозг знакомой информацией, вы помогаете ему работать в ситуации, когда привычные ориентиры полностью утеряны.

Французский писатель Анри Шарьер, автор романа «Мотылек»[50] (*Papillon*), был уголовником, осужденным на пожизненное заключение за убийство, и отбывал срок в тюрьме на острове Дьявола. Он писал:

Когда я очень уставал, то ложился на спину, вытягивался в полный рост и закутывал голову одеялом... какие потрясающие ощущения! Я переживал ночи страстной любви, более реалистичные, чем

настоящие. Я проводил время с матерью, которая вот уже семнадцать лет как умерла... И это совсем не воображение, я действительно был там.

Шарьер покидал место заключения, уходя в галлюцинации; позже ему удалось бежать на самом деле.

Кили не обладала ни нужными знаниями, ни подготовкой к выживанию, поэтому ей было сложно понять, что с ней происходит. И все-таки ее состояние было гораздо лучше, чем у остальных. Кили сострадала Мег, зная, что та умирает. Ее даже волновала мысль, вспоминает ли Мег «свой родной дом». Чувство сопереживания – одно из важнейших качеств человека, желающего выжить. Помогая Мег, Кили в результате не так сильно ощущала, что сама является жертвой. Проявленное сострадание к другому помогло ей почувствовать собственные силы.

Каллахэн начинал свое одиночное плавание с точным пониманием факта, что ему придется самому о себе заботиться. В команде Кили никто заранее не оговорил вопроса, кому придется быть главным и на кого ляжет вся ответственность. Очевидно, что капитан Липпот не тянул на лидерство. Они даже не договорились о правилах поведения при возникновении чрезвычайной ситуации. Поэтому сейчас, оказавшись в таком положении, они лишь надеялись на какие-то таинственные силы, которые придут и освободят их от этого кошмара. Других дел у сверхъестественных сил, конечно, нет. Люди были не в состоянии приспособиться к ситуации, что их и убивало.

Брэд Каванах пытался победить душевную слабость и душивший его гнев на судьбу, кроме того, важно было освободиться от влияния общей гнетущей атмосферы. Он перебрался на наветренную сторону, чтобы ветер не перевернул плот. Сидел он молча. «Брэд сидел с каменным лицом и не произносил ни слова. Он нашел себе работу – поддержание равновесия плота», – вспоминала Кили. Он отгородился от губительного влияния группы и не собирался сходить с ума – опасность, которая, судя по всему, грозила некоторым ее членам. Обращаю внимание, что сделал он это при помощи работы. Пусть даже такой небольшой. Но цель была достигнута.

Обстоятельства складывались плачевно. Без воды, без еды, без одежды они мучились жаждой, были истощены и замерзали. Среди них находился тяжелораненый. Они провели уже два дня на плоту, и

их мучения сложно себе представить. Некоторые члены группы ощущали близость смерти. Все чаще и чаще звучала фраза: «Больше я не могу», – мысль, которую человек, стремящийся выжить, не имеет права допускать.

Английский офицер Кристофер Бёрни во время Второй мировой войны несколько лет провел в одиночном заключении в Бухенвальде и других концентрационных лагерях. Сначала он говорил себе, что его отпустят к Рождеству. После Рождества он начинал надеяться, что выйдет к Пасхе. Он писал в книге *Solitary Confinement* («Одиночное заключение»): «Потом я выбрасывал из головы нетерпение... В солнечную погоду летом нет места пессимизму... Я спокойно могу пережить следующие три месяца». Вот так должен думать человек, который стремится остаться в живых. Одно время, в начале 1980-х годов, я работал в тюрьмах особо строгого режима. Помню, как один из заключенных сказал мне: «Я здесь на бровях не стою и по пустякам не сучусь». В ответ на мой вопрос, как ему удастся сохранять такое завидное спокойствие, он ответил: «А ты оставайся внутри себя самого, тогда поймешь». Тоже путь к выживанию.

Молодой израильский турист Йоси Гинсберг сплавлялся по рекам в джунглях Боливии. Его плот теряет управление и попадает на порог, Гинсберга начинает нести по бурному потоку. В итоге ему удалось выбраться на берег, но в джунглях он потерялся. На третьей неделе путешествия он чуть не утонул в болоте. С огромным трудом выбравшись из него, Гинсберг принимает решение: «Я готов на любые страдания, но я не остановлюсь». На самом деле на свете насчитывается совсем немного людей, которые могут довести мастерство выживания до совершенства. Стив Каллахэн один из них. Большинство из нас сначала совершат кучу ошибок и лишь потом находят в себе силы для собственного спасения.

СОСТОЯНИЕ ПЯТЕРЫХ ЛЮДЕЙ на плоту ухудшалось. Мег умирала. Кили упорно боролась за контроль над ситуацией. Она не сдавалась, и было понятно, что этот человек приложит все силы и останется в живых. Она соорудила большой колпак из занавески для душа, куда, как в кабинку, засовывала голову, дабы «спрятаться от всех остальных... чтобы не начать разваливаться... мои попутчики заполняли мой мозг черным дымом отчаяния, они тянули меня вниз».

Кили решила заключить союз с Брэдом Каванахом – единственным, кто кроме нее не сошел с ума.

– Брэд, – сказала она. – Ты мне нужен.

Он засунул голову к ней под колпак, и они заключили союз. Один из них может спать, пока другой стоит на страже. Это была обычная мера предосторожности, которая отделяла тех, кто хочет выжить, от жертв. Простое, но верное решение, дающее Кили и Каванаху возможность решать сиюминутные задачи, ставить ближайшие цели, добиваться жизненно важных результатов и, конечно, разделять ответственность на двоих. Союз двоих помог им укрепить свой дух и внутренне отпустить ситуацию с тремя остальными – теперь Кили и Каванах будут поступать только так, *как им самим кажется необходимым*. У них уже не оставалось сочувствия ни к кому, кроме как к самим себе. Их соглашение сработало в качестве иммунной системы, стоящей на страже организма и отсеивающей все враждебное из внешней среды. Каждый из них нес ответственность за партнера и потому не чувствовал себя жертвой.

Много лет спустя я поинтересовался у Кили, как им с Каванахом удалось спастись. «Я чувствовала, что должна помочь Брэду выжить. Мне кажется, он чувствовал то же самое. У нас с ним было простое правило: если я сплю, он бодрствует; когда спит он, бодрствую я», – ответила она.

Наконец, решимость Кили окрепла, и она начала создавать карту окружающего мира и адаптировать свое поведение в соответствии с ней. Неожиданно она вспомнила мистера Питмана – своего школьного учителя английского языка, который водил их в походы на природу и рассказывал о выживании. «Я не вспоминала о нем много лет». Может быть, от Питмана она услышала что-то такое, что могло бы ей пригодиться? «Нас никто не спасет. Надо было реально оценивать ситуацию. Это касалось нас всех. Нам не на кого было рассчитывать».

К этому моменту Адамс окончательно сошел с ума. Например, он пытался оторвать ступню Мег, приговаривая: «Здесь у тебя заражение, она все равно у тебя отвалится». Кили это никак не затронуло: «Я просто стала смотреть в другую сторону. Меня от них тошнило». Иногда твоя душа должна окаменеть – это тоже ради выживания. Стокдейл писал: «В тяжелой ситуации появляется не добрый, не мягкий, не сострадательный лидер, не ветхозаветный пастырь, а

человек с холодным сердцем». Чтобы выжить, надо принять реальность таковой, какая она есть, – для этого нужно холодное сердце. Но в этом холоде есть место и для сострадания.

Те, кто выживает, находят глубокую духовную связь с миром. Многие из них имеют талисманы, соединяющие тонкой нитью их внутренний мир с окружающей действительностью. Однажды Кили услышала от одного старого моряка легенду о черной жемчужине: «Если мореплаватель потеряется в море, то может отдать черную жемчужину Посейдону, и тот спасет его». После этого Кили купила серьги с черным жемчугом, которые были на ней всегда. «Я подняла руку и потрогала сережку. Погладила жемчужину». Кили сняла сережку и бросила ее в море. Ей было необходимо свое личное пространство, чтобы поддерживать решимость и не утратить ощущения внутреннего стержня. Герой романа Джорджа Оруэлла «1984» Уинстон Смит постепенно теряет свой внутренний стержень. При выживании группы людей для каждого члена сообщества важно собственное пространство. Иммунная и эмоциональная системы неизбежно разделяют всё на «мое» и «их». Сама жизнь диктует закон личного пространства. Можно сказать, что жизнь представляет собой самоорганизующуюся силу, появившуюся вокруг целого ряда собранных воедино элементов. Она не дает подобным элементам стать частью окружающего мира, несмотря на то что постоянно происходит весьма деликатный взаимообмен живых существ и окружающего мира. Жизнь – это тонкое сочетание общественного и глубоко личного. Она протягивает границы и воздвигает высокие барьеры, но при этом не терпит полной изоляции. Когда природа пытается взять назад все элементы, из которых мы состоим, человек должен бороться изо всех сил за «свое собственное» и держаться за него обеими руками. Видимо, в этом заложен смысл талисмана – «это мое, и это я». Йоси Гинсберг как зеницу ока хранил книгу – подарок дяди. Стив Каллахэн берег свою финку со времен, когда был бойскаутом. А Кили носила сережки с черным жемчугом и отдала одну из них Посейдону. С помощью жемчужины она заключила соглашение с морем.

Несмотря на то что Кили уже нашла ключик и к своим страхам, и к своим внутренним силам, в ней еще не было достаточной твердости, и время от времени она задавала себе самый бесполезный и самый вредный вопрос: «За что все это? Почему я?» Кто хочет выжить, не

задается подобными вопросами. Его оружие – это благодарность, смирение, воображение и холодная решимость.

НАСТУПИЛО УТРО ТРЕТЬЕГО ДНЯ. Кили крепко спала, но Брэд решил срочно ее разбудить. Они молча наблюдали, как Джон и Марк, наклонившись через борт плота, пили морскую воду. «Мне стало ужасно грустно. Они сдались, они потеряли самоконтроль. Я прекрасно знала, что пить морскую воду ни в коем случае нельзя», – писала Кили.

Джон и Марк сдались, а решительность Кили только крепла. Она начала испытывать раздвоение личности, одновременно ощущая надежду и покорность судьбе, что тоже является характерной чертой поведения тех, кто умеет выживать.

– Может быть, нас все-таки заметит береговая охрана? – спрашивала одна Дебби.

– Перестань, не смей так думать. Они не появятся, вот и всё... Тебе никто не поможет, кроме тебя самой. Поэтому не расклеивайся, – отвечала другая Дебби.

До раннего вечера Липпот, Адамс и Мег успели вдоволь пожаловаться на свою судьбу и неоднократно поругаться. Вдруг Адамс начал рыться в водорослях, лежащих на дне плота. «Где мои гребанные сигареты?» – орал он. Кили ответила, что сигарет у него не было, отчего Адамс еще больше разозлился: «Я только что сходил в магазин и купил пива и сигарет. Кто их взял?» В это время Липпот начал умышленно пинать Мег, которая и без этого страдала от боли. Адамс продолжал свои безрезультатные поиски. Липпот неожиданно начал отдиравать заплатку от одного из отделений надувного плота. «У меня все задрожало внутри, – пишет Кили. – Я поняла, что через секунду плот начнет сдуваться». К счастью, отделение, которое сдулось, оказалось не самым важным, и плот остался на плаву. Стало очевидно, что Липпот тоже не в себе. «Он не понимал, что делает. Его глаза были совершенно пустыми». Липпот и Адамс начали разговор, который развеял последние сомнения Кили. Адамс предложил Липпоту покурить, на что тот предложил ему сэндвичи.

В книге *In the Heart of the Sea* («В сердце моря») Натаниэль Филбрик рассказывает о судьбе китобойного судна «Эссекс» (история, вдохновившая Мелвилла на создание романа «Моби Дик»). Филбрик пишет:

Довольно часто среди моряков, потерпевших крушение в море, а также долгое время переживавших физические и эмоциональные травмы и лишения, встречается недуг, который можно назвать «коллективной конфабуляцией[51]». В результате этой болезни участники начинают существовать в общем выдуманном мире. Сцены из умиротворяющего домашнего быта являются одними из наиболее популярных жизненных сюжетов, которые обсуждают потерпевшие.

Переизбыток натрия, содержащийся в большом количестве в морской соли, тормозит мозговую деятельность. Вот мозг Липпота и «переклинило» – этот человек находился уже в совершенно другом мире. Результатом потери контакта с реальностью стала смерть. Угасающие нервные клетки его мозга начали воспроизводить ситуацию, в которой владелец мозга был еще относительно недавно. Липпоту казалось, что он находится на борту стоящей в порту яхты. Выдуманная когнитивная картинка оказалась настолько реальной, что полностью перекрыла собой то, что видят глаза и слышат уши. «Вы заводите лодку в порт, а я схожу за машиной, чтобы мы могли разгрузиться», – с этими словами Липпот перелез через борт плота в воду. «Сейчас вернусь», – заверил он всех спокойным тоном. Солнце садилось. «Сил моих больше нет, – сказал он потом. – Пойду за машиной».

Он оттолкнулся от борта и поплыл. Каванах и Кили в ужасе смотрели ему вслед. Они перебросились парой слов, и оба поняли, что им не спасти Липпота – начинало темнеть, а в воде много акул. Они увидели его на гребне волны и через некоторое время услышали «душераздирающий вопль». Липпота съели акулы.

Ремарк описал довольно похожий случай помутнения рассудка молодого солдата:

Я давно уже наблюдал за ним. Он беспокойно двигал челюстями и то сжимал, то разжимал кулаки. Мы не раз видели такие вот затравленные, вылезавшие из орбит глаза. <...> Сейчас он весь внутренне осел, как подгнившее дерево.

Он встает, бесшумно ползет через весь блиндаж, на минуту останавливается и затем подкатывается к выходу. Я переворачиваюсь на другой бок:

– Ты куда это?

– Я сейчас же вернусь, – говорит он и хочет обойти меня.

(«На Западном фронте без перемен», глава 6[52])

В этой ситуации не было бы ничего примечательного, если бы не «ураганный огонь» за дверью блиндажа – ведь «полоса обстрела» протянулась «до самых артиллерийских позиций».

Наставшая ночь была кошмарной. Адамс залез на Мег, которая, вся покрытая гнойными ранами, находилась при смерти. «Эй, дамочка, настало время заняться сексом», – заявил Адамс. Когда Мег начала плакать, он заорал: «Да пошла ты! Мне надоели эти игры! Я иду в лавку за сигаретами». После чего он перелез через борт. Вскоре они в буквальном смысле почувствовали, как акулы раздирали его под плотом. «Нос плота поднялся, потом опустился, – писала Кили. – Плот начал вертеться. Я оцепенела от ужаса».

Спустя много лет Кили так рассказала мне об этом случае: «Это был единственный раз в моей жизни, когда я чуть не сошла с ума. Марка за бортом пожирала акулы, Мег умирала. Это был кошмар. Но это была первая ночь, когда на небе появилась россыпь звезд». То, что Кили обратила внимание на красоту звездного неба, является свидетельством ее силы. Может быть, тогда она действительно чуть не сошла с ума, но все-таки не последовала примеру Липпота и Адамса. Вместо этого она продолжала бороться, приспособливаться к окружающей обстановке и выживать. Критическим моментом в жизни людей, попавших в опасную для жизни ситуацию, является тот, когда они твердо решают, что выживут. Довольно часто такое происходит после сильного духовного переживания, возникающего от осознания красоты природы. «Я сидела на плоту, и вокруг меня умирали люди, – рассказывала Кили. – Именно тогда я решила, что не умру. Вопрос заключался только в том, как этого добиться».

Она сконцентрировалась на небе и молитве. «Сосредоточь свое внимание на небе и его красоте», – говорила она себе.

Кили ощутила холодную решимость, которая так необходима для выживания в тяжелейших условиях: «Я знала, что Мег скоро умрет. И пусть меня простит Бог, я не страдала от этого. Мег была слабым звеном. После ее смерти останемся мы с Брэдом. Мы сможем полностью сосредоточиться на выживании. И именно в тот момент я абсолютно точно поняла, что не умру». Все, кто выжил, описывают одинаковую схему: сначала столкновение с ужасом, потом познание красоты мира и только после этого ощущение уверенности. В случае

смерти последней стадией является принятие своей участи. В случае выживания – полная решимость.

Все люди, сумевшие выжить в критических обстоятельствах, с которыми я когда-либо встречался, рассказывали о моменте откровения, в который они точно понимали, что останутся в живых. Мэри Джос находилась на 74-м этаже здания Всемирного торгового центра в тот момент, когда кончик крыла самолета прорезал холл. Почти все люди, ждавшие лифт в холле, были убиты. Джос потеряла сознание, а когда пришла в себя, то была вся в крови и ожогах. Она увидела пожар и разрушения, подумала о муже и решила: «Я не умру». И ей удалось выйти из здания.

КИЛИ ПОТРЕБОВАЛОСЬ ТРИ ДНЯ на превращение из жертвы в человека выживающего. Кили и Каванах спали по очереди. Она чувствовала себя совершенно спокойно. «Пока он спал, я следила за тем, чтобы он не утонул в жиже на дне плота». Пусть это звучит парадоксально, но Кили и Каванах спасли себя сами. Бесспорно, если бы не пришла помощь, то в какой-то момент наступил бы час их смерти. Но главное в том, что они приняли мир, в котором оказались.

Есть одна дзенская история о молодом человеке, который страстно мечтал стать мастером меча. Он пришел к известному учителю и умолил научить его своему мастерству. Вместо этого учитель отправил его работать в огород. Потом учитель подкрался к ученику сзади, когда тот его не видел, и больно ударил палкой. Ученик расстроился. Так продолжалось месяцы, а потом и годы. Ученик постоянно ходил в синяках, поскольку никак не мог почувствовать момента, когда учитель оказывался у него за спиной. И вот однажды ученик работает в саду, а учитель подкрадывается к нему сзади и замахивается палкой. Ученик пригибается, учитель промазывает. Тогда ученик в полном восторге спрашивает: «Так теперь ты научишь меня мастерству владения мечом?» Учитель отвечает: «Теперь тебе не нужен меч». Когда я в первый раз услышал эту историю, я чуть не заплакал, потому что она так сильно напомнила мне об отце.

Когда Мег Муни умерла, они сняли с нее рубашку и все украшения, чтобы вернуть их ее семье. Они спустили тело в воду. Тело женщины – всего несколько дней назад такой красивой, такой стильной в своих темных очках и бикини – относилось течением от

плота. Через некоторое время Мег исчезла из виду. Она возвращала элементы, на время взятые у природы, в пучину серебряных волн.

К тому времени как они увидели на горизонте корабль, Кили уже в совершенстве «читала» окружающий мир. Каванах хотел подать сигнал, но она его остановила: «Не трать попусту силы. Они нас не увидят».

Любопытно, что у Мориса и Мэрилин Бейли после трех с половиной месяцев в море была точно такая же ситуация. Когда однажды Мэрилин заметила проходящий корабль, Морис сказал: «Пусть плывет... У нас есть свой мир с птицами, черепахами и рыбой». Как писал Ф. М. Достоевский в романе «Записки из Мертвого дома»: «Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее определение человека».

Выживание – это простой тест, в котором есть только один правильный ответ, зато жульничать можно сколько угодно. Дебби Кили прошла этот тест. Через пять дней после того, как их яхта затонула, ее и Каванаха подобрал русский грузовой корабль. Без воды человек обычно умирает через три дня. Позитивный психологический настрой помог им выжить.

Я спросил Кили, может ли она дать какой-нибудь совет, и она ответила:

Слушайте свою интуицию. У меня были большие сомнения по поводу того путешествия. Что-то мне подсказывало, что не стоит в него ввязываться. Поэтому у меня всего один совет: доверяйте своему внутреннему чувству. Я не доверилась, и в результате несколько человек погибли, а мне теперь приходится жить с этим. И никогда не забывайте, что вы можете положиться только на самого себя. Если внутри вас чего-то нет, вам не выжить.

Глава 12

Место в аду с видом на рай

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ПЛОТУ Стив Каллахэн начал вести дневник, в котором регистрировал «состояние своего здоровья, состояние плота и количество пищи и воды». Он был очень организованным и ответственным человеком. Каллахэн постоянно ставил перед собой небольшие задачи, концентрировал внимание на том, чем занимался, и никогда не терял чувства юмора: «Что-то мои шутки звучат не слишком смешно. Я больше не улыбаюсь, но

насмешничаю по любому поводу, чтобы разрядить томительное напряжение». Лидерские качества, организация и порядок являются важнейшими правилами выживания. Не прошло и суток после потери яхты, как Каллахэн сделал их принципами своей жизни.

Несмотря на это, время от времени ему приходилось бороться с приступами депрессии, но он показал удивительные способности самоконтроля, а также умения мыслить трезво и практично.

Охваченный пароксизмом отчаяния, я чуть не плачу, но сурово себя одергиваю. Не распускайся. Подави рыдания. Ты не можешь позволить себе роскошь тратить бесценную влагу на слезы, приятель. Я закусываю губы, закрываю глаза и без слез плачу в душе. Выжить! [53]

Каллахэн думал о доме, строил планы счастливого будущего и вспоминал разную еду. Эти мысли стали посещать его в самом начале путешествия на плоту. Он еще не знал, что для людей в такой ситуации они являются совершенно естественными, поэтому пытался запретить себе думать на эту тему. Каллахэн привык к порядку: ставишь перед собой задачи и потом планомерно их выполняешь.

Джон Лич использует термин «активная пассивность», под которым имеет в виду «способность принимать ситуацию, в которой человек оказался, не капитулируя перед ней...». Для выживания требуются длительные периоды и отдыха, и выжидания. Не у всех есть терпение долго ждать, поэтому необходимы дисциплина и подготовка, которые помогут избавиться от скуки и чувства безнадежности. Джеки Манн, взятый в заложники арабскими террористами в Бейруте, говорил, что одной из его важнейших задач стала необходимость понять своих похитителей – их готовность к терпению и умение ждать.

В конечном счете борьба и жизнь неразрывно связаны. Жизнь сама по себе – это загадочный порядок, рожденный из хаоса материи и энергии. Когда борьба прекращается, мы умираем. Ученые уже давно заметили, что человек может захотеть умереть и успешно этого добивается. Поэтому для Каллахэна были одинаково важными и «грезы о великолепном будущем», и приятие нынешней суровой действительности. Он писал: «...меня так и тянет еще помечтать. Это мое единственное утешение». Однако не стоит полностью уходить в свои грезы, ими стоит пользоваться лишь для получения удовольствия. Выживание зависит не только от целеустремленности, но и радости,

потому что она дает организму лучшее подтверждение того, что он жив.

Личность Каллахэна распадалась и укреплялась одновременно. Такое расщепление личности знакомо всем, кто ведет долгую борьбу за свою жизнь.

Я наблюдаю расщепление собственной личности на три составные части: физическую, эмоциональную и рациональную. <...> Нити, связующие главенствующее рациональное начало моего «я» с перепуганным эмоциональным и ранимым физическим компонентами моей личности, туго натянуты[54].

Он стал замечать, что это расщепление личности не проходит бесследно, что с каждым днем ему приходится все настойчивее и настойчивее убеждать «членов своего экипажа» – физическое и эмоциональное начало:

Тело мое так измучено, что с трудом повинуется командам рассудка. <...> Подобные решения разума дорого обходятся остальным членам моего экипажа. Стараюсь как-то примирить между собой противоречивые потребности моего «я», сознавая, что, подчиняя все жестоким требованиям холодного разума, скоро доведу себя до срыва. Воля моя постепенно слабеет, и, если она изменит мне, я пропал. Острота этой проблемы заставляет меня даже забывать о том, что я живу на краю пропасти. Я все время настороже, чтобы вовремя подавить внутренний бунт[55].

Каллахэн пишет, как ему трудно сохранять дисциплину в «своей команде», и даже приводит внутренний диалог, происходящий между «бунтовщиками», измученными жаждой, и их разумным «капитаном»:

– *Воды, капитан! Нам нужно больше воды.*

– *Заткнись! – рывкаю я на него. – Мы не знаем, сколько нам еще осталось. Может быть, придется тянуть до Багам. А сейчас – марш работать!*

– *Послушайте, капитан...*

– *Я все сказал. Вода строго по рациону!*[56].

Практически все выжившие рассказывают, что слышали «голос», который говорил им, что надо делать. Это голос рациональной части мозга – той, которая отвечает за речь и является неистощимым источником нашего интеллекта.

Я уже говорил в предыдущей главе, что у Каллахэна было одно огромное преимущество по сравнению с другими людьми, попавшими в опасную для жизни ситуацию. Он обладал огромным опытом хождения под парусом. Возможно, что Каллахэн сначала подсознательно научился разделять в себе, по выражению Леду, «ментальную триаду» – эмоции, познание и мотивацию.

Когда я попадаю в опасную ситуацию или получаю телесную травму, мое эмоциональное «я» испытывает страх, а физическое «я» ощущает боль. Чтобы совладать со страхом и болью, я инстинктивно полагаюсь на свое рациональное «я». Чем дольше продолжается мое путешествие, тем сильнее проявляется эта тенденция. Занявшее командную позицию рациональное «я» использует надежду, мечты и циничные шутки, чтобы уменьшить внутреннее напряжение в подчиненных ему частях[57].

Каллахэн описывает процесс появления порядка из хаоса. Это один из основополагающих жизненных процессов с той лишь разницей, что в данном случае система работает в условиях колоссальной нагрузки. Каллахэн, у которого запасы консервированной воды были на исходе, ограничил свой дневной рацион.

...Полпинты воды в день. Выпивать по одному-единственному глотку примерно каждые шесть часов – это жестокое, но необходимое требование. Я решаю ни в коем случае не пить морскую воду[58].

Каллахэн размышлял, что могло погубить «Соло», и вспомнил о ките, который, по всей вероятности, даже не заметив препятствия, пробил дыру в его яхте. За свою жизнь он видел китов множество раз.

Обычно они возникают из океанской пучины совершенно неожиданно. Внезапно перед тобой появляется поднявшаяся из глубины гигантская туша, и в такие мгновения в моей душе рождается какое-то особенное чувство. Это не страх – скорее, оно сродни тому, что испытываешь, встретившись с другом, которого не надеялся больше когда-либо увидеть... В какое бы время суток эти массивные духи пучины ни всплыли из ее таинственной бездны, я ощущаю в воздухе электрические токи, какую-то интеллектуальную и эмоциональную ауру. В таких мимолетных встречах мне открывается все величие бытия этого друга и величие его духа[59].

Читая эти строки, я вспоминаю рассказ Майка Кроудера о том, что он может ощутить *ману* любого серфингиста. Подобные утверждения могут показаться надуманными, но когда ты слышишь такое от многих переживших катастрофы, то начинаешь относиться к ним серьезно и в них верить. Природе не свойствен цинизм. Все живые существа, кроме человека, честны и открыты, как честны и открыты силы природы. Следовательно, чтобы выжить, людям необходимы духовное начало и смирение. Каллахэн выражает эту мысль так:

Я верю в таинственную и духовную сущность бытия, природы... Эта сущность для меня непостижима. Я могу только гадать о ней и надеяться, что тоже являюсь ее частью [60].

Рациональная часть мозга Каллахэна твердо управляла всеми его действиями. Голод – одно из самых сильных чувств. Ученые, исследующие проблему выживания, называют его «пищевым стрессом». Человек в состоянии прожить без пищи в течение трех недель, однако чувство голода превращается в манию, его эмоциональное воздействие на организм становится таким же сильным, как воздействие физической борьбы или бегства. И его уже невозможно игнорировать.

Люди в состоянии убить за еду. Об этом писал Ремарк:

Трофейная тушенка славится по всему фронту. Она даже является иногда главной целью тех внезапных ударов, которые время от времени предпринимаются с нашей стороны.

(«На Западном фронте без перемен», глава 6 [61])

Отец рассказывал мне: когда он, с переломанными костями и почти умирающий, находился в лагере для военнопленных, то все его мечты сводились к фантазиям о сытном обеде.

Майор и военный врач Джин Ламм был взят в плен во время войны в Корее. Джон Лич в «Психологии выживания» приводит его слова: «Надо уметь есть всё, независимо от того, что это. Питание – одно из важнейших условий выживания... Если вы заключенный и пропускаете даже один прием пищи, на восстановление сил могут уйти недели». Далее Ламм добавил, что черви в протухшей рыбе на самом деле «довольно приятны на вкус».

У Каллахэна был небольшой запас еды, который ему удалось спасти с тонущей яхты; на семнадцатый день у него осталось «две капустные кочерыжки и пластиковый пакет с подмокшим,

забродившим изюмом» – несмотря на осклизлость кочерыжек и странный вкус изюма, съедается и то, и другое.

На Канарских островах Каллахэн купил ружье для подводной охоты, которое совершенно случайно оказалось в мешке с набором для выживания. Он решил бить дорадо, которые в большом количестве плавали вокруг плота, и желание поймать эту мощную красавицу превратилось в своего рода наваждение. Но у Каллахэна должно быть все продумано, не следует начинать новое дело спонтанно.

...Постой-ка... а вдруг это окажется сильная рыбина? Подвернувшись под руку штертом я быстро привязываю ружье за рукоять к плоту. В животе у меня поднимается голодное урчание. Еще бы – ведь за четыре дня я съел всего один фунт еды. От возбуждения я весь дрожу[62].

Каллахэн всегда помнил о ненадежности своего суденышка – нельзя перегружать одну сторону плота из опасности, что он перевернется. Он не торопился. Ружье для подводной охоты было слабым, практически игрушечным, и тем не менее именно оно спасло его жизнь.

Каллахэн начал разговаривать со «своими» рыбами, узнавая их «по лицам». «С умом начинают происходить очень странные вещи», – рассказывал мне Кен Киллип через два года после того, как его спасли в национальном парке Роки-Маунтин. На самом деле ничего странного не происходит, все это является обычным поведением человека, который хочет выжить. Чтобы сурки подошли поближе, Киллип начал скармливать им свою еду. Киллип даже разговаривал с ними.

Узник Бухенвальда Кристофер Бёрни прикармливал улитку: «Я вылавливал из супа кусочки капусты и скармливал его улитке». В фильме «Изгой» (Castaway) герой Тома Хэнкса Чак Ноланд разговаривает с волейбольным мячом. Конечно, это небольшое преувеличение голливудского режиссера, но, по сути, данная сцена справедливо отражает естественное поведение человека в подобной ситуации. Мы социальные животные, и всё, кто и что нас окружает, входит в наш «круг общения». В нас есть потребность любить, и все то, что мы любим, стремимся максимально к себе приблизить. Каллахэн всей душой любил своих дорадо, даже когда их ел.

Те, кто выживает в сложных обстоятельствах, часто придумывают себе какую-нибудь мантру. Для Каллахэна мантрой стало само слово

«выживание». Он многократно повторял фразы наподобие: «Думай о настоящем, о том, как *сейчас* выжить» или «Всегда ли идут на пользу конечной цели – выживанию – действия, дающие на первый взгляд положительные результаты?»

Израильтянин Йоси Гинсберг, потерявший свой плот и на три недели застрявший в боливийских джунглях, рассказывал:

Я все повторял: *«Не ной. Не расклеивайся. Будь человеком действия...»* Каждый раз в очередной безнадежной ситуации я бубнил: «Человек действия, человек действия». Не знаю, откуда у меня в голове появились эти слова, но я их постоянно твердил. Человек действия должен сделать то, что должен сделать, он не боится, он не волнуется.

Каллахэна, как и многих других людей в схожей с ним ситуации, подвела технология. У него сломался работающий от солнечной энергии прибор, добывающий воду из влаги воздуха. Внутреннее покрытие плота начало трескаться, а водонепроницаемая крыша распадаться. Дождевую влагу, которая собиралась на крыше, невозможно было пить, потому она была отравлена испарениями пластика: «Надо избавиться от этой мерзости... но и вылить жалко; зажимаю нос и выпиваю все до дна». Кто произвел этот плот? Определенно производитель не провел его испытаний на море в течение нескольких месяцев. Не будем забывать, что Каллахэн имел большой плот, рассчитанный на шестерых, который считался роскошью на одного человека. Но на нем он даже не имел возможности растянуться в полный рост и вынужден был спать, поджав колени. Каллахэн сумел выжить лишь потому, что постоянно чинил свое так называемое «профессиональное оборудование». Как говорится, *без гарантий качества* – в конце концов производитель тебя всегда предупреждает самым мелким шрифтом, что ты приобретаешь и используешь «данную продукцию» на свой страх и риск. Выживание требует творческого подхода и умения. Умения – чтобы починить, а творческого вдохновения – чтобы придумать, как починить.

Чем больше Каллахэн принимал свой новый мир как нечто совершенно естественное, тем больше он воспринимал его рациональной частью мозга, отвечающей за волевое усилие. Если вы становитесь частью этого мира и делаете этот мир частью себя – вы

можете добиться всего. Окружающий мир, в котором вы вынужденно оказались, нужно принимать и признавать в буквальном смысле слова. Каллахэн звал дорад «мои собачонки» или «собачьи мордашки». Спинорогов он именовал «дворецкими за их важный вид, напоминающий о крахмальном воротничке». Свой плот Каллахэн окрестил «резиновой уточкой». А место, где хранил разделанную рыбу, называл «мясной лавкой».

Принимая окружающий мир, мы неизменно сохраняем свое «я», помним о том, что хотим и что нам нужно. Так или иначе, но нам необходим душевный покой, потому что даже в самых критических ситуациях людям следует и отдыхать, и занимать свой ум чем-то приятным. Воспоминания всегда помогают обрести спокойствие и поддержать дух:

Дневной зной в самом разгаре. Палящее солнце над головою поджаривает мою пересохшую кожу <...> Воображаю себе, что валяюсь на антигуанском пляже. Через мгновение я поднимусь на ноги и схожу за стаканом холодного ромового пунша – торопиться мне некуда, а я и не спешу [63].

Фактически это переключка с Ремарком:

В небо взвиваются осветительные ракеты, и я вижу перед собой картину: летний вечер, я стою в крытой галерее во внутреннем дворе собора и смотрю на высокие кусты роз, цветущих в середине маленького садика, где похоронены члены соборного капитула. <...> Во дворе ни души, невозмутимая тишина объемлет этот цветущий уголок, теплое солнце лежит на толстых серых плитах, я кладу на них руку и ощущаю тепло. <...> Картина ошеломляюще близка, и, пока она не исчезает, стертая вспышкой следующей ракеты, я чувствую себя там, в галерее собора.

(«На Западном фронте без перемен», глава 6 [64])

Жизнь Каллахэна, по его собственному признанию, протекает одновременно в реальной действительности и в мире фантазии; он чувствует себя обладателем нескольких миров: прошлого, настоящего и будущего, – и только в его реальном мире «воцарился ад», а остальные миры прекрасны и недоступны для злых сил:

Мне отчаянно хочется оградить их от страданий и уныния, чтобы я в любой момент мог найти там прибежище. Как опытный демагог, я

заговариваю себе зубы этими сказками, отчетливо осознавая истинную реальность, от которой зависит мое бытие[65].

В ситуации выживания проявляются истинные черты человеческого характера. Все, что нам нужно для выживания, находится в нас самих. Если до трагического происшествия в нас не было силы духа, то не стоит ожидать, будто она волшебным образом появится в самый важный момент нашего существования. Когда человек собирает все свои силы в момент опасности, он может положиться только на то, что у него всегда было. Выживание – это сконцентрированное выражение того, чем человек является на самом деле. Мы можем положиться только на то, что сформировали в себе за свою жизнь. Мы располагаем тем же организмом и тем же характером, которые были раньше в нашем распоряжении, но пользуемся ими на форсированных оборотах. Как человек будет выживать, зависит от его опыта, образования, семейного уклада и мировоззрения.

В детстве Каллахэну пришлось пережить мощный ураган. Он произвел на маленького мальчика сильное впечатление. Чтобы следующую катастрофу встретить во всеоружии и наверняка ее пережить, он подготовил коробку, в которую сложил «пять долларов, большой складной нож и катушку с рыболовной леской». В шестнадцать лет у него началось заражение крови, и уже тогда он проявил черты характера, свойственные тем, кто стремится выжить.

...Я чуть было не потерял ногу. Но вместо того чтобы ее оплакивать, я сказал себе, что ведь у меня как-никак имеются еще ясная голова, крепкие руки и одна здоровая нога[66].

Выживание всегда было стилем жизни Каллахэна. Бесспорно, таким, как он, легче выжить в сложной ситуации. Другим для выживания может потребоваться удача и помощь других. Каллахэн имел большой опыт, он много плавал и попадал в ураганы. Он неоднократно сталкивался с силами, которые были способны его убить. В характере Каллахэна была инженерная и строительная жилка. Он обладал необходимым терпением и смирением. Он был очень дотошным перфекционистом, например, он потратил массу времени на то, чтобы залатать плот.

Те, кто хочет выжить, находят счастье в любой мелочи. Они не жалуются и не задаются вопросом: «Почему я?» Не ноют, что у них нет больше сил. Когда плот Каллахэна начал протекать и соленая вода

уничтожила запас его сушеной рыбы, он потратил восемь дней на то, чтобы сделать заплатку, которая не отваливалась бы. Он работал до изнеможения и отбивался от акул. После неудачной тысячной по счету попытки он слышал внутренний голос: «Я хочу жить!» После того как через множество часов изнурительной и кропотливой работы он находит гениальное инженерное решение с помощью простой вилки, у него «по венам толчками расходуется адреналин».

Пусть боль пронизывает все мое тело, пусть меня томят голод и жажда. Я все равно чувствую себя великолепно. Наконец я добился своего [67].

Он тратил энергию только на поступательные действия с положительным результатом. Каллахэн крайне редко падал духом и не сетовал на свою судьбу. (Иногда он думал о том, что его борьба «бесполезна».) В подавляющем большинстве случаев он принимал вызовы судьбы, считая, что «лучше барахтаться из последних сил, чем сдаться без сопротивления».

Настал пятьдесят третий день путешествия на плоту.

Надо сказать, что Каллахэн, как и многие другие поставленные в похожую ситуацию, спасался не ради самого себя. Люди, пережившие смертельную опасность, всегда связаны с любимыми, друзьями и обществом в целом. Такие люди выживают не только потому, что спасают самих себя, а потому что спасают весь человеческий род, наш биологический вид в целом. Это парадокс выживания: индивид в конечном счете не имеет никакого значения. Важен инстинкт выживания индивида, направленный на выживание всего вида. Именно поэтому люди выживают для и ради кого-то другого.

Каллахэна поддерживали мысли о матери, попросившей его «в случае чего держаться до последнего». Однажды он обсуждал с ней возможные опасности одиночного мореплавания и услышал от нее удивительные слова: «Я много труда положила, чтобы дать тебе жизнь, так уж и ты, будь любезен, потрудись от нее так легко не отказываться».

Когда мне было лет десять, я спросил отца, о чем он думал в тот момент, когда его самолет подбили. Он ответил, что подумал о своей матери, а потом о моей матери и о том, какие страдания они испытают, когда узнают о его смерти. Отец сказал, что решил сделать все

возможное для того, чтобы его любимым не пришлось испытывать эту боль.

Каллахэн постоянно напоминал себе об элементарных и одновременно очень важных вещах: оставаться всегда спокойным, в любой мелочи добиваться победы, все доводить до конца, не торопиться, делать все правильно, проявлять терпение – в любом случае другого выхода у него не было, как только выполнять эти простые правила.

Каллахэн сумел выжить благодаря глубокому содержанию, которое кроется за сухой и бюрократической формой военного жаргонизма «позитивный психологический настрой».

Нигде не увидишь такого огромного небосвода, как над морем. Но мне некогда любоваться этой неопикуемой красотой. <...> Красоту заслоняет от меня мерзкая завеса страха... Сидя в преисподней, я наблюдаю райское зрелище[68].

Лучшими наставниками по выживанию были стоики. Эпиктет учил: «Когда с вами произошел несчастный случай, посмотрите внутрь себя и поймите, есть ли у вас силы, чтобы использовать его для своей пользы». Суть в том, чтобы не прятаться от сложностей, а бороться с ними в честном бою. Однажды, после неудачной охоты на дорад, Каллахэн обнаружил, что на его ружье нет больше упругой тетивы, с помощью которой выбрасывается гарпун. Если бы Каллахэн не смог его починить, он бы умер от голода.

Отремонтировать в море вышедшую из строя жизненно важную систему и наладить ее работу с помощью подручных средств – задача всегда волнующая и увлекательная. <...> Сейчас очень важно сохранять спокойствие. Успех или неудача ремонтной операции будет зависеть от всяких мелочей. Как и во всем остальном, здесь меня устраивает только успешное решение. Поэтому никакой спешки, все нужно делать правильно и надежно[69].

Каллахэн демонстрирует нам редкий пример совершенно цельной личности:

В эти мирные мгновения я, как ни странно, воспринимаю выпавшие мне лишения как некий особый дар... Выпавшие на мою долю испытания одарили меня таким богатством, которое в жизни важнее всего. Я стал ценить каждое мгновение, когда меня не донимают ни боль, ни отчаяние, ни голод, ни жажда, ни одиночество.

Ведь даже здесь передо мной открыты бесценные сокровища. Выглядывая наружу, я вижу лик Господень в ровно идущих волнах. Божественная благодать разлита в скользящем движении дорады. Живое дыхание Бога изливается с небес, и я чувствую его на своей щеке[70].

Каллахэн был уверен, что расстаться с жизнью на пороге вечности гораздо приятнее, чем влачить тихое, незаметное и безболезненное существование. Собственно говоря, именно поэтому люди и отваживаются на одиночное пересечение Атлантического океана. Тому, кто хочет выжить, есть что терять. И он готов все это поставить на карту. Поэтому все, что он имеет, становится еще дороже. Дни, украденные у жизни, гораздо слаще, чем дни, отведенные судьбой.

К ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТОМУ ДНЮ СВОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ
Каллахэн был уже близок к смерти. Его способности, сила и решимость отодвинули день ее, казалось бы, неизбежного прихода. Человек не бессмертен – даже тот, кто умеет выживать лучше остальных. Иногда процесс выживания может длиться годами, как это было в случае с сержантом императорской японской армии: Сёйти Ёкой спрятался в джунглях, после того как американские войска в 1944 году захватили остров Гуам, и до 1972 года, когда он был найден, его поддерживала мысль, что он живет ради императора.

Каллахэн приплыл к побережью островов Карибского бассейна 21 апреля 1982 года – на семьдесят шестой день своего путешествия по океану. Он успешно, хотя и без яхты, пересек Атлантический океан. Его нашли рыбаки, вышедшие в море на небольшой лодке. Они заметили большую стаю птиц, круживших над его плотом. Птиц привлекли дорады, всегда сопровождавшие плот Каллахэна. Рыбаки, увидев состояние Каллахэна, сразу предложили отвезти его на сушу. Но первыми словами Каллахэна стали следующие: «Нет, у меня все о'кей. У меня много воды. Я могу и подождать. А вы ловите рыбу. Ловите, ловите!» Он с удовольствием наблюдал за рыбаками, ловившими огромных серебристых рыб. Затем с наслаждением, не торопясь выпил весь резерв – пять пинт воды. А потом попрощался с дорадами – своими верными спутниками, спасшими его от голодной смерти.

Глава 13

Заповедники души

АНГЛИЙСКИЕ АЛЬПИНИСТЫ Джо Симпсон и Саймон Йетс спускались с вершины Сиула Гранде. Эта гора высотой в шесть тысяч триста сорок четыре метра является частью горного хребта Кордильера-Уайуаш в Перуанских Андах. В мае 1985 года альпинисты дошли до вершины горы и начали спуск по очень сложному юго-западному склону. Во время первого перехода почти в пять километров Симпсон сломал ногу. Он висел на веревке верх ногами и думал: «Сломал ногу. Все кончено. Я умру. Все предупреждали... Если вас всего двое, то перелом лодыжки – смертный приговор». Симпсон знал, что Саймон просто физически не сможет спустить его.

Все события Симпсон описал в книге *Touching the Void* («Касаясь пустоты»). Первой реакцией было отрицание. Он убеждал себя, что у него не перелом, а всего лишь растяжение, несмотря на то что сам «четко видел неестественный изгиб сустава и знал... что сила удара от падения сместила берцовые кости, которые разбили коленный сустав».

С одной стороны, Симпсон видел, что произошло (голос разума), с другой – отрицал (крик эмоций). Он не смог сдержаться и заплакал от жалости к самому себе. Однако уже через мгновение стадия отрицания сменилась гневом: «Хотелось кричать во весь голос и грязно ругаться...» Не станем сейчас задерживаться на каждой стадии Элизабет Кюблер-Росс; как мы помним, последняя стадия представляет собой или полную капитуляцию, или решимость выжить.

Джо Симпсон должен был что-то предпринять, чтобы не докатиться до стадии смирения с участью. Положение хуже некуда, и он понимал это. И вдруг что-то щелкнуло в голове: «Я... даже звука не издал. Если бы я произнес хоть слово, то началась бы паника. Я чувствовал, что нахожусь на грани». В этот момент силой воли он смог остановить путь к умиранию. Симпсон успешно нашел баланс между рациональной и эмоциональной частями мозга, чтобы они вместе помогали ему выбираться из смертельной ситуации. Вряд ли он знал, как это сделать. Более того – он даже не знал, что предпримет Йетс. Может быть, бросит его. Симпсон решил, что вся ответственность лежит только на нем самом, поэтому пора собираться с силами.

Когда Йетс с края обрыва увидел напарника, тот уже успел не только перевернуться и принять правильное положение на веревке, но и совладать со своими чувствами. Симпсон спокойно сообщил напарнику:

Я сломал ногу.

Симпсон заметил, как изменилось лицо Йетса, когда тот спросил:

– Ты уверен?

– Да.

Ни секунды не мешкая, Йетс ответил:

– Сейчас спущусь.

И начал готовить страховку, чтобы опуститься на веревке к Симпсону. Несмотря на предельную краткость этого диалога, обоих одолевали самые разные мысли и захлестнули чувства. Йетс, понимая, что партнер как никогда близок к смерти, сразу подумал: «Ну ты и влип, друг. Считай, что ты мертв».

Однако ни тот, ни другой не произнесли ни звука, а сразу приступили к работе. Йетс был готов на все, чтобы спасти товарища. Позже он так описал свое состояние: «Я представил место, где мы находимся; оценил ситуацию и моментально осмыслил – для него все безнадежно... Не было сомнений, что спускаться мне придется одному».

Эл Сиберт пишет в «Характере выживших»: «Люди, умеющие выживать лучше других, во время чрезвычайной ситуации не тратят времени. Они не сетуют тщетно об утраченном, не ропщут на судьбу, не всплескивают руками по поводу своего невезения... Они не воспринимают себя слишком серьезно и потому не испытывают чувства страха».

Йетс спустился к Симпсону, осмотрел перелом и дал болеутоляющее. В полном молчании. Симпсон писал: «Казалось, за считанные секунды между нами пролегла непреодолимая пропасть». Они находились под влиянием и миндалевидного тела, и неокортекса. В критические моменты миндалевидное тело перекрывает когнитивные функции мозга и требует от человека немедленных действий. То, что миндалевидное тело берет на себя право управлять организмом, объясняется химическими процессами, происходящими в нем. Чтобы вернуть неокортексу управляющие функции, требуется концентрация и энергия. Друзья боялись нарушить внутреннее неустойчивое равновесие.

Симпсон понимал это: «Мне казалось, будто я держу что-то драгоценное и очень хрупкое». Оба интуитивно почувствовали, что борьба за выживание – дело глубоко личное, не терпящее, когда в него

лезут другие. Каждый из нас ответствен за собственное спасение. Можно спасти другого, не ощущать себя жертвой, но каждому из нас суждено испытать только свою судьбу, поэтому никто за вас не выполнит вашу работу – оставаться в живых. Для выполнения этой задачи совершенно необходимы собранность и одиночество.

Ремарк описывает, как его герой приезжает в отпуск домой:

Ему [отцу] надо, чтобы я рассказывал о фронте... Я понимаю, он не знает, что на свете есть вещи, о которых не расскажешь; охотно доставил бы я ему это удовольствие, но я чувствую, как опасно для меня облекать все пережитое в слова. Мне боязно: а вдруг оно встанет передо мной во весь свой исполинский рост и потом мне уже будет с ним не справиться? Что случилось бы с нами, если бы мы ясно осознали все, что происходит там, на войне?

(«На Западном фронте без перемен», глава 7[71])

Ремарк пишет о «завесе», возникшей между героем и его близкими: «...что-то такое, что еще надо переступить». Дом – это временная короткая передышка, а дальше снова фронт, где придется снова учиться выживать.

ЗАКОНЧИВ ОСМАТРИВАТЬ СИМПСОНА, Саймон Йетс заметил, что его веревка за что-то зацепилась; ему пришлось подняться вверх, чтобы ее поправить. Он успел довольно быстро адаптироваться к новой ситуации и прийти в себя, поэтому думал уже не о самой проблеме, а о поисках ее решения, что давало возможность «хоть как-то переключиться и отвлечься от безрадостных мыслей».

Существенную роль играло время. У них закончились вода и топливо. В этом положении любое промедление могло обернуться гибелью. Поэтому следовало очень быстро, минуя многие этапы, заключать соглашение с неприглядной действительностью. Альпинисты подошли к вопросу выживания спокойно и открыто, при этом сохраняя заботу друг о друге. Поведение их было организованным, смелым и одновременно осторожным. Они придумывали новые стратегии, и в их отношении к делу даже появился какой-то элемент игры.

Йетс готовился к спуску без страховки. «Я на время отставил его и тут же о нем забыл», – писал Йетс. Уравновешенность превратилась в полное спокойствие. Именно такое отношение необходимо, когда человек сконцентрирован на выполнении задачи.

Теперь я опишу всю сложность положения альпинистов. Снег, покрывавший гору, не был настолько твердым, чтобы они могли использовать такое альпинистское оборудование, как ледорубы. Во время спуска приходилось ставить в глубокий снег сначала ногу, потом, чтобы не упасть, втыкать ледоруб, уходивший в рыхлый снег по руку. Под каждым шагом снег оседал и сдвигался. Действия альпинистов могли вызвать лавину, которая увлечет их на сотни метров вниз. Малейшая ошибка приведет к гибели обоих. Все движения приходилось совершать крайне осторожно.

Симпсон развязал узел, чтобы Йетсу было легче настроить длину веревки. Они стояли на небольшом выступе. Симпсон оступился. Йетс вспоминает: «Джо был рядом со мной. Он сделал движение и чуть не упал вниз. Я схватил его и помог выпрямиться. Все это без единого слова... Он знал: если бы я его не поймал, он уже катился бы по восточному склону». По словам Йетса, тот подъем на вершину, который они незадолго до этого совершили, «был самым опасным и самым сложным, который когда-либо приходилось делать». Он тогда добрался до вершины полностью обессиленным: «Меня так трясло, что пришлось сделать паузу, чтобы успокоиться». Сейчас, при не менее опасном спуске, со сломанной ногой, эта способность быстро восстанавливаться, обретая невозмутимость и даже хладнокровие, ему весьма пригодится.

Йетс страховал Симпсона, который начал спускаться по почти вертикальному склону. Йетс описал, как он это делал: «Джо двигался очень медленно. Он погружал ледоруб в снег до тех пор, пока вся рука не оказывалась в снегу. Потом делал опасный прыжок в сторону. Так, склонив голову и полностью погруженный в борьбу за выживание, он двигался по склону... Я подумал, что, скорее всего, он упадет и убьется, однако эта мысль меня несколько не беспокоила. В каком-то смысле я даже надеялся, что он упадет... Впрочем, я ведь все равно не смогу его оставить... Значит, придется гибнуть вдвоем. Это самое вероятное, если я буду помогать ему спускаться».

Симпсон учился спускаться со сломанной ногой буквально на ходу, привнося в этот процесс небольшой элемент игры и воображения: «После первых неуверенных прыжков я выработал схему движений, которую начал повторять. Один мой шаг вниз по склону состоял из нескольких движений, на которых я

сконцентрировался и переставал замечать происходящее вокруг. Я думал только о тех узорах, которые мои ноги выводят на снегу». Борьба за жизнь обернулась танцем, освобождавшим его от ужаса перед тем, что еще предстоит совершить.

ЛОРЕН ЭЛДЕР, ХУДОЖНИЦА двадцати девяти лет; Джей Фулер, ее хороший приятель и начальник по работе; а также подружка Фулера – все трое захотели устроить пикник в горах национального парка «Долина смерти». Лететь решили на личном самолете Фулера – четырехместной «Сессне». Они отправились из Окленда 26 апреля 1976 года. Во время полета Фулер сбился с курса, и самолет врезался в гору Бредли высотой чуть менее четырех тысяч метров в горном массиве Сьерра-Невада. Девушка Фулера умерла быстро, сам он – на следующий день после катастрофы. Лорен Элдер оказалась на заснеженной горе совершенно одна.

Этим событиям посвящена ее книга *And I Alone Survived* («Выжила только я»). Она вспоминает, что сразу после катастрофы, когда Джей и его девушка умирали, с ней произошло что-то странное: «Меня охватила ярость. Это чувство кипело где-то глубоко внутри. Я твердо решила, что со мной не случится того, что произошло с ними. Я знала, что спущусь с горы. Никакой инертности. Только гнев».

Элдер проявила все качества людей, которые делают все возможное для выживания. Ночь была холодной; чтобы согреться, она жгла авиационное топливо; чтобы организм получил достаточное количество жидкости, она пила пиво Джея. На следующее утро – в короткой юбке и на высоких каблуках – Элдер начала спускаться с горы и через тридцать шесть часов вышла к небольшому городку в штате Калифорния.

Позже она рассказывала мне: «По пути я останавливалась, чтобы полюбоваться красотой природы. Вокруг меня были удивительные места и никого вокруг». Визжа от холода, она голышом окунулась в ледяную воду небольшого озера. Выживание – это радость жизни, побеждающей смерть. Мы знаем, что рано или поздно умрем. Умирают все. Однако те, кто хочет выжить, при этом говорят: «Да, конечно! Но – не сегодня». Они не только откладывают время своей смерти, но и примиряются с ней.

Элдер не требовалось посторонней помощи – не считая сломанной руки, она не пострадала при падении самолета. Во время

нашей встречи она вспомнила, что передвигалась при помощи придуманных ею нелепых движений, как бы вырисовывая по земле узоры. Чем-то это напоминает спуск с горы Джо Симпсона. Девушка превратила трудный переход через горы в танец радости. Многие пережившие смертельную опасность рассказывают, что спастись им помогало воображение: они придумывали схему какого-либо действия или движения, а потом тщательно воспроизводили его по «внутреннему узору», оттачивая до совершенства.

Образцом такого повторяющегося действия, которое успокаивает сознание и приводит в порядок мысли, служит пение. Часто поют военные во время марша – это, с одной стороны, помогает держать под контролем такие чувства, как страх и усталость, с другой – помогает освободиться от накопившихся эмоций. Наш мозг настроен на «считывание» и запоминание повторяющихся действий и процессов, поскольку жизнь – это порядок среди хаоса. В ней присутствует бесконечное количество шаблонов, повторяющихся действий и одинаковых структур. Они существуют как элементарные частицы, но любой возникший беспорядок их может разрушить. Поэтому нам так важен налаженный жизненный ритм. Мы стараемся ложиться спать и просыпаться в одно и то же время. Сердце бьется ритмично. За ночью следует день. Бесконечно сменяют друг друга разные циклы: годовые, лунные, менструальные. Археологи находят костные фрагменты с нанесенными на них с определенными интервалами насечками, которые делали наши далекие предки. Шаблоны или ритм составляют суть жизни.

Во время тяжелой работы людям всегда помогало ритмичное пение. Вполне возможно, что первые люди, появившиеся в Америке, пели и танцевали, переходя Берингов пролив. Рабы и заключенные под размеренные удары пятикилограммовых кувалд пели песни во время строительства железных дорог или работы в карьерах. Джо Симпсон тоже прибег к помощи ритмичного движения тела, что давало ему возможность передвигаться вниз по крутому склону, не травмируя лишней раз ногу.

Позже Симпсон писал: «Я понимал, что со мной все кончено. Надолго меня не хватит». Однако, продвигаясь вперед, он безостановочно продолжал «выводить на снегу повторяющиеся узоры» в соответствии с придуманным им шаблоном.

Йетс спустился к Симпсону, обогнал его и начал протаптывать дорожку в снегу, чтобы тому было легче передвигаться. Симпсон молча шел по утопанному снегу. Он думал, что надо хранить молчание, дабы не разрушить ту хрупкую, «драгоценную», по его словам, связь, возникшую между ним и Йетсом: «Если бы я попросил о помощи, то все было бы иначе... Я не говорил ни слова не потому, что боялся потерять самоконтроль. Мной руководил холодный расчет».

Эпиктет учил: «Пусть законом станет молчание. Говорить надо редко, только тогда, когда это необходимо, используя минимум слов». Том Вулф в «Нужной вещи» писал о том же:

Одним из величайших грехов считалась болтовня в эфире... Сложно сказать, была это или выдумка, но говорят, что, когда летчик Военно-морских сил начинал кричать: «У меня МиГ на хвосте! МиГ на хвосте!» – его прерывал раздраженный голос: «Заткнись и умри, как военный служащий Военно-воздушных сил США».

Засорять эфир, особенно во время боевых действий, строго запрещено, не случайно на авианосцах все военные операции называются Zip Lip («Режим молчания, или Рот на замке»).

Симпсон, боясь нарушить ритм движений, настолько был поглощен своим занятием, что забыл о существовании Йетса и не услышал его вопроса, как у него идут дела. Симпсон потерял счет времени: «Я почти забыл, зачем вывожу на снегу свои узоры, но повторял их снова и снова». Страх вернется к нему намного позже.

С того момента как Симпсон сломал ногу, оба альпиниста все делали правильно. В обоих нашлись внутренние силы, необходимые для выживания. Оба отдавали себе отчет в сложности положения и хранили «молчание в эфире», трезво понимая, что их сознание может не выдержать такого напряжения. И тот и другой старались не нарушить молчаливого взаимопонимания – вещь «драгоценную и очень хрупкую».

Альпинисты передвигались по крутому склону, покрытому снегом, который мог от любого движения начать скатываться вниз лавиной. Они приняли план действий: сначала выкопать ковшеобразное сиденье для Йетса, который потом будет спускаться Симпсона на двух связанных между собой тридцатиметровых веревках, после чего он спустится вниз сам и они снова выроят ему сиденье.

Осознавая отчаянность положения, Йетс спускал Симпсона очень быстро. Во время спуска Симпсон задевал сломанной ногой за снег, отчего чувствовал невыносимую боль. Но они не жаловались, что у них больше нет сил, и не ныли по поводу своей несчастной судьбы. Ни один ни разу не посетовал: «Да за что все это!» Никто себя не жалел и не считал жертвой.

Йетс спускался и обнадеживающе улыбался Симпсону, в то время как тот уже выкапывал сиденье в снегу. По словам Симпсона, «уверенность Саймона вселяла энергию, мы оба забыли ощущение безнадежности, которое чувствовали на ледяном склоне». Но в душе его начинала разворачиваться «беспощадная битва». Чем чаще он ударялся сломанной ногой, тем настойчивее один внутренний голос его молил: «Оставь меня в покое! Дай отдохнуть!» Он, не обнаруживая ни боли, ни усталости, прислушивался к другому, обнадеживающему голосу: «Вынеси эту непрерывную боль. Приспособься к ней!»

Время шло, погода ухудшалась, и они уже начинали ощущать холод. Все более непослушными становились пальцы. Замерзающий путник из рассказа «Костер» Джека Лондона тоже в первую очередь обратил внимание, что «сообщение между ним и кончиками его пальцев... прервано». Симпсон спустился вниз и снова начал рыть сиденье для напарника. В ужасе он обнаружил, что под тонким слоем снега находится лед. Симпсон «уже так замерз, что не сразу сообразил: в лед надо ввинтить специальный крюк для страховки». Как только человек начинает переохлаждаться, его состояние быстро ухудшается. Даже после того как Симпсон понял, что надо делать, потребовались огромные усилия, чтобы от мысли перейти к действию. Он ввинтил ледовый крюк, прикрепил страховку и принялся согреть себя, размахивая руками.

Йетс знал, какую страшную боль при каждом спуске он причиняет Симпсону. Позже он скажет: «Удивительно, но тогда меня это совершенно не трогало». Главное – целесообразность действий. Ради спасения приходилось работать столь же решительно и успешно, как вела себя природа, которая довольно быстро и со знанием дела лишала их этой возможности выжить.

Йетс заметил вкрученный в лед крюк и сразу понял, что они находятся не просто в месте, где близко к поверхности подошла вода, а

на большом леднике. Поэтому оба решили спускаться, применяя фиксированную страховку.

Каждый раз после успешного спуска они смотрели друг на друга и ухмылялись. «Все это напоминало избитую сцену из третьесортного фильма про войну», – писал Симпсон. На мой взгляд, очень точное замечание. Я уже не раз вспоминал голливудских героев, сохраняющих полное самообладание перед лицом смертельной опасности. Если продолжить это сравнение, то Симпсон и Йетс приближались к своему «второму акту», то есть моменту самой напряженной борьбы, когда спасение героя кажется невыполнимой задачей. До последнего акта им еще было далеко. По закону голливудских сюжетов в третьем акте наступает кульминация: после захватывающей гонки, или схватки, или психологического противостояния ценой нечеловеческих усилий герой завоевывает победу. Я сам, хотя и не очень успешно, писал для Голливуда и всегда удивлялся, что сценарист обязан придерживаться этой формулы успеха. Скорее всего, я тогда вообще мало что понимал в искусстве кино.

Альпинисты были настолько нацелены на быстрый спуск с горы, что не заметили наступления ночи. (Вспомним слова Янковича: «Ты уже в километре от корабля, и если в эту минуту тебя спросят, как зовут твою мать, *ты действительно не сможешь вспомнить*. Вот настолько ты должен быть сконцентрирован».) Все шло как по маслу, пока они не допустили ошибку. Не обращая внимания на боль, Симпсон скатился вниз и вылетел со склона. Он повис в двух метрах от вертикальной скалы, до которой не мог дотянуться ледорубом. Йетс находился выше Симпсона и не мог видеть всех его передвижений; он наблюдал за веревкой и по характеру ее колебаний понимал, что делает его напарник. Для той минуты правильнее было бы сказать «не делает», потому что Симпсон не стоял, не спускался, а висел.

Альпинисты вернулись к тому же, с чего все началось. Симпсон безвольно повис на веревке – Йетс не мог его вытянуть, но на этот раз он не мог и спуститься к нему. Висящий Симпсон был не в состоянии ни подняться, ни спуститься, но, что еще важнее, он ясно понимал, что снежное сиденье Йетса постепенно разваливается, и тогда он, Симпсон, утащит друга с собой в пропасть. До этого момента ни одно сиденье не выдержало дольше, чем требовалось Симпсону на быстрый спуск. Шах и мат. Природа, самый сильный шахматист, неумолима.

Йетс уже начинал сползать вниз. И он перерезал веревку, на которой висел Симпсон. Даже тогда он не поддавался никаким чувствам: «Я был доволен, что сумел взять себя в руки и перерезать веревку... Многим не хватало на такое душевных сил, и они погибали». Ну что же, в конце концов мы здесь говорим не о героизме, а о выживании. Если это было убийство, то убийство вынужденное, вызванное обстоятельствами. Йетс даже подумал, что можно было бы побольше размотать веревку, чтобы ослабить натяжение. У него и тени сомнения не возникло – Симпсон погиб, и это он, Йетс, убил его. «Я оставался безучастным и твердым».

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ СИМПСОН ПАДАЛ – падал, – и длилось это бесконечно долго. В глазах потемнело. Приземлился он со страшным грохотом и потерял сознание. Когда Симпсон пришел в себя, то обнаружил, что лежит в глубокой ледниковой расщелине. Симпсон пробил покрывавшую расщелину снежную крышу и упал в снег. Рюкзак и глубокий снег смягчили его падение. Чудесным образом он больше ничего не сломал. Он выжил, но попал в ситуацию, в сто раз хуже прежней. Йетс решит, что Симпсон погиб, и покинет лагерь. Конец второго акта.

Тем не менее Симпсон расхохотался, как только до него дошло, что он все еще живой. Произошло двойное чудо: он не погиб, и дух его не был сломлен.

Симпсон лежал на склоне снежной горы, которая уходила далеко вниз. Осторожно, чтобы случайно не соскользнуть, он вынул из рюкзака батарейки и вставил их в укрепленный на голове фонарик. При его свете он вкрутил крюк страховки в стену поблизости. Дна расщелины было не видно, но высоко над головой зияла дыра, которую он пробил, падая, и сквозь нее Симпсон увидел небо, светящееся тысячами звезд. Настроение Симпсона не было стабильным – он то плакал, то смеялся, но тут он «услышал голос разума». «Какая-то часть меня пришла в ужас от звука этого спокойного голоса, который сообщал, что произошло. У меня возникло ощущение, словно я раздвоился». Лежа в своей ледяной гробнице, Симпсон всласть наорался, вспомнив все грязные ругательства, какие знал, и некоторое время прислушивался к эху собственного голоса. Он не поддавался ни страху, ни отчаянию, но, чтобы мобилизовать внутренние силы, использовал всю ярость, на которую был способен. Но что бы он ни

делал, дыра над ним оставалась «такой же недосыгаемой, как и звезды».

Через некоторое время Симпсон спокойно признал свой новый мир и смирился с мыслью, что вряд ли выберется из ледяной ловушки. Эпиктет учил: «Хромота – это физический недостаток ноги, но отнюдь не воли. Помните об этом, когда с вами что-то произойдет, потому что любая проблема связана с чем-то конкретным, но не с вами». Симпсон попробовал подняться вверх, но понял, что не справится с этим. Оставалось одно – спуститься на веревке вниз, в бездну. Тогда же он принимает твердое решение: если длины оставшейся веревки (которую обрезал Йетс) ему не хватит, то он обрежет ее, чтобы умереть. Он сознательно не завязал узел страховки, потому что не хотел висеть несколько дней или даже часов, зная, что спуститься вниз уже не сможет.

Симпсон испытывал то, что Лич называл парадоксом выживания, когда «человек смиряется с судьбой, но не сдается и ищет пути спасения за счет капитуляции».

С большим трудом – пальцы не гнулись от холода – Симпсон смог привязать веревку к вкрученному крюку. Его захлестнул ужас, он с трудом справлялся с собой, но все-таки оттолкнулся от выступа, на котором стоял, и начал спускаться. Теперь оставалось выжить или погибнуть. Несколько раз во время этого бесконечного, как ему казалось, спуска Симпсон останавливался и висел в воздухе, собираясь с духом, потом спускался дальше. Он представлял, что веревка начнет стремительно раскручиваться и он упадет в бездонную пропасть. Однако он даже не успел использовать всю длину веревки, как в тусклом и желтоватом свете фонаря увидел дно расщелины. Некоторое время Симпсон висел, пытаясь осознать это, хотя знал, что дно может оказаться ложным и он провалится.

Потом он заметил огромный снежный холм, который надул ветер. Можно сказать, что это был снежный эквивалент песчаной кучи Пера Бака. Постепенно сужаясь кверху, конус снега поднимался до дырки в потолке наверху. Симпсон не заметил этого конуса раньше, поскольку было слишком темно. Взошло солнце, и в снежной гробнице альпиниста стало светлее. Несмотря на то что склон снежного конуса казался очень крутым, Симпсон решил подняться по нему вверх. Если он хотел выжить, то другого выбора у него не было.

После изматывающего спуска мозг Симпсона требовал передышки. Организм знает, что ему нужно. Симпсон все еще висел на веревке. Он осмотрелся кругом и был поражен красотой окружающего его мира. Так же как Стив Каллахэн и многие другие люди, пережившие смертельную опасность, Симпсон испытал духовно-мистическое перерождение, результатом которого явилась уверенность в спасении и появление новых сил для борьбы. Солнце поднималось выше, и становилось светлее. Со светом на Симпсона снизошло озарение:

Через небольшую дырку в потолке под углом пробился золотой столб света. Солнечные лучи отразились от снега и осветили самые дальние уголки расщелины. Я был зачарован этим лучом света, пробивавшимся в мою темницу. Забыв о том, что пол может провалиться, я спустился по веревке вниз. Я решил добраться до солнечного луча и был совершенно уверен, что мне это удастся. Не имело значения, как и когда у меня это получится, я просто был уверен в том, что это произойдет.

Лорен Элдер и Дебби Кили говорили, что испытали подобные духовные переживания. Об этом опыте писал и узник концлагеря Кристофер Бёрни, у которого начало лета вызывало духовное пробуждение, результатом которого являлась решимость выдержать и пережить все, что готовит ему судьба.

Те, кто умеет выживать, неизменно превращают проигрышную ситуацию в преимущество или по крайней мере в следующую возможность. Сам Джо Симпсон так описал это состояние: «В считанные секунды мое настроение изменилось... Я почувствовал, что могу изменить свою жизнь к лучшему. Я буду ползти, буду карабкаться, но выберусь... У меня появился план действий». Симпсон был в аду, но увидел возможность спасения. «Во мне произошли колоссальные изменения. Я почувствовал прилив новых сил, энергии и оптимизма». Он громко рассмеялся. «Я прекрасно видел опасность, все опасности, которые легко могут разрушить мои замыслы, но глубоко внутри крепла уверенность, что я смогу победить все трудности». Те, кто умеет выживать, всегда имеют «план Б» на случай, если не все сложится так, как хотелось бы. Они надеются на лучшее, но в запасе держат схему отступления. Однако они не застревают на мысли, что ничего не выйдет, поскольку они готовы к смерти, которая

может наступить в любой момент и рано или поздно наступит. Они понимают, что полная безопасность – это вредная иллюзия, поэтому стремиться к ней не просто глупо, а смешно. Такие люди осознают, что риск является неотъемлемой частью жизни. Они не рассчитывают на других. Они привыкли сами заботиться о себе и бороться со сложностями, которые в этой жизни неизбежны. Поэтому, когда приходит большая беда, это несколько не меняет их жизни и они продолжают жить, как жили раньше: терпят и переносят трудности.

Симпсон знал, где он находится и куда должен идти. У него была цель. Выживание – это всего лишь обычная жизнь, которую мы проживаем в экстремальных условиях. Пока он дышит, жизнь продолжается. Он не потерялся. Из рассказа о Кене Киллипе мы помним, что смысл феномена потерянности не в том, чтобы найти дорогу к точке А, откуда начинался наш маршрут, а сознательно принятое решение не чувствовать себя заблудившимся в том месте, где находимся. Для этого надо сказать: «Я не потерялся, я здесь», то есть именно то, что сказал бы ребенок. Это дзенский путь. Это путь начинающего.

Симпсон готовился к восхождению. Он представлял себе будущее, которое становилось для него таким же реальным, как и прошлое; он воспринимал окружающий мир, заряжался от него силой и вдохновлялся красотой.

В расщелине чувствовалась приглушенная ледяная угроза, но при этом было и чувство святости. Пространство выглядело как святилище с величественным сводчатым потолком из хрусталя и светящимися стенами из миллиардов камней... Я оказался здесь как в ловушке и без солнечного луча так бы и сидел здесь, побежденный и заледеневший.

Лучи солнечного света есть всегда. Вопрос только в том, чтобы их увидеть.

В то самое время, когда еще предстоят самые тяжелые испытания, люди, умеющие выживать, чувствуют особое состояние счастья. Как Стив Каллахэн, когда сумел поймать первую рыбу:

Я здесь один: от человеческого общества, богатства, от какой бы то ни было роскоши меня отделяют тысячи миль пути, и тем не менее я чувствую себя сейчас богачом[72].

Джо Симпсон писал, что неоднократно думал о том, как же сильно ему повезло, что он «нашел этот ведущий к свободе склон».

Сент-Экзюпери во время перелета Париж – Сайгон попадает в крайне тяжелую ситуацию: его самолет терпит аварию в ливийской пустыне. Он не оплакивал свою судьбу, но даже если и начинал сетовать на что-то, то делал это исключительно ради того, чтобы подшутить над самим собой.

Лежу подле нашего ночного костра, смотрю на огнисто светящийся плод и думаю: люди не знают, что такое – апельсин. И еще думаю: мы обречены, но... это не мешает мне радоваться. Вот я держу в руке половинку апельсина – и это одна из самых отрадных минут моей жизни...

(«Планета людей», часть VII, глава 6[73])

Симпсон вернулся к своим старым знакомцам – ритму танца и «узорам» на снегу. Опираясь на ледоруб, он делал шаг здоровой ногой, после чего подпрыгивал и ставил сломанную ногу чуть выше, чем она стояла: «Нагнулся-подпрыгнул-отдохнул. Нагнулся-подпрыгнул-отдохнул...» Он еще раз убедился, что забываешь о боли, когда концентрируешь все внимание на последовательности движений.

Симпсон, конечно, рисковал, но при этом соблюдал меры предосторожности: «Я не смотрел ни вверх, ни вниз. Я знал, что двигаюсь со скоростью улитки, и не хотел, чтобы находящийся все еще далеко луч света мне об этом напоминал». Любопытно. Как можно что-то знать, но при этом сделать так, чтобы ничего об этом не напоминало? Такая ситуация могла бы показаться парадоксальной, если бы мозг человека не имел двух полушарий. Симпсоновское «знаю» означает работу гиппокампа, то есть в его кратковременной памяти содержалась информация о расстоянии до луча света. Если бы Симпсон посмотрел на луч света, то информация из зрительного бугра попала бы в миндалевидное тело, что вызвало бы совершенно не нужный ему набор чувств. Именно этого он старался избежать. Он мог занять свою кратковременную память последовательностью движений. Сознательно ограничив то, что он видит, Симпсон поступил мудро. Он предпочел лишний раз не «волновать» миндалевидное тело.

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ после своего падения в расщелину Симпсон высунул голову из дырки, вылез на залитый солнцем снег и предстал перед «красотой», которую ему «еще никогда не доводилось видеть». Только после того, как Симпсон выбрался на поверхность, он позволил себе слегка расслабиться и отдохнуть. Он заслужил эту

недолгую передышку. Придя немного в себя, Симпсон вспомнил то, что уже хорошо знал: он находится высоко в горах в девяти километрах от лагеря; у него сломана нога; он обезвожен, истощен и замерзает; он использовал свой последний крюк для крепежа страховки. Он знал еще одно: для всех он фактически мертв, следовательно, искать его никто не станет. «Черт возьми, так как мне отсюда выбраться?» – подумал Симпсон. Казалось, что его преследовали какие-то темные злые силы.

Джозеф Конрад в одном из романов описывает эту темную силу, воплотившуюся в «ярости моря»:

...Сплетение событий или бешенство стихий надвигается с целью недоброй, с силой, не поддающейся контролю, с жестокостью необузданной, замышляющей вырвать у человека надежду и возбудить в нем страх... раздавить, уничтожить, стереть все, что он видел, знал, любил... надвигается с жестокостью, замышляющей смести весь мир, просто и безжалостно отняв у человека жизнь.

(«Лорд Джим», глава 2[74])

Симпсон ограждал себя от таких мыслей, когда выбирался из расщелины. Если бы он думал о смерти, он, вероятно, вообще не предпринял бы попытки выбраться. Он не думал о том, что снежный конус может обвалиться, как песочная куча Пера Бака. Он даже не думал о том, что заберется на вершину. Он ставил перед собой исключительно маленькие цели, стараясь самым лучшим образом совершить каждое движение, из которых складывался его шаг. Вот в чем был секрет его успеха.

Теперь возникла новая проблема – пройти девять километров пересеченной местности до альпинистской базы. Ситуация казалась такой же безнадежной, как и тогда, когда он упал в расщелину. Поэтому тот, кто хочет выжить, должен разделять задачи и ставить небольшие и достижимые цели. Если этого не делать, то можно легко погибнуть.

Симпсон чувствовал, что «раздавлен»: ему снова придется смотреть это проклятое кино с самого начала, включая рекламу. Но он сделал то, что в этом случае делают люди, желающие выжить: он посмеялся над самим собой и сказал вслух: «Это уже просто смешно». Он превращался в карикатуру на самого себя, терпел унижения и сносил превратности судьбы, как Лорел и Харди[75], по которым

проезжается каток для асфальта, после чего они неизменно встают на радость и потеху зрителям. Упорство – вот что мы ценим в комических персонажах. Согласитесь, картины Чарли Чаплина – это настоящий учебник по выживанию. Чтобы посмеяться над своими неудачами, надо быть готовым играть роль дурака. В этом случае мы перестаем воспринимать себя слишком серьезно. Это помогает научиться смирению.

Симпсон осмотрелся кругом и подумал, что, вероятно, где-то поблизости он и умрет. Хотя он уже привык думать о смерти без эмоций, но решил без борьбы не сдаваться. У него еще оставалось в запасе то, что можно поставить на карту, и он собирался этим рискнуть. За всю жизнь человек накапливает массу привязанностей и связей. Следовательно, когда приходит беда, ему есть что терять. Симпсон физически ощутил, как у него «обостряется сознание».

Подобно Каллахэну он считал себя частью этого прекрасного мира, не преувеличивал своего значения и со смирением принимал то, что ему готовила судьба. Симпсон окинул взглядом пересеченную местность, которую ему предстояло пройти. Он испытывал гордость от того, что ему выпала честь сыграть партию в шахматы с лучшим игроком в этом мире.

Я вглядывался туда, где вдаль терялся в дымке горизонт, и с ясностью и честностью, которые никогда ранее не испытывал, осознал свое место в этом мире... По спине прошли мурашки от возбуждения. Я принял решение и вступил в игру.

Опытный альпинист, не раз попадавший в самые отчаянные ситуации, Симпсон сумел быстро собраться с силами. Он стремительно пережил стадии ужаса, гнева и депрессии, смирился с мыслью, что цель еще слишком далека, и принял план действий. У него снова произошло расщепление сознания. Восприятие обострилось, и он полностью отдался выполнению ближайших задач, которые перед ним стояли. Он перестал волноваться, когда понял: «Не было никакого заговора темных сил. Это сказал мне внутренний голос, холодная рациональность которого как ножом прорезала неразбериху в голове». Симпсон слушал голос разума, который его направлял. В это время «другой ум показывал какофонию не связанных между собой изображений, воспоминаний и надежд, которые я наблюдал словно во сне, подчиняясь приказам голоса». Он привязал к сломанной ноге

импровизированный костыль и пользовался ледорубом как тростью. Снова все его существование подчинилось знакомой мантре: «Поставил-поднял-оперся-прыгнул. Поставил-поднял-оперся-прыгнул».

Симпсон на самом деле слышал голос, который заглушал эмоции. Неокортекс связан с таламусом, в котором происходит обработка звуковой информации. Если человеку удастся заглушить заложенные в гиппокампе воспоминания и тревожные сигналы миндалевидного тела, то остается только рациональный голос – «четкий, ясный и повелительный».

Все, кто пережил смертельную опасность, слышали этот голос. Ремарк писал:

...И чей-то добрый голос произносит слова, и они успокаивают меня, солдата в больших сапогах... и с мешочком для сухарей.

(«На Западном фронте без перемен», глава 5 [76])

Несмотря на правильные действия и нестигаемую волю, Джо Симпсон умирал. Силы природы неистощимы, а энергия человека имеет предел. Стресс и усталость постепенно брали свое, и Симпсон начал терять баланс между эмоциональным состоянием, подстегивающим к действию, и общим когнитивным контролем, умиротворяющим деятельность.

Сначала Симпсон сбился с пути. В ту ночь он взял слишком быстрый темп. Энергия была на исходе. Потом он заблудился. Симпсон начал переживать стадии потерянности, которые в его случае грозили закончиться гибелью. Он вышел к большому сугробу. Тут он снова услышал далекий голос, приказавший вырыть пещеру и лечь спать. На следующее утро он проснулся и начал громко декламировать Шекспира. «Я был счастлив, когда выкрикивал шекспировские фразы голосом Лоуренса Оливье». Как только мозгу дают немного остыть от битвы, память тут же начинает поставлять наружу то, что сидит в ее глубоких закоулках. Остается надеяться, что за свою жизнь вы накопили там много хорошего.

Жизнь Симпсона была в опасности. За ночь до этого он был вымотан до предела. Вряд ли ему помогли несколько часов сна. Ему требовались еда, вода и срочная медицинская помощь.

Он вернулся к своему танцу на снегу и продолжал ковылять дальше. Но в тот день дело шло гораздо хуже. Его мучили жажда и

боль. Он решил передвигаться от одного камня к другому, засекая время, чтобы занять этим свою память. Он очень хотел пить и не мог выбросить из головы мысль о ручье, который видел где-то поблизости во время восхождения. Рациональный голос становился все тише, а голос эмоций, кричавший: *«Ну, давай! Сейчас! Вперед! Бегом! Ведь там вода!»* – все громче.

Симпсон перестал засекаать время перехода между камнями и попытался идти как можно быстрее. К моменту наступления ночи он так и не вышел к воде. Умерли батарейки фонарика. Ковыляя на самодельном костыле, он упал и не смог встать, после чего решил спать там, где упал. Но поспать удалось лишь урывками.

Как только Симпсон ослабил контроль над рациональной частью мозга, тот начал преподносить своему хозяину сюрпризы. «Вместо того чтобы спокойно спать, я бодрствовал, и сон ко мне не шел». Все страхи из глубоких недр эмоциональной части мозга, которые раньше ему удавалось сдерживать, словно сорвались с цепи. Его мучила боль в сломанной ноге. Все переживания и волнения нахлынули, как океанский прилив.

На следующий день Симпсон чувствовал себя так, «словно уперся лбом в стену». Энергии больше не было. Сила воли была на исходе. Он двигался медленно и с трудом. Симпсон вспомнил Йетса и то, что тот считает его мертвым. Йетс наверняка покинул базу. Даже если Симпсону удастся до него дойти, он все равно умрет. Близость смерти придала Симпсону сил: «Я должен сегодня дойти до лагеря», – твердо решил он.

В это время Йетс сжигал вещи Симпсона и готовился ехать домой.

Симпсон знал: у него в запасе – десять часов светового дня. Он понимал, что должен все сделать правильно. Он «должен разбивать часы на короткие промежутки и засекаать время». И снова, подстегиваемый чувством гнева, он заставил себя вернуться к своим узорам, ощутить чувство ритма и идти вперед по местности, которую с трудом прошел бы человек, имеющий две здоровые ноги.

Ему повезло. Никогда не стоит сбрасывать со счетов простое везение. «Удача необходима. Конечно, надо бороться до конца. Удача не приходит к тем, кто сидит сложа руки. Вот такого точно не случается», – рассказывал позднее Симпсон журналу *Backcracker*

Magazine. Йетс собирался покинуть лагерь, местные жители уже пришли с осликами, которые должны были нести поклажу. Симпсон упал совсем рядом с лагерем и уже не был в состоянии подняться. Ему удалось собрать силы в кулак и закричать хриплым от жажды голосом. Йетс услышал крик. Он не поверил, что Симпсон жив, но все равно вышел из лагеря, чтобы проверить. Симпсона вывезли с горы на осле. После этого случая он совершил несколько десятков восхождений в Гималаях. Маршрут, которым тогда прошли Йетс и Симпсон на горе Сиула Гранде, после них так никто и не повторил.

Глава 14

Определенная степень благородства

ОДНАЖДЫ Я БЕЗДЕЛЬНИЧАЛ на авиационной базе ВВС «Рэндольф». Самолеты не поднимались в воздух из-за грозы, поэтому я, словно неприкаянный, слонялся по территории. На доске объявлений я прочитал: «Хочу умереть во сне, как умер мой дедушка». Ниже мелким шрифтом была приписка: «А не с воплями и криками, как умерли пассажиры той машины, которой он управлял». Типичный юмор летчиков. (Я учился в летной группе под названием «Браво». На военном радиожаргоне «Браво» означает букву алфавита «Б», хотя сами летчики в шутку называли свое соединение «Летающий бобер».)

В комнату вошел летчик по имени Чак. Это был веселый парень со стрижкой бобриком, квадратной головой и такими же квадратными плечами. Как и все мы, он был невысокого роста. До того как Чак стал летным инструктором, он служил на базе в Исландии и летал на истребителе F-15 Eagle («Орел»). Он рассказал мне, как во время службы американские и советские летчики играли по ночам в игру под названием «у кого нервы крепче». Потом появились большие советские корабли, на которых стояли мощнейшие прожекторы, и русские старались ослепить американских пилотов. «После этого глаза летели к чертовой матери – полчаса вообще ничего не видели». Это тоже была игра. Стрелять не разрешали – обе стороны боялись, что может начаться Третья мировая война. Однако ослепленный летчик, потерявший контроль над самолетом, мог легко погибнуть.

Служба была не сахар. Великолепие неба, ореол авиации, гордое звание летчика – это, конечно, все присутствовало, но была и обратная сторона медали. Летчики по многу часов проводили в воздухе, мочились через катетер в специальный мочесборник и сидели в

резиновых масках. Температура в крохотной кабине была или очень высокой, или очень низкой. О еде даже не вспоминали, если только кто-нибудь тайком не пронесет сэндвич, выкраденный из столовой. Я совершал длительные вылеты на военных самолетах и по себе знаю, каким тяжелым становится шлем. Пилоты носят шелковый подшлемник, но помогает он мало. Через час кажется, что тебе на голову поставили горячий утюг. Тяжесть шлема постепенно сдавливает шейные позвонки, отчего начинают болеть и затылок, и шея, и спина. Шлем и маску подгоняют под пилота на примерке. Перед полетом мне штангенциркулем измерили лицо от переносицы до конца подбородка. Шлем и маска должны сидеть на лице плотно, иначе во время катапультирования их может сдуть. И визор шлема должен быть всегда опущен.

Пилот одет в перчатки и комбинезон, сделанные из огнезащитной и теплостойкой ткани Nomex, и ботинки для парашютистов. Воротник комбинезона надо застегивать, чтобы шея не обгорела при взрыве. В общем, чувствуешь себя, словно плотно обернутым в целлофан. Во время полета положение тела и его частей менять нельзя, потому что для управления самолетом все это нужно: руки, ноги и голова. (На самом деле есть автопилот, и во время войны в Кувейте летчик мог летать в кабине хоть голый, хотя, конечно, никто такого себе не позволял.) Через пару часов начинают болеть даже корни зубов. И это, замечу, еще до всего серьезного.

Все мечтали летать на «Орлах», но, даже когда летчиков пересаживали на этот истребитель, через некоторое время все равно они начинали скучать по дому. Я прекрасно понимал, почему Чак решил стать инструктором Двенадцатой учебной эскадрильи в Рандольфе, в которой опытных боевых летчиков переучивали на инструкторов по обучению новых пилотов. Полеты в этой школе были короткими, а дни, заполненные инструктажами в классных комнатах длинными и ленивыми. Вечерами в будни пилоты играли в круд (бильярд, в который играют без кия и правил), а вечером в пятницу пили пиво в офицерском клубе. Работа, по словам моего инструктора капитана Стюарта Роджерса, была непыльной: «Мы учим особому виду боевых полетов, во время которых неприятель находится в кабине вместе с пилотом». Капитан имел в виду, что инструктор делал вид, что он – пилот-ученик, а обучающийся – то, что он инструктор.

«Пилот-ученик» делал все возможное, чтобы угробить самолет, а «инструктор» должен был предугадать его глупости и предотвратить аварию.

Я спросил Чака, доволен ли он зарплатой. Тот повернулся к открытой двери комнаты, в которой сидели его коллеги-инструкторы, и крикнул: «Те, кто здесь ради денег, поднимите руку!» Раздался дружный смех. Чак поклялся, что водитель синего автобуса, который каждое утро отвозит пилотов на взлетную полосу, зарабатывает больше, чем летчик.

Чак работал инструктором уже три года. Вместе с тремя другими летчиками-истребителями он вылетал на тренировочные задания над океаном, где они встречались с самолетами ВМС, которые изображали «противника» – русских. Среди этих самолетов были даже настоящие МиГи. Когда начинался воздушный бой, каждый воевал за себя и пытался пристроиться в хвост кому-нибудь, отчего в целом наступала полная неразбериха. В тот дождливый день на базе мы смотрели видеозапись одного из таких воздушных боев. Летчики собрались около телевизора и по многу раз просматривали и прослушивали радиопереговоры момента, когда два самолета столкнулись во время учебного боя.

Руководитель группы приказывал одному из пилотов прекратить преследование «противника»: «Прекрати! Прекрати! Прекрати!» (любые чрезвычайные радиосообщения передаются три раза, как, например, международный сигнал бедствия: Mayday, Mayday, Mayday).

На экране было видно: два самолета пролетели слишком близко друг к другу, замелькали оторванные части корпуса, и появились облачка дыма, похожие на мазки, сделанные японской кистью, в стиле суми-э. Пилот самолета, который сильнее пострадал, выкрикнул в эфир: «Катапультируюсь! Катапультируюсь! Катапультируюсь!» И через секунду добавил: «Засечка».

Потом – *бабах!* – с треском и дымом он вместе с креслом вылетел из кабины. Чак поворачивается ко мне и произносит целый монолог:

Чисто сработано! В такой ситуации только катапультироваться. И заметил? Он сказал: «Засечка», то есть обозначил свое местоположение в момент катапультирования, чтобы его было легче найти. Безупречный профессионализм.

Безупречный профессионализм – это тоже всё о выживании. В тяжелый момент профессионализм пилота заставил его подумать не только о себе, но и о людях, которые будут его спасать. Он не был жертвой. Это напоминает поведение стюардессы Эми Свини, оказавшейся 11 сентября 2001 года на борту одиннадцатого рейса American Airlines, которая, сидя в кресле последнего ряда, спокойно сообщала по телефону, что происходит в салоне самолета перед тем, как он врезался в Северную башню Всемирного торгового центра. Она описала, как одному из пассажиров перерезали горло, где располагались террористы и другую важную информацию, которую без нее мы никогда не узнали бы. Стюардесса вела себя как настоящий профессионал.

Как и катапультировавшийся летчик, стюардесса была, по мнению Питера Лешака, «стопроцентным участником – борцом и помощником от начала и до конца». Одно дело знать, другое – сделать и третье – сделать перед лицом смертельной опасности. Между прочим, катапультироваться из самолета – дело совсем не шуточное. Это очень опасный маневр, используемый только в чрезвычайных ситуациях. Во время катапультирования пилот может сломать позвоночник, у него бывают множественные травмы локтей, рук и голеней. Если неправильно катапультироваться, можно погибнуть. Летчики это знают и зачастую боятся катапультирования больше, чем аварийной посадки. Каждый раз, когда рука летчика тянется к рукоятке катапультирования, у него возникает чувство, будто он приставил пистолет к виску и играет в русскую рулетку. Выбор у летчика, самолет которого пострадал во время учебного боя, был простым: либо упасть вместе с самолетом, либо катапультироваться в море, что может привести к травме от удара о воду, а также вероятности утонуть до того, как его успеют вытащить. Поэтому в критический момент он сообщил свои координаты. В одном из своих исследований по нейробиологии Жозеф Леду писал:

Пользу познавательной способности среди всего инструментария интеллектуальной деятельности сложно переоценить. Процесс познания незаменим потому, что позволяет перейти от *реакции* к *действию*. Получаемая благодаря этому польза для выживания могла являться важным фактором, способствовавшим эволюционному

развитию сознания у млекопитающих и стремительному развитию сознания у приматов, особенно у человека.

Сто тысяч лет назад среди неандертальцев появились более слабые мы – Homo sapiens. Неандертальцы исчезли, а мы выжили. По всей видимости, причиной тому стала более развитая способность к умственному восприятию и переработке внешней информации.

Мы создали высокотехнологичный мир, в котором процессы познания и умение решать самого разного рода задачи начинают играть все большую роль для нашего существования. Однако часто в критический момент эти способности нас подводят. Мыслительный процесс строится на линейных принципах и значительно уступает динамике нелинейных систем, которые прекрасно функционируют в непредсказуемом, бурном мире и быстро адаптируются при изменении обстановки. В момент истины, когда определяется, кому оставаться в живых, а кому нет, если человек будет полагаться исключительно на разум, то из неустойчивого состояния жизни он, по словам одного из создателей теории хаоса бельгийского физика Давида Рюэля, «легко перейдет в устойчивое состояние смерти».

В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА, В КНИГЕ ПЕРВОЙ «КЛИО», есть повествование о легендарном царе Лидии и Малой Азии Крезе и афинском политике, поэте и мудреце Солоне. Крез оказал Солону радушный прием у себя во дворце, провел гостя по своим сокровищницам и показал ему все несметные царские богатства. А потом Крез обратился к Солону с таким вопросом:

«Гость из Афин! Мы много уже наслышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя: встретил ли ты уже счастливейшего человека на свете?» Царь задал этот вопрос в надежде, что гость объявит его самого счастливейшим человеком. Солон же нисколько не желал льстить Крезу и сказал правду: «Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это афинянин Телл». Крез очень удивился такому ответу и с нетерпением спросил: «Почему это ты считаешь Телла самым счастливым?» Солон ответил: «Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья... К тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал

доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение за государственный счет на месте гибели, оказав этим высокую честь».

Рассказ Солона возбудил любопытство Креза, и он предпринял еще несколько попыток выяснить, кто же еще, по мнению Солона, может считаться – кроме великого счастливица Телла – счастливым человеком. И Солон опять рассказывает царю о каких-то людях, теперь из Аргоса.

Крез в гневе сказал ему: «Гость из Афин! А мое счастье ты так ни во что не ставишь, что даже не считаешь меня наравне с этими простыми людьми?» Солон отвечал: «Крез! <...> Я вижу, что ты владеешь великими богатствами и повелеваешь множеством людей, но на вопрос о твоём счастье я не умею ответить, пока не узнаю, что жизнь твоя окончилась благополучно. Ведь обладатель сокровищ не счастливее... имеющего лишь дневное пропитание, если только счастье не сопутствует ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства. <...> Если же, кроме того, ему еще предназначена судьбой блаженная кончина, то это и есть тот, о ком ты спрашиваешь... Но пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным... Тот, что... затем счастливо окончит жизнь, тот, царь, в моих глазах, вправе называться счастливым. Впрочем, во всяком деле нужно иметь в виду его исход, чем оно кончится. Ведь уже многим божество... даровало блаженство, а затем окончательно их погубило».

(«История», I: 30, 32[77])

Точно такой же парадокс возникает в граничных ситуациях, когда на первый план выходит вопрос выживания. Нельзя утверждать, что тот или иной человек «окончательно» выжил или что он «правильно» пережил катастрофу, потому что – пока он не умер – для него каждое испытание представляет собой подготовку к следующему. Выживание по природе своей есть явление неожиданное. Поэтому только в том случае, если вся жизнь проходит под знаком выживания, можно надеяться на то, что в критический момент человек будет действовать безупречно. Выживание – это путь от рождения до смерти. Это стиль жизни. Поэтому Солон судит о людях, чья жизнь уже закончилась.

В древних книгах часто обсуждают вопросы, напрямую связанные с выживанием; с этой точки зрения Дао дэ цзин – собрание блестящих парадоксов и удивительных загадок:

Дао, которое может быть высказано, не есть постоянное Дао.

Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя.

(Дао дэ цзин, § 1)

Если ждать от книги точных указаний, что следует делать, можно сильно разочароваться. Смысл текста в том, чтобы у человека возникло озарение, однако путь к нему долог и непрост. Как говорил апостол Павел в «Послании к Филиппийцам», «со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Флп. 2:12). Как правило, смертельная опасность возникает внезапно, как внезапна, непредсказуема и изменчива сама дикая природа, но редко когда выживание бывает мгновенным – полуфабрикатного, быстрого приготовления спасения жизни не существует. Даже Дао дэ цзин не дает такого «рецепта выживания», однако очерчен путь, которому можно честно следовать:

Как-то слышал, что тот, кто искусно (посредством добра)

управляет жизнью, идя по суше, не избегает носорогов и тигров, вступая в бой, неуязвим для латников.

Носорогу некуда вонзить свой рог,

тигру некуда запустить свои когти,

латнику некуда ударить своим мечом.

Почему это так?

Потому что у него нет места смерти [ни на нем, ни на земле]

(Дао дэ цзин, § 50)

Главной тайной выживания остается вопрос: сможет ли человек достичь такой цельности натуры? Как стать, по словам Питера Лешака, «настолько живым, чтобы ты просто не смог умереть»? Видимо, Лешак имел в виду себя, сумевшего проработать пожарным 21 год, пережить 560 пожаров в одиннадцати штатах и одной канадской провинции – и остаться в живых, потому что «серьезно относился к духовному аспекту работы с огнем». Вряд ли вы ожидали услышать разговоры о «духовном» от выдавшего виды начальника пожарной части, специализирующейся на борьбе со страшными лесными пожарами с вертолетов. Но он настаивает на этом: «Вера и тайна играют в моей жизни и работе большую роль. Для меня пожар – это святилище, место силы, в котором сплелись воедино традиция, история, природная среда и все живое вокруг. Пожар для меня – это источник чувств и мыслей, вызывающих ощущение уважения и благоговения». Бедствие, которое может стать причиной его собственной смерти, вызывает у Лешака чувство удивления и

почитания. Такое отношение характерно для тех, кто умеет выживать лучше остальных. Глубокое уважение к страху, боли и сложностям является одним из основных принципов выживания. Лешак хотел стать священником, но бросил духовное образование, чтобы работать пожарным и рисковать своей жизнью. Он считает, что «все равно стал священником», поскольку «нашел свой источник духовного вдохновения и место проведения религиозной практики».

Почему так мало несчастных случаев со смертельным исходом происходит с космонавтами? Почему они успешно выполняют задачи, которые перед ними стоят? Они тоже нашли источник духовного вдохновения. Их тоже можно назвать своего рода священнослужителями. Монастырь, в котором они обучаются, расположен в Космическом центре имени Линдона Джонсона. Жизнь космонавта – это путь аскета, не гонящегося за мирскими удовольствиями и посвятившего себя служению. Космонавты учатся работать в команде и ставить жизнь своих братьев и сестер выше собственной. Они знакомы с болью и страхом, которые стали для них путем к спасению. Они смиренно тренируются годами без какой-либо гарантии, что им представится возможность полететь в космос. Точно так же как и ученик дзен-буддизма, они вынуждены трудиться не покладая рук и переносить удары учителя, оттачивая свое мастерство. Только достигнув пределов совершенства, они могут получить свой меч. Отборочный процесс проходят только те, кто уже вступил на этот духовный путь. NASA всего лишь помогает им достичь вершин мастерства. Космонавтом в первую очередь становятся в сердце, а смысл обучения сводится к тому, чтобы углубить и развить уже присутствующие в человеке трансцендентные качества.

Нил Армстронг сажал космический модуль Eagle на поверхность Луны на ручном управлении, фактически интуитивно. Для этого ему было необходимо найти баланс эмоционального состояния и рационального сознания с окружающей средой, то есть своим летательным аппаратом. В монастыре, то есть NASA, Армстронг работал и над эмоциональной сферой, и над сознанием. Посадка космического модуля на Луну – дело, требующее абсолютно уравновешенного состояния. В момент истины необходимо совершить правильное действие, которое рождается благодаря

сбалансированному сочетанию линейного и нелинейного, разума и чувств (эмоциональные пометы).

В основе работы космического модуля Eagle лежала автоматическая, то есть логическая, система. Компьютер был запрограммирован до самой посадки на поверхность Луны. И хотя в процессе подготовки Армстронг упорно тренировал ручное управление «прилунения», по плану Eagle должен был сесть на поверхность Луны на автопилоте. Но когда Армстронг увидел усеянную огромными камнями посадочную площадку, то понял, что в самый критический момент логика не сработала, и взял управление в свои руки.

Во время приближения к лунной поверхности возникло много непредвиденных обстоятельств, отчего включились все возможные сигналы тревоги. Андрей Чайкин в книге *A Man on the Moon* («Человек на Луне») пишет, что Армстронг уже направлял модуль на посадку, когда увидел площадку, которая представляла собой «кратер размером с футбольное поле, окруженный большим количеством камней». Космонавту пришлось использовать драгоценное горючее и пролететь мимо. Пульс Армстронга увеличился с 77 до 156 ударов в минуту, что доказывает, как он волновался. Однако его голос оставался совершенно спокойным.

По логике в тот момент миссию надо было прервать по причине недостатка горючего и времени. Но логичные решения далеко не всегда приводят к славе. Полагаясь на знания, полученные во время обучения в NASA, а также энергию нервной системы, создающей динамическую картину мира и совмещающей ее с эмоциональными пометами, чутко прислушиваясь к голосу разума, Армстронг руками, ногами и глазами управлял кораблем так, что Eagle неизменно находился на шаг впереди всех изменений динамических систем, обусловленных массой космического модуля, его скоростью, силой притяжения, а также потреблением горючего. Космонавт оценивал изменения и моментально к ним приспосабливался. Все это происходило в условиях, которые Лешак назвал бы «не прощающими малейших ошибок». Несмотря на то что Армстронг полагался на свои чувства, он ни на долю секунды не потерял рациональный контроль и смог игнорировать тревожные сигналы как систем корабля, так и свои

эмоциональные. С точки зрения нейробиологии такое поведение можно назвать поистине олимпийским достижением.

Космонавт выбрал другую площадку для спуска, но и она оказалась неподходящей из-за камней. Он повел модуль дальше и выбрал следующую. Но и та площадка была непригодной. Наконец он заметил подходящее место. Топлива у него оставалось всего на девяносто секунд (двадцать из которых были необходимы для того, чтобы вернуться назад на Землю). Армстронг повел космический модуль к месту посадки на высоте всего тридцати метров. Но как только Eagle начал посадку, моторы космического модуля подняли с поверхности Луны пыль, полностью перекрыв космонавту видимость.

Однако отсутствие видимости не остановило Армстронга, который продолжал сажать модуль, полагаясь на вестибулярный аппарат и проприоцептивную сенсорную систему. Он тщательно оценивал собственные действия, как это обычно делают спортсмены во время больших соревнований. По Чайкину, Армстронг «остался недоволен собой, поскольку недостаточно мягко посадил модуль». Когда Армстронг выключил двигатель, горючего оставалось на двадцать секунд, то есть ровно столько, сколько было необходимо, чтобы вернуться на Землю.

Я хочу привести слова Лешака, в которых он обобщает свой двадцатилетний опыт опасной работы лесным пожарным:

Я священник в миру. В духовный сан меня посвятили обстоятельства моей жизни: обучение, опыт и самое главное – желание брать на себя ответственность. Последнее возникло из понимания, что ошибиться просто и ошибка может убить меня самого или, что гораздо хуже, других... Несмотря на риск, с которым я живу, общество не считает, что обязано мне большим денежным вознаграждением. Взамен за мои труды я получаю другое: у меня есть определенная степень благородства не в смысле социального статуса или аристократического происхождения, а в смысле приобретения достоинства в поступках и поведении.

Журнал Harper's Vazaar в 1988 году напечатал мой материал о летчиках учебной эскадрильи, которую сами пилоты в шутку называли «Летающий бобер». Тогда я еще вплотную не интересовался феноменом душевного равновесия и героизма моего отца, поэтому и сам не понимал, что, рассказывая о юморе и скромности, говорил об

азах выживания. Однажды я спросил моего инструктора капитана Роджерса, как происходит набор боевых летчиков. Может быть, как Крез в разговоре с Солоном, я тайно надеялся, что капитан назовет меня идеальным кандидатом. Но Роджерс сказал: «Мы идем в кондитерскую, берем всех тех, кто сидит за стойкой, и говорим им: “Всё, парни, теперь вы летчики”. Потом отправляем их на аэродром, желательно подальше, и смотрим, как они умеют управлять самолетом».

Впрочем, на другой день капитан оказался в более разговорчивом настроении и рассказал, каким должен быть настоящий летчик: «Это тот, который начинает действовать, как только ты скажешь, что нужно. Он хороший спортсмен, в нем есть соревновательный дух. Он может выйти перед сотней людей и говорить о том, о чем не имеет никакого представления. Просто выйдет без колебаний и начнет говорить. У него есть свои привычки, к которым он относится как к ритуалу, и он перфекционист». Военных летчиков набирают на основе результатов академической успеваемости и мастерства управления самолетом. Пилотов ВВС выбирают из числа пяти процентов лучших летчиков, суммарные оценки которых считают с точностью до сотых после запятой. По сути, Роджерс описывал моего отца. Ну, и того, кто умеет выживать.

Образ военного летчика (и космонавта), созданный кинематографом и литературой времен молодости моего отца, в наши дни явно устарел. Во Вторую мировую войну была срочная необходимость пополнения рядов пилотов, поэтому процесс подбора выглядел совершенно иначе. Тогда в ВВС требовались летающие «ангелы ада». (Привожу описание медицинского осмотра со слов моего отца. Доктор спрашивает его: «Молнию видим, гром слышим?» – и после утвердительного ответа произносит: «Поздравляю, вы летчик!») В самый разгар холодной войны президент Кеннеди обещал, что до конца десятилетия человек полетит на Луну, поэтому и в этом случае присутствовала определенная спешка. Архетип героя, описанный Томом Вулфом в романе «Нужная вещь», соответствовал реальности 1970-х, но не сегодняшней. Во времена отца летчики могли всю ночь пить и потом – по крайней мере циркулировала такая легенда – закладывать под веки крошки табака, чтобы не заснуть во время боевого вылета. Существует одна история о летчике, который резинкой

привязал штурвал управления к окну кабины и спал до достижения цели вылета. Не стану утверждать, будто это правда, но, если судить по тем типажам, которые мне довелось встретить в жизни, я бы не удивился. В наши дни у астронавта[78] нет проблем с алкоголем, но зато есть ученая степень.

Современные летчики не болтаются по барам и не ухлестывают за каждой юбкой. Среди сегодняшних военных летчиков много женщин. Наверное, по пятницам вечерами они могут себе позволить и выпить вволю, помахать кулаками около бильярдного стола, но это всего один день в неделю. А я говорю о современной тенденции подхода к профессии. Летчик, не пренебрегающий рюмкой-другой в будний день, быстро приземлится на стул за письменным столом. И конечно, ни один из нынешних летчиков не позволяет себе не соблюдать субординации.

Однажды я увидел, как два летчика на взлетной полосе поприветствовали друг друга, обменявшись ударами открытых ладоней (типа «дай пять»). «Тоже мне томы крузы из “Лучшего стрелка”», – подумал я тогда и, как оказалось, очень ошибался. Мы подходили к синему автобусу, и я услышал, как один из них буквально процитировал фразу из этой картины: «Я чувствую жажду», – а другой моментально откликнулся: «Жаж-жду скорости».

Капитан Роджерс объяснил мне, что ребята любят постебаться над этой туфтой: «Если какой-нибудь летчик повел бы себя как Том Круз, у него точно не было бы друзей. Он стал бы изгоем». Безрассудная смелость и наглое пренебрежение правилами безопасности за штурвалом самолета, на дикой природе или в другой среде с повышенным риском для жизни оборачиваются плачевно. Сегодняшнее повальное увлечение непуганых путешественников опасными видами спорта и отдыха на дикой природе приведет только к увеличению числа несчастных случаев. Этому во многом способствует агрессивная мифологизация экстремального образа жизни. На одной рекламе внедорожника Nissan изображено следующее: в открытом кузове этой замечательной машины сидит раненый велосипедист; на руках и ногах его надеты самодельные шины, рядом с ним лежит разбитый горный велосипед. Слоган: «Послеоперационная палата». Видимо, творцы этой рекламы имели в виду, что боль является

неотъемлемой частью веселья. Но причинять боль и ее испытывать – разные вещи.

Мой знакомый дзенский монах обучался стрельбе из лука. Он описал мне, как прошел его первый урок. Мастер отвел его на скалу, поставил мишень и взял в руки лук. Потом натянул тетиву и прицелился в мишень. После этого он немного повернулся и выпустил стрелу просто в никуда.

«В первую очередь мы офицеры и уже потом – летчики», – объяснил капитан Роджерс. Ведь смысл не в полете, как, впрочем, и попадание в мишень не является целью дзенской стрельбы из лука. Это, так сказать, просто сопутствующие эффекты определенного стиля жизни. Но не они формируют цельность вашего характера. Как только пропадет стремление попасть в мишень, сам путь приведет к цели. Лук за вас попадет сам. А цельность начинается со смирения. Когда я оканчивал курс обучения, капитана Роджерса перевели на истребитель F-15 Eagle – об этом мечтает каждый летчик, и такое назначение очень престижно. Я спросил его: «Вы получили это назначение, потому вы самый лучший?» – «Да ты что, – отмахнулся он. – Просто я везунчик. Повезло, понимаешь?»

Я тогда подумал, что выбор слов говорит о многом. До того как самолет отца подбили, он получил награду за спасение своего экипажа. Через много лет я спросил, как ему это удалось, и он ответил: «Просто я везунчик. Очень мне тогда повезло». И рассмеялся.

Глава 15

День падения

ВЕКТОР ВЫЖИВАНИЯ, по которому развивались жизни Джо Симпсона и Стива Каллахэна, начал формироваться еще в их детстве. Прежде чем выходить один на один с дикой природой, прежде чем бросать вызов ее силам, мы должны не только заслужить это право – прикоснуться к ее тайнам – но и стать достойными ее противниками. Подобные качества не обретешь ни на воскресных курсах выживания, ни в летнем бойскаутском лагере – даже если вы будете причислены к славному «орлиному» ордену «Бойскауты Америки», ни даже за несколько лет службы в армии. Питер Лешак писал:

При тушении пожара или в другой опасной ситуации вы не должны всего лишь сохранять спокойствие и невозмутимо переносить фактор неизвестности, вам следует иметь вкус к этому явлению –

прочувствовать его дразнящий запах и насладиться этим моментом. Иначе вы долго не протянете. Гарантию максимальной готовности встретить любые трудности вам даст хорошая подготовка: и общая психологическая, и физическая, и профессиональная, – подкрепленная годами практики и тренировок. Вы живете, чтобы жить. Подготовка становится действием, а действие – подготовкой.

Лешак говорит о том, что человек сам должен сделать себя достойным выживания; личным путем Лешака стала борьба с лесными пожарами, а путь выживания моего отца – управление самолетом под прицельным огнем.

Впервые о таком понятии, как достоинство, я узнал от отца. А потом постигал это понятие всю свою жизнь: и когда учился летать, и когда стал пилотом, и когда пошел на курсы подготовки пилотов к полетам по приборам, и когда сидел за штурвалом коммерческих самолетов, и когда учился выполнять фигуры высшего пилотажа. Я много летал за полярным кругом на Аляске: над хребтом Брукса и севернее – вдоль побережья от форта Уэйнрайт до Бэрроу, где опытным путем убедился, что безразличные силы природы жестоко наказывают за невнимательность и высокомерие.

Когда я участвовал в соревнованиях Международного клуба высшего пилотажа, то был свидетелем гибели участников состязаний. Тогда я понял, что необходимо одновременно обладать смелостью и смирением, открыть свое сознание навстречу вечно меняющемуся и движущемуся миру, понять, как взаимодействуют все его элементы, чтобы разобраться, что в этом мире происходит.

После авиакатастрофы мой отец получил слишком тяжелые увечья и не смог продолжить карьеру летчика. Он сел за студенческую скамью, потом начал заниматься наукой и стал профессором. Отец работал в Техасском университете, Бэйлорской медицинской школе и, наконец, в медицинской школе Северо-Западного университета. Я рос в лабораториях, наблюдая за его работой, учась и рассматривая человеческие клетки через электронный микроскоп. Кроме того, отец был преподавателем; я старался посещать его занятия и лекции, чтобы научиться говорить с ним на его языке – языке науки. Помню отца, поднимающегося на кафедру и неизменно начинающего лекцию словами: «Коллеги студенты...» Он научил меня смирению,

пониманию того, что мы все в этом мире – студенты, и как только человек перестает учиться, он умирает.

Когда отцу исполнилось семьдесят лет, я был уже известным пилотом – членом Международного клуба высшего пилотажа. На юбилей я приготовил ему подарок: посадил в свой самолет, поднял в воздух и продемонстрировал разные петли, виражи, вращения и перевороты. Каждый следующий прием был сложнее предыдущего, один маневр переходил в другой, и все это сливалось в один высокооктаново-бензиновый балет, исполняемый в воздухе для моего отца.

Для тех, кто ходит по земле, самолет – это шумный, выбрасывающий едкий дым летательный аппарат. Для пилота это чаще всего абсолютно беззвучная машина, что-то вроде парусной лодки (если, конечно, авиатор не услышит в работе мотора нехороший звук, что немедленно привлечет его внимание). Я заставлял самолет падать, подниматься, переворачиваться, достигать ускорения свободного падения четырехкратной или пятикратной силы, выполнял полет по глиссаде по десять раз подряд; я то устремлялся в синее небо, то падал к зеленым лугам, обдуваемый всеми ветрами и переполненный чувством радости. Пока я исполнял всю эту акробатику, отец сидел на пассажирском месте за креслом пилота. Я перестал понимать, что управляю самолетом, – я сам стал самолетом. Я чувствовал, словно мои нервные окончания доходят до самых кончиков крыльев.

Мой брат Майкл, который когда-то учился у отца, а потом стал терапевтом, выказывал сомнения по поводу моего мероприятия. Он боялся, как эти перегрузки скажутся на здоровье отца в его преклонном возрасте. Я приземлился, отец вышел из кабины и сказал: «Ты действительно хороший пилот». А он не привык рассыпаться в похвалах. Наверное, это был один из самых важных и счастливых моментов в моей жизни. Я понял, что достоин этого. Я заслужил небо.

МНОГИЕ ИЗ ТЕХ, КТО УЗНАЁТ, что мой отец чудесным образом выжил после авиакатастрофы, в первую очередь думают о падении самолета с огромной высоты или о том, как стоящий на обломках боевой машины немецкий крестьянин направил пистолет на отца, нажал на курок, и пистолет дал осечку. Это впечатляющие, но всего лишь отдельные эпизоды длинной истории его выживания.

Чтобы выжить, нужна удача – в этом нет никаких сомнений. Однако удача – это накопление частных случаев и обстоятельств в течение всей жизни. Однажды я приехал в национальный парк Глейшер, чтобы написать о крупнейшей в стране операции по очистке снега. Широкий поворот двухполосной «Дороги, ведущей к солнцу» рядом с высшей точкой автострады может заносить снегом глубиной до тридцати метров. В этих местах часто сходят лавины, которые уносят жизни людей и разбивают машины и оборудование. В теплое время года случаются камнепады, причем падающие камни могут достигать размеров автомобиля. Я сидел вместе с дорожными рабочими, а их начальник рассказал историю о том, что в прошлом году в день открытия дороги камень весом тридцать тонн упал на машину и убил сидевшего на водительском месте японского туриста, но не его жену, сидевшую в пассажирском кресле. Я подумал: «Надо же! Всю жизнь тот японец ездил по дорогам, и угораздило же его оказаться в этом месте в тот самый момент, когда упал этот огромный камень!» Жена туриста выжила. В момент падения камня ее выживание не закончилось, а только началось. Она должна была пережить эту трагедию и продолжать жить дальше. Это похоже на судьбу моего отца. Из истории о падении с огромной высоты самым важным уроком выживания оказался не факт везения, что он не погиб вместе с остальными членами экипажа. Главное – у него нашлись силы прожить еще шестьдесят лет после гибели любимого брата и всего экипажа его боевой машины, после многочисленных переломов и лагеря для военнопленных. Отцу было тогда двадцать три года, и он должен был создать стратегию, которая помогла бы ему пережить все то, что ждало его в будущем. Я видел его старых боевых товарищей-авиаторов, которые сдались и превратились в развалины, в ходячие привидения. Поэтому я с полным основанием утверждаю: если осечка пистолета и была счастливым случаем, то все случившееся после не имело к удаче никакого отношения.

Отец лежал среди обломков самолета и с интересом наблюдал, как человек, только что хотевший его убить, пытается разобраться со спусковым механизмом. Отец рассмеялся, что привело немца в неистовство, и он с бешенством начал выплевывать проклятия и ругательства. Отец довольно хорошо понимал по-немецки и подумал, что происходящее словно взято из голливудского фильма. Все

напоминало фарс, вышедший из-под пера сумасшедшего сценариста: упасть без парашюта с высоты более восьми тысячи метров – и уцелеть лишь ради того, чтобы угодить в лапы злобного крестьянина с пистолетом. Над такой сценой можно долго смеяться. Этот эпизод стал началом, а не концом спасения отца. А смех будем считать краеугольным камнем всего процесса выживания.

Вскоре у места падения самолета появился немецкий офицер, который сообщил, что американский летчик теперь является военнопленным рейха. Между двумя немцами возник спор. Были произнесены неприятные слова. Крестьянин утверждал, что американца надо застрелить за то, что он их бомбил. Кроме прочего, долго он не протянет. Достаточно посмотреть на то, что у него нет носа, отовсюду кровотечение и все кости переломаны. И совершенно очевидно, у него уже неладно с рассудком. Посмотрите, он смеется!

Пока крестьянин и офицер спорили о судьбе летчика, из своего дома на окраине города Нойса (сейчас это уже пригород Дюссельдорфа) появилась госпожа Пайффер. Обломки передней части самолета упали на железнодорожные пути, которые граничили с ее землей, и она не была в восторге от происшедшего. (Задняя часть самолета вместе с трупами некоторых членов экипажа, один из которых потерял где-то в воздухе ноги, упала в километре от места падения передней части.) Фрау Пайффер наблюдала за всем происходящим из окна своего дома. В последнее время она перестала ходить в бомбоубежище во время бомбежек. Немецкие солдаты оказались практически подростками, и Пайффер, воспользовавшись авторитетом своего возраста, приказала им оказать первую медицинскую помощь сбитому летчику.

ОТЕЦ ПРИШЕЛ В СЕБЯ. Он лежал на снегу рядом с мертвыми членами всего экипажа. «Я то терял сознание, то снова приходил в него, – рассказывал он мне. – Я был безумно счастлив. Может быть, причиной тому были мои ранения. Может быть, кто-то дал мне морфий. Не знаю. Но я не ощущал боли и был счастлив от того, что жив».

Слева от отца лежал полковник Хантер, его начальник и второй пилот во время последнего вылета. Как капитан боевой машины отец нес ответственность за безопасность своего экипажа. Теперь лежащий

на свежесыпавшем снегу полковник был мертв. Лейтенант чувствовал себя виноватым за то, что все погибли, а он выжил.

Но он не успел глубоко погрузиться в свои противоречивые чувства, так как его начало рвать кровью. Отец решил, что у него повреждены внутренние органы. Мгновенно радость сменилась чувством ужаса от того, что он неизбежно умрет. Пережить все это и умереть здесь, на снегу?! Отец начал плакать, и к нему подошел немецкий солдат, совсем мальчишка. Немец наклонился и поставил на место отрезанный нос американского лейтенанта. Нос, державшийся на лоскуте кожи, отрезал кусок стекла или металла. Тогда отец понял, что, лежа на спине, он глотал вытекающую из свежей раны кровь, от которой его рвало. «Я буду жить!» – и он снова чувствовал себя на седьмом небе от счастья. После этого отец опять потерял сознание. Фрау Пайффер приказала солдатам перенести американского лейтенанта в ее дом. Когда отец снова пришел в сознание, он лежал около горящего камина. Хозяйка дала ему чая и сигарету. Так как обе руки и ноги, а также многие ребра были сломаны, женщине пришлось держать для него и чашку, и сигарету. Отец подумал: «А жизнь в плену не такая уж и плохая. Интересно, в каждом лагере для военнопленных есть камин и угощают чаем с сигаретой?»

Потом к дому подъехал грузовик, отца забросили в кузов и куда-то повезли по промерзшей земле. «Меня начало подбрасывать на промерзших ухабах, и я почувствовал, как концы разломанных костей трутся друг о друга», – вспоминал он. Боль была такой страшной, что отец закричал и кричал до тех пор, пока снова не потерял сознание. Каждый раз, приходя в себя, он снова начинал кричать, после чего опять терял сознание.

Наконец, они прибыли в лагерь для военнопленных в Герресхайме. Отец оказался в подвальном помещении вместе с заключенными из всех стран Европы и из США. Один из узников, француз доктор Жери, оказался участником Сопротивления. Он был хирургом, и власти лагеря выдали ему минимальный набор препаратов и инструментов, чтобы он мог оказывать медицинскую помощь заключенным. В созданном доктором импровизированном лазарете работало несколько медбратьев.

Доктор Жери обмотал тело отца струнами от пианино, наложил импровизированные шины и, как большого паука-альбиноса, подвесил

под потолок подвала под лампочкой без абажура.

В последующие дни и недели доктор Жери постепенно затягивал струны от пианино – так сказать, настраивал музыкальный инструмент, отчего мой отец орал благим матом так, как не орал с тех пор, как его привезли в лагерь на грузовике. Отец умолял дать ему морфия, на что доктор отвечал: «Да? А как кричат дети, которых ты бомбил, слышал? Морфий предназначен для героев. Не для американских летчиков, которые бомбят детей». Потом он еще сильнее закручивал струны, отчего отец кричал еще громче. Жери был пацифистом. «Странно, – думал отец, – меня пытаются не немцы, а союзники». Он ощущал к Жери столько же любви, сколько и ненависти.

Восьмая армия американских ВВС продолжала наносить бомбовые удары по району, в котором находился лагерь отца. Заключенные слышали гул пролетающих самолетов, после чего земля сотрясалась и электрическая лампочка над кроватью отца начинала трястись от близких разрывов пятисотфунтовых бомб. Отец смотрел на раскачивающуюся лампочку и слушал, как струны пианино поют странную, диссонансную мелодию, напоминающую произведение Бартока, прелюдию к прямому попаданию в здание, которое разнесет в клочья всех его обитателей. Когда бомбы падали совсем близко, лампочка на проводе качалась так сильно, что разбивалась о потолок, осыпая его мелкими кусочками битого стекла.

Когда на немецкие поля пришла весна, кости отца срослись. Мускулистый медбрат, француз по имени Анри Моро, брал его, как ребенка, относил наверх и сажал на солнце, предварительно накрыв одеялом. В один апрельский день отец, укрыв колени одеялом, сидел на стуле на солнце. Стояла прекрасная, почти безоблачная погода. До этого дул сильный ветер и унес запахи войны, которые иногда висели в воздухе. Солнце было ласковым, а воздух прохладным. Отец был один, за исключением охранников, которые стояли в стороне. Отец смотрел на далекие холмы, мечтал и подремывал. Мечтал он в основном о еде. Охранники питались картошкой, потому что никакой другой еды не было. Очистки картошки они отдавали заключенным, и те делали из них жидкий суп. Медленно умирая с голоду, отец в лагере решил, что ему очень нравится майонез, который он, кстати, любит по сей день. Еще отец вспоминал свою мать Розу, которая выращивала розы и

занималась керамикой, а также свою невесту, мою будущую мать Анну Мари Мошер (дедушка которой работал железнодорожником и которого переехал поезд в день его шестидесятилетия).

Отец вспоминал свою старую собаку по кличке Джи Ай и как его отец Августин приходил к Розе после работы и жарил шашлык на дровах из мескитового дерева в выложенном камнями кострище в саду, чтобы потом продавать его местным рабочим. Августин подметал сначала открытую веранду и крыльцо дома, а потом и проход от дома до грунтовой дороги, на которой они жили. Солнце садилось, и Августин мел между рядами роз, которые вырастали у моей бабушки такими красивыми.

Слева от отца двое охранников играли в карты. Справа несколько охранников стояли, уставившись в пространство, и двое солдат курили одну сигарету. Далекие холмы начинали зеленеть от травы. Отец чувствовал себя спокойным, почти счастливым, несмотря на спазмы в пустом желудке и боль в срастающихся костях.

Вдруг на дальней возвышенности он заметил какое-то движение. Отец присмотрелся и увидел, что это человек, который, казалось, вырос из-за холма. Человек постепенно приближался. Он передвигался так, будто нес тяжелую ношу. Он шел издалека, фигура его то появлялась на вершине одного холма, то исчезала, скрытая от глаз другими холмами. Человек находился слишком далеко, чтобы его можно было рассмотреть, но даже на большом расстоянии его фигура притягивала к себе внимание. Ранее отец никогда не замечал, чтобы люди вообще ходили в тех местах. Потом в движениях человека отец отметил что-то знакомое. На расстоянии он не мог рассмотреть детали, было понятно только, что человек несет большой рюкзак и, может быть, что-то еще.

Но отец никуда не торопился, он подремывал и смотрел на приближающуюся фигуру. Он не помнил, сколько прошло времени. Фигура приближалась и становилась все больше на фоне свежей изумрудной травы. Она зашла за холм и скрылась из глаз, потом опять появилась на другом холме, становясь все больше. Отец даже привстал со стула, настолько фигура и ее ноша его заинтриговали. В голове промелькнула мысль, что все, что он видит, скорее всего, бред умирающего от голода.

Наконец приближающуюся фигуру заметили и охранники. Картежники перестали играть. Один из курящих потушил сигарету носком сапога, выдул синий дым в неподвижный воздух и, прикрыв глаза ладонью от солнца, начал всматриваться в приближающегося человека. Охранники сбились в кучу, вглядываясь в фигуру, которая тогда переходила через поле с желтыми цветами. Стало видно, что человек одет в серо-зеленую камуфляжную форму и вооружен. Голова его казалась непропорционально большой и круглой. Неожиданно отец понял – идущий был в каске. Казалось, что он идет не по желтым цветам, а по раскаленному жидкому солнцу.

Охранники взяли шмайсеры наперевес. Все сосредоточили внимание на одинокой фигуре человека, который так долго шел и не торопился приходить. Казалось, что ландшафт то поглощал его, то опять преподносил взору, словно он колыхался на океанской волне желтых цветов. Все пристально наблюдали за ним, будто последователи древнего культа, ожидавшие долгожданное появление божества, которое пророчили их мифы.

Возможно, молодые немецкие охранники раньше отца поняли, кто приближается к лагерю. Фигура человека находилась на расстоянии двадцати метров от отца, когда тот, наконец, начал осознавать, кого он видит. Ум раненого летчика отказывался верить в то, что стоит у него перед глазами.

Потом отец услышал, как позвякивают котелок, штык, пистолет «Вальтер» Р38, солдатские металлические бирки и кружка. Снаряжение издавало какую-то архаичную мелодию. Отец слышал шарканье ботинок, слышал самые разные звуки вплоть до тряски вещей в набитом рюкзаке. Никто, никто в мире не ходит так, как шел этот человек. Сомнений больше не было – на свете существует только один тип людей, выглядящих так расслабленно и при этом так грациозно. Беспечная походка, безразличное спокойствие и абсолютная уверенность, с которой человек приближался к лагерю, – все это уже стало легендой, запечатленной во многих романах и фильмах.

Человек находился на расстоянии всего нескольких метров, когда отец понял, кто он. Отец посмотрел на охранников, которые, как он думал, должны были передернуть затворы автоматов и открыть огонь. Вместо этого он увидел, что на их молодых лицах появилось

выражение не страха, а облегчения от того, что все это наконец закончилось. Одинокая фигура подошла еще ближе, и они бросили оружие и подняли вверх руки.

Одинокий рядовой спокойно и с достоинством прошел мимо охранников, стоявших с поднятыми руками, словно вросшие в землю столбы. Американский разведчик направился прямо к отцу. Когда тень солдата заслонила слепившее отца солнце, он смог рассмотреть его лицо: большие кривые зубы, ухмылка, мягкие, неопределенного цвета волосы и загорелое лицо под каской. В руке солдат небрежно держал винтовку М-1.

Он жевал жвачку.

Солдат ухмыльнулся отцу, достал из кармана пачку Lucky Strike и дал ему одну сигарету. Отец взял ее здоровой левой рукой, после чего солдат с молниеносной быстротой боевого ветерана щелкнул зажигалкой Zippo и зажег сначала свою, а потом, заботливо прикрывая руками огонь, отцовскую. Глядя друг на друга, оба выпустили дым.

– Ну, привет, солдат, – сказал солдат.

– Рад тебя видеть, – ответил отец.

– Тебе поесть не помешает, – сказал солдат.

– Точно не помешает, – согласился отец.

И его начало трясти – отчего, отец не знал.

Солдат поставил на землю рюкзак, порылся в его содержимом и вынул кусок сыра и буханку черствого хлеба. Он оторвал кусок хлеба и дал его отцу, потом достал нож и стремительным движением отрезал толстый кусок сыра. Отец набросился на еду и начал есть жадно и громко, как собака. У него не было сил сдерживаться, и он смотрел на каждый кусок еды так, словно кто-то может его украсть. Отец заметил, что улыбка солдата стала грустной, и подумал, что, наверное, он представляет собой жалкое зрелище – в порванной, застиранной и покрытой пятнами крови летной форме. Когда отец попал в плен, он весил восемьдесят пять килограммов. Когда его вывозили назад в Штаты – шестьдесят килограммов.

В КАЖДОЙ СЕМЬЕ СУЩЕСТВУЮТ СВОИ РИТУАЛЫ ВЫЖИВАНИЯ, кодексы чести и четкие представления о том, что значит быть достойным. Когда я был маленьким, моя мать каждый год 23 января устраивала специальный обед в память дня, когда бомбардировщик отца сбили над Германией. Каждый год я узнавал

новую деталь этого происшествия. (Иногда ночью я просыпался от криков отца, которому снились кошмары.) Я, конечно, понимал, что это правдивая история, но все же мне было сложно представить, что парень, упавший с неба, и мой отец – один и тот же человек. Хотя все доказательства я мог видеть своими глазами на теле папы. В его правой руке был вставлен стальной штырь, и он мог сгибать ее в локте всего на несколько сантиметров. Когда отец прыгал с трамплина в бассейн, я видел, что во многих местах его кости срослись неровно. (Поразительно, что он вообще мог ходить, не говоря уже о том, чтобы управлять автомобилем.) Когда я был совсем маленьким и не доходил папе до пояса, я прекрасно видел страшные шрамы на его ногах. Ноги отца были настолько деформированы от удара, что, когда один из моих братьев, Филипп, был совсем маленьким, он испугался их и горько расплакался. Чтобы отец мог ходить без боли, ему приходилось заказывать специальную обувь.

Отец выжил, потому что был спокойным. Вся его жизнь является тому доказательством. Но мне, чтобы понять это, потребовались десятилетия. Отец был спокойным, когда должен был умереть. Когда самолет подбили, он сказал только то, что было необходимо: «Всё. Прыгаю, прыгаю, прыгаю». Так должен был вести себя летчик согласно инструкциям. Так он должен был себя вести согласно неписаному, стоическому кодексу летчиков. Отец получил Крест летных заслуг не за свой последний боевой вылет, а за один из предыдущих полетов, когда ему удалось спасти весь экипаж благодаря спокойствию и умению. Его самолет был подбит, вышли из строя два мотора и радио, сильно пострадали крылья и хвост боевой машины. Произошла утечка горючего. Самолет быстро терял высоту. Из-за сильной облачности отец не знал, где они находятся. Он понимал, что если даст команду экипажу выбрасываться с парашютами, то все они могут угодить в ледяные воды Северного моря. Неожиданно отец увидел, что из облаков вылетела ракета, понял, что там, скорее всего, находится земля, и направил самолет туда. Когда шасси самолета коснулись взлетной полосы аэродрома в освобожденной союзниками Бельгии, все приборы окончательно отказали. Члены экипажа отмечали свое спасение всю ночь и легли спать под звуки деревянных сабо местных жителей, направлявшихся утром на работу.

У меня есть фотография отца вместе с тремя членами его экипажа, снятая на военной базе Нутампстед, до того вылета в 1944 году. Пилот Чарльз Кахоури стоит справа от отца. Слева от отца Джек Лэйден и Джек Катчбэк, которые находились на борту бомбардировщика во время последнего боевого вылета отца. Трое коллег отца одеты в хорошо выглаженную военную форму, фуражки на их головах сидят ровно. Они держатся как настоящие военные, но, хотя и улыбаются, вид у них довольно нервный, чтобы не сказать испуганный. При этом отец не просто без формы, а вообще без рубашки. На нем солнцезащитные очки Ray-Ban Aviator, фуражка набекрень, и он выставил вперед одну ногу, словно собирается пуститься в пляс. Отец ухмыляется, как настоящий сорвиголова. Именно так мне описывали отца его сослуживцы. Каждый раз, когда я смотрю на эту фотографию, меня мучает вопрос: «Черт возьми, о чем он тогда думал?» Не так давно я снова увидел эту фотографию и вдруг понял, что те трое парней уже давно умерли.

Отец не позволил ранениям изменить свою жизнь в худшую сторону.

В воскресенье рано утром он появлялся на кухне с тростью и в цилиндре и начинал танцевать чечетку, напевая: Gimme That Old... Soft... Shoe... («Дай мне те старые мягкие туфли»). Отец отбивал пальцами партию ударных и насвистывал мелодию. Он вскрикивал, хлопал в ладоши и крутил трость, как герой картины «Бриллиантовый Джим» (Diamond Jim). Потом он отбрасывал трость и начинал жонглировать тремя яйцами из тех, которые мама собиралась приготовить на завтрак, несмотря на ее протесты. Она смеялась и говорила, что ему самому придется мыть пол.

– Разбить яйца? Ни в коем случае.

Потом, чтобы продемонстрировать свои способности, отец начинал жонглировать яйцами за спиной. Мне, мальчишке, тогда казалось, что все эти и многие другие удивительные способности отец приобрел благодаря тому, что был летчиком, самолет которого подбили, но он выжил. Судьба уготовила ему самые тяжелые испытания, которые он успешно прошел, и теперь он – король, умница и красавец, сидящий в окружении обожающей его свиты. Мой отец обладал даром потрясающей собранности, позволявшей ему не только не ронять яйца, которыми он жонглировал, но и спокойно читать

журнал Journal of Cell Biology («Биология клеток») в окружении пяти (а потом шести и семи) сыновей, наполнявших весь дом шумом и гамом. Согласитесь, что это последнее достижение – абсолютное ничто по сравнению с необходимостью прочитать перевернутый вверх ногами текст инструкции, что нужно делать при чрезвычайных обстоятельствах на высоте девять километров в сбитом самолете без левого крыла, который несется к земле с такой скоростью, что глаза вылезают из орбит.

Я понимал, что вряд ли приобрету все качества своего отца. Совершенно очевидно, что он не собирался делиться секретом, как сам их приобрел. Авиаторы не склонны к болтовне. Я завидовал (в хорошем смысле слова) чертам его характера и его умениям. Поэтому уже в раннем детстве был полон решимости приобрести хотя бы часть той харизмы, которой он обладал.

Поэтому я начал ездить на мотоциклах-внедорожниках со скоростью 180 километров в час по пересохшим озерам мексиканских пустынь во время песчаных бурь. Поэтому оказался ночью на острой, как лезвие бритвы, скале во время снежной пурги без палатки в самом высоком месте к востоку от Скалистых гор. На голой горе из кремнистого известняка где-то за Полярным кругом я стоял с автоматическим ружьем, заряженным девятью патронами – через один патрон дробы и патрон с пулей, в ожидании медведя гризли, который вышел к нашему лагерю, учуяв свежую кровь оленя. Поэтому я пролетал кабиной вниз в трех метрах от земли со скоростью 225 километров в час на специальной полосе препятствий в калифорнийских горах Санта-Сусанна. Потом я писал об этом и давал читать отцу. В квартире всех бывших военных летчиков есть специальный уголок, что-то вроде «комнаты воспоминаний». Там хранятся летные нашивки и фотографии, на которых он снят с теперь уже давно мертвыми друзьями в те добрые старые времена, когда они служили в ВВС. Напротив стены с этими дорогами ему вещами висит книжная полка, где отец собрал все, что я написал. Мои дочери утверждают, что у меня работа, о которой мечтает каждый тринадцатилетний мальчишка. Мои бывшие жены считают, что я так никогда и не повзрослел.

После того как самолет моего отца сбили, для выживания ему не требовалось забираться на гору, как Джо Симпсону, или ловить рыбу в

Атлантическом океане, как Стиву Каллахэну. Мне кажется, что вся предыдущая жизнь отца со всей хаотичной последовательностью действий, событий, суждений и влиянием сил, которые Клаузевиц назвал трением и случайностью – этими биполярными факторами, определяющими путь развития всего в мире, – привела его к тому, что он выжил после падения с огромной высоты и потом в лагере. Я думаю, что путь японского туриста, погибшего под камнем в национальном парке Глейшер, начался с первого деления оплодотворенной яйцеклетки и с того момента, когда будущее человека «прописывалось» на сахарных спиральях ДНК.

Это не означает, что все предопределено судьбой. Как раз наоборот. Системы, в которых мы существуем, непредсказуемы, и результаты их действия весьма серьезные и крайне неожиданные. Тем не менее в них прослеживаются закономерности. Мальчик, съезжающий на велосипеде с крыши гаража просто так – чтобы посмотреть, что из этого получится. А потом, после школы, он сел на лошадь и стал кавалеристом, чтобы скакать и стрелять, и достиг «почти мистического уровня сознания», по выражению Лешака. Мальчик привык к ветру, дующему в лицо, познал скорость и запах пороха, научился метко стрелять. В качестве жокея на лошади он познал и что такое возбуждение, и необходимость сохранять полную невозмутимость. Когда он учился летать, он привыкал к запаху масла и дыма, он привыкал чувствовать ужас, но оставаться спокойным, не сбиваться с курса и не терять высоты, если вокруг самолета разрываются снаряды. Когда последний взрыв взломал алюминиевую обшивку боевой машины, нашинковав ее раскаленными осколками, вывел из строя приборы управления, он понял, что судьба хочет принести его в жертву. В этот момент он захотел почти невозможного – жить. Его желание сбылось, потому что у него был огромный опыт, накопленный за всю предыдущую жизнь. «Он сам себя спас».

Выживание – это непрерывный духовный и физический труд, которым человек занимается всю жизнь. Езда на велосипеде, другие детские и подростковые опасные увлечения способствовали тому, что отец научился правильно падать. Отец спас свой экипаж в небе над Бельгией, но потерял его в небе над Дюссельдорфом. В общей сложности над Германией отец потерял восемь членов своего экипажа. Его первенец умер в младенчестве. Но даже учитывая эту потерю,

наша семья, капитаном которой был мой отец, насчитывала ровно девять человек, включая отца. Именно столько погибло на его боевой машине в 1945 году.

ЛЕЙТЕНАНТ ФЕДЕРИКО ГОНСАЛЕС был освобожден из лагеря для военнопленных 17 апреля 1945 года. Через тридцать лет после этого события я работал над статьей для журнала Playboy об авиакатастрофах, в которой, кроме прочего, исследовал технические недостатки одной очень распространенной модели пассажирского самолета, а именно McDonnell Douglas DC-10. Результаты моего исследования и других показывали, что с DC-10 произошло больше аварий и возникло больше серьезных проблем, чем с какой-либо другой моделью современного пассажирского авиалайнера. Тогда я занимал в журнале пост пишущего редактора, и по работе вместе с другими сотрудниками мне надо было посетить встречу Американской книготорговой ассоциации, которая проходила в Лос-Анджелесе. На эту встречу собирались наш выпускающий редактор Шел Уэкс и его жена Джуди, первая книжка которой вышла незадолго до этого. В Лос-Анджелесе Джуди планировала заняться продвижением своей книги среди профессионалов: книгоиздателей и продавцов. Кроме них на встречу собирались редактор по иностранным правам Мэри Шеридан и редактор художественной литературы Вики Чэнь Хайдер. Я планировал вместе с ними вылететь рейсом 191 авиакомпании American Airlines. Но когда я узнал, что рейс будет осуществляться на самолете DC-10, то сказал Шелу, что я передумал и этим рейсом не полечу. В ответ тот только рассмеялся и заметил, что я слишком много читаю. Он был прав, я действительно много читал. К тому времени я уже несколько лет летал на собственном небольшом самолете компании Piper, и мысль о том, чтобы сесть в кресло салона DC-10, меня совершенно не радовала.

В то утро я был в офисе Шела на десятом этаже здания Palmolive, где находилась редакция Playboy. Я поговорил с Джуди, с которой у меня были отличные отношения. Она подписала мне экземпляр своей книги. Я попрощался с Вики, у которой был годовалый сын. Мы с Вики часто встречались в автобусе по пути на работу. Я зашел к Мэри и пожелал ей хорошего полета. Я видел, как Шел и Джуди, взявшись за руки, вышли к лифтам, сделанным в стиле ар-деко. Помню, что я тогда позавидовал им, потому что после долгих лет совместной жизни они

по-прежнему были влюблены друг в друга, как школьники, и шептались и смеялись в ожидании лифта.

Их полет продолжался 31 секунду – самолет упал на землю в поле поблизости от бензохранилища и стоянки для автомобилей с туристическими автоприцепами. До падения на землю самолет перевернулся в воздухе кабиной вниз. Все 273 человека, которые находились на борту, погибли. Даже сейчас, почти четверть века спустя, эта авиакатастрофа является одной из самых крупных в истории американской гражданской авиации. Я жил всего в двадцати минутах езды от места катастрофы и был на месте происшествия, чтобы написать о нем сразу после того, как потушили огонь. Красавицу Вики с прямыми китайскими черными волосами опознали по данным, которые имелись у ее зубного врача.

После этой трагедии я начал еще больше летать и еще больше писать об авиации. Я часто задумывался о том, что стремлюсь жить так, как прожил мой отец. Я всегда следовал его примеру и старался быть таким, как он. Мне долгое время казалось, что я подмастерье героя. Но потом я осознал, что это не так. Мой отец не был героем. Он был человеком, который хотел жить и умел выжить. Наконец я собственным умом понял, как надо выживать. Я прошел долгий путь. Все мои действия, суждения и обстоятельства, в которых я оказывался, привели к тому, что, сидя на шелковом диване в офисе Шела, на его вопрос, хочу ли я полететь с ними в Лос-Анджелес, я твердо ответил «нет». Я сам понял, как надо выживать. Мне больше не надо было спрашивать себя: «А как поступил бы на моем месте отец?»

ВСЕ ПРЕДЫДУЩИЕ ДЕЙСТВИЯ, суждения и жизненные обстоятельства привели к тому, что отец оказался в том месте и в то время, когда 23 января 1945 года на высоте девять километров рядом с его самолетом разорвался 88-миллиметровый снаряд. На подсознательном уровне люди воспринимают и признают правильность теорий хаоса и сложности. Более чем достаточно историй написано о том, что могло бы произойти, если бы можно было вернуться в прошлое и что-то изменить. Читателю хорошо знакома старая английская песенка:

Не было гвоздя —

Подкова пропала.

Не было подковы —

Лошадь захромала.
Лошадь захромала —
Командир убит.
Конница разбита —
Армия бежит[79].

Если бы полковник Хантер в тот день решил сесть в левом кресле вместо правого, я не родился бы, а вы не читали бы этой книги. Если бы в 1973 году мне в журнале поручили написать статью не о безопасности авиапассажирского транспорта, а о чем-нибудь другом, я бы ничего не знал о DC-10 и спокойно сел в самолет вместе с Шелом и Джуди. И вы опять же не прочитали бы этой книги.

Выживание – благодаря ли счастливой случайности, упорному труду или сочетанию этих факторов – не ограничивается часами или днями. Как Солон мудро ответил Крезу, нельзя судить о жизни человека до тех пор, пока его жизнь не закончилась. Мое личное выживание оказалось не связанным с выживанием Шела, Джуди, Вики и Мэри, и я продолжаю выживать в самых разных условиях и при разных обстоятельствах. Падение самолета, которым управлял отец, положило начало этой книги, а катастрофа рейса 191 авиакомпании American помогла окончательно оформиться. В мире, где правит фатальный порядок, распространяющийся на физику Ньютона, относительность Эйнштейна, термодинамику и квантовую теорию, с незыблемостью законов природы (как, например, тяготения и др.), невозможно утверждать, что что-либо происходит случайно. Случайность – это всего лишь слово, которое мы придумали, дабы объяснить зыбкие границы между порядком и хаосом. Следовательно, судьба представляет собой борьбу или напряжение между естественным правом, согласно которому все движется в сторону дезорганизации (энтропии) и естественным правом, обуславливающим принцип самоорганизации (теория сложности). Если мы признаем, что эти две силы являются важнейшими законами природы, тогда все встает на свои места и мы можем двигаться к светлому будущему, благополучно вернувшись в прошлое с китайской концепцией инь и ян.

Выживание отца не окончилось падением с высоты девять километров. Я наблюдал, как он выживал, и это оказало на меня огромное влияние. Его выживание началось с того, что, когда у него

были сломаны руки, ноги и ребра, немецкий солдат пожалел его и поставил на место его нос. Потом отца отправили домой. Он рассказывал, что самым страшным полетом его жизни был не тот, после которого он упал с неба. Самым страшным полетом оказался перелет в Америку на старом DC-3, во время которого он наблюдал через иллюминатор, как ходуном ходят крылья попавшего в шторм самолета и как в салоне содержимое пепельниц высыпается на пол.

В Америке отец начал строить свою жизнь. Восстав из могилы, он защитил диссертацию, нашел работу в престижном учебном учреждении, печатался в научных изданиях, выучил многих студентов-медиков, а в свободное время занимался керамической лепкой, рисовал и пел, аккомпанируя себе на пианино, вырезал скульптуры из дерева, собирал модели самолетов, собрал нашу первую стереосистему и в поисках приключений исколесил со всей семьей половину Америки на фырчащем микроавтобусе Volkswagen 1956 года выпуска. Он торопился жить и постоянно пробовал новые увлечения. Сидя в темной лаборатории, он при помощи электронного микроскопа пытался узнать секреты клеток, и всегда и везде им двигало любопытство.

Я помню, что целое лето мы вырезали из разных видов древесины бумеранги и изучали их аэродинамические свойства, чтобы понять, почему они возвращаются, хотя по Ньютону они должны были продолжать лететь вперед.

Он был единственным знакомым мне человеком, который от начала до конца прочитал «Поминки по Финнегану» (Finnegans Wake) Джеймса Джойса. Отец напоминал мне героя фильма «Великий Сантини» (Great Santini), говорившего своему сыну: «Ешь жизнь, пока жизнь не съела тебя». Когда я позволял себе какую-нибудь очередную бесшабашную выходку, отец, почти как в дзенском коане, говорил: «Ладно, только когда ногу сломаешь, не прибегай ко мне жаловаться».

Катастрофа не сломала отца. Как ученик дзенского монаха, он научился приседать, поэтому ему не был нужен меч. Сложности только помогали выковывать его характер и являлись источником бесконечной энергии. Отец научил меня первому правилу выживания: в этой жизни возможно всё.

Приложение

Правила выживания

СЕЙЧАС ВЫ, ВЕРОЯТНО, ЗАДУМЫВАЕТЕСЬ ОБО ВСЕМ, что прочитали, и задаетесь вопросом: «Все это, конечно, занято, но что я должен делать? Как избежать опасной ситуации, как выжить, если я в такой ситуации окажусь?» Задача моей книги не в том, чтобы рассказать вам о конкретных действиях. Ее смысл в более глубоком понимании происходящего, которое поможет выйти из той или иной сложной ситуации – каждый из нас рано или поздно может в ней оказаться.

Тем не менее можно дать некоторые советы, полезные во всех опасных для жизни обстоятельствах, связаны ли они с чувствами, финансами или выживанием после перелома ноги на горе в Перу. Эти советы применимы не только в случае, когда жизнь человека находится в опасности, но в любом сложном жизненном положении. Советы, как и вся книга в целом, предназначены не только для военных летчиков, спортсменов-олимпийцев или альпинистов, которые могут смотреть смерти в лицо чаще, чем все остальные. Эти советы пригодятся и тем, кто хочет достойно пройти трудный жизненный период, и тем, кто любит отдыхать в условиях дикой природы, чтобы почувствовать прилив адреналина.

Стоит получить знания, которые преподают на курсах выживания. Правда, на них, как правило, не изучают сокровенные тайны древних и не проходят теорию несчастных случаев, но тем не менее там можно узнать много полезного, поэтому я настоятельно рекомендую их даже тем, кто не планирует заниматься активным отдыхом на дикой природе. Однажды на озере Массакер в Неваде геолог Бюро землеустройства рассказал мне о молодой супружеской паре с маленьким ребенком, которые ехали на восток и по ошибке заехали в горы во время снежной бури. Несколько дней пара была вынуждена провести в пещере, после чего мужчина пешком дошел до ближайшего поселения и попросил помощи. Эти люди не планировали проводить время в горах и пещерах, но, после того как техника, на которую они полагались, их подвела, они оказались беспомощными перед силами природы. Если бы они прошли курсы выживания, им не пришлось бы испытывать так много трудностей. По крайней мере они знали бы, что в путешествиях стоит иметь с собой спички для разведения костра.

Мне кажется, что всем людям было бы полезно узнать азы выживания и понимать умственный настрой, необходимый, чтобы

пережить трудности. Эти знания могли бы пригодиться в ситуации, когда по каким угодно причинам человек оказывается оторванным от удобств цивилизации (включая финансовую помощь и эмоциональную поддержку). Инструкторы курсов выживания говорят о том, что среди их клиентов все чаще встречаются бизнесмены, которые не планируют заниматься активным отдыхом или спортом, но стремятся приобрести качества, способствующие выживанию в *их* условиях. Поэтому я приведу некоторые советы, которые могут быть полезными, чтобы не попадать в опасную ситуацию и чтобы уметь разрешить ее, если вы в ней окажетесь.

Осознайте, поверьте и потом действуйте. Чтобы избежать несчастных случаев, надо быть умным. Нейробиолог Хорас Барлоу считает, что интеллект – это способность «правильно угадывать», то есть умение предсказать результат действия. Обучение помогает делать предположения в той или иной ситуации более точными. Но обстоятельства ситуации постоянно меняются, следовательно, необходима гибкость ума, чтобы понять, что происходит, и соответствующим образом изменить свое поведение. Поэтому обучение и способность предсказывать результат действия никогда не будут лишними.

В Корее существует боевое искусство под названием комдо, похожее на японское кэндо. По крайней мере первоначально бойцы кум-до сражались на острых мечях до смерти. В наши дни во время поединков используются бамбуковые палки, но даже сейчас в этом боевом искусстве сохранилось движение, которым боец стряхивает с оружия кровь, чтобы она не застыла и не затупила «клинку». Учителя кум-до говорят о «четырех ядах для ума» – страх, смятение, сомнение и удивление. Первые три кажутся очевидными, но вот над четвертым мне пришлось немного поломать голову. Потом я понял, что желание предугадать действия противника может сослужить плохую службу. Боец кум-до не предугадывает движения соперника, потому что ошибочное предположение может привести к удивлению, которое на долю секунды приведет к смятению, что может закончиться смертью. Боец кум-до должен спокойно наблюдать и в нужный момент решительно действовать. Убить можно одним ударом, и часто за время схватки наносится всего лишь один удар, поэтому кум-до учит вниманию, точному управлению телом, вежливости, смирению и

уверенности, то есть всем качествам, которые необходимы для борьбы с силами природы.

Некоторые инструкторы курсов выживания преподают по схеме, которая названа STOP – по первым буквам слов *Stop, Think, Observe, Plan*, то есть «остановись», «думай», «наблюдай», «планируй». (Было бы логичнее говорить о цепочке «остановись», думай», «наблюдай», «планируй», «действуй», но в этом случае не получится такой значимой и хорошо запоминающейся аббревиатуры.) Инструкторы учат клиентов поведению в опасных для жизни ситуациях, а также тому, как их можно избежать.

Крайне важно иметь не просто план действий, но и запасной план, и план отступления. Перед началом любого опасного мероприятия стоит проговорить возможные варианты развития событий и разработать вышеупомянутые планы. При этом не надо слепо *следовать плану в любых ситуациях* – вы всегда должны быть готовы его изменить. Отсутствие гибкости – крайне опасное человеческое качество. Если боец кун-до распланирует все свои действия заранее, поединок закончится не в его пользу. Выживание – это адаптация, а адаптация – это изменение, основанное на восприятии происходящего в окружающей среде. В некоторых случаях стоит придерживаться плана, потому что любые изменения не приведут к положительным результатам. Например, если во время прогулки в национальном парке Глейшер ([глава 9](#)) я придерживался бы изначального плана по маршруту, обозначенному указателями, а не пошел бы куда глаза глядят в обществе обворожительной девушки, то никаких проблем у нас и не было бы. Если бы, например, на каждой развилке дороги я поворачивался и внимательно запоминал ориентиры, то мы не потерялись бы.

Несчастных случаев избегают те, кто четко видит, что происходит в окружающем мире и как он изменяется. Действия этих людей подстраиваются под изменения в окружающей среде. Конечно, это не универсальный рецепт спасения, потому что таковых не существует. Но такой подход поможет в большинстве сложных ситуаций. Как говорил мой инструктор по выживанию из Вермонта Марк Мури: «Городские жители привыкли к тому, что ничего не меняется. Но это не так. Такой настрой приведет к быстрой или медленной смерти».

Не торопитесь, избегайте импульсивных поступков. Катехоламины – обоюдоострый меч. Они обеспечивают резкий выброс энергии, когда это необходимо. Я знаком с человеком, который приподнял четырехдверный седан Chrysler, придавивший ногу его дочери после аварии. Однако катехоламины могут привести к возбуждению, которое не способствует принятию взвешенных решений. Не стоит следовать примеру водителей снегоходов или горнолыжников, которые в период высокого риска лавинообразования радостно выскакивают на склон, потому что светит солнце и настроение хорошее.

Джон, выдающийся альпинист с тридцатилетним опытом, рассказывал: «Во время моей последней поездки в Пакистан условия для восхождения не были самыми лучшими. Мы начали восхождение, но наши веревки страховки перебил камнепад. Я не хотел продолжать экспедицию, у меня было плохое предчувствие, но мой напарник настаивал. Мы решили подниматься другим маршрутом, и как только начали, я забыл об осторожности и повел себя как кобель, почуявший течку у суки. Я подумал тогда: “К черту осторожность, вперед, поехали!” У нас с собой даже не было полного набора снаряжения. И если честно, мне понравилось». Джон рассмеялся. Странно, что человек с его знаниями и опытом мог пойти на такие безрассудные поступки. «К счастью, для преодоления последней сотни метров до вершины у нас не было необходимого оборудования. Мы не были в состоянии обеспечить собственную страховку, поэтому развернулись на высоте шесть тысяч с чем-то метров и стали спускаться».

Как видите, даже высоким мастерам непросто найти баланс между эмоциями и самоконтролем. Даже опытные профессионалы совершают большие или маленькие, но с серьезными последствиями ошибки. Разница между жизнью и смертью – в способности увидеть ошибку и ее исправить. Даже в самых тяжелых обстоятельствах можно совершить несколько небольших промахов и выжить, если вовремя их поправишь.

Знайте, что вы делаете. Римский император и полководец Марк Аврелий писал: «...всякую вещь рассматривать вполне, что она есть и что в ней вещественное, а что причинное». Знание окружающего мира способно спасти вашу жизнь. Те, кто не понимает, как ведет себя вода, могут перед входом в быстротекущую реку обвязать вокруг пояса

веревку, чтобы спасти тонущего или перейти на другой берег. Часто такие люди умирают, потому что система из веревки и быстротекущей воды затягивает и держит их под водой. Альпинисты на Маунт-Худ не понимали системы, которую использовали, и те силы, которые могут на нее повлиять ([глава 6](#)). Поэтому знайте систему, в которой находитесь и которую применяете, и имейте в виду, что ее сила и скорость могут превзойти ваши ожидания.

Соберите информацию. Когда я повстречал Майка Кроудера ([глава 8](#)) на пляже острова Кауаи, я слабо представлял себе силу океана. Я хотел поплавать, и проблемы могли возникнуть не из-за моей импульсивности или наплыва эмоций, а потому что я не обладал необходимой информацией. В мире достаточно опасных мест: парк Глейшер, Маунт-Худ, гора Вашингтон, река Потомак и большинство горнолыжных курортов. Эти места можно назвать зоной повышенного риска, где одни и те же несчастные случаи происходят с удручающей регулярностью год за годом. Получить необходимую информацию очень просто, для этого надо разговаривать с лесниками, спасателями или представителями властей, которые с удовольствием предоставят все необходимые сведения.

Общайтесь с мертвецами. Если собрать вокруг костра людей, погибших в тех или иных катастрофах, и дать им возможность высказаться, вы пройдете лучший курс по выживанию. Так как это невозможно, читайте отчеты о трагических происшествиях, имевших место в интересующей вас области: «Несчастные случаи в североамериканском альпинизме» (Accidents in North American Mountaineering), информационные письма Американского общества спелеологов (National Speleological Society), «Отчет о безопасности на реках» (River Safety Report), а также целый ряд других специализированных изданий, например «Еженедельные отчеты о болезнях и смертности» (Morbidity and Mortality Weekly Report), и в интернете. Содержащаяся в этих источниках информация может оказаться смешной, трогательной или грустной, но главное, в ней содержатся рассказы об ошибках, которые делают люди. Просто избегайте попадать в ситуации и обстоятельства, которые для других плохо закончились. («Слушай, а это не та самая пещера, в которой утонули аквалангисты?»)

Побольше смирения. Офицер, командир отряда «морских котиков», сказал Элу Сиберту, психологу, изучающему вопросы выживания: «Персонажи наподобие Рэмбо погибают первыми». Не стоит предполагать, что если тебе что-то хорошо удается, то тебе удастся всё. Руководители бизнеса совершают подобные ошибки довольно часто, что подтверждено историей развития Хегох, A&P, Digital Equipment Corporation и многих других компаний. Капитан Габба ([глава 3](#)) был, вне всякого сомнения, прекрасным военным рейнджером. Он знал многое, но его знаний о реках с быстрым течением не хватило (он не *знал* того, *что* он не знал), и поэтому он утонул.

Не стоит зазнаваться от успеха. Парапланерист Джон Бухард пишет: «Ты налетал сто часов, и тебе кажется, что ты все знаешь. Ты умеешь управлять парапланом в теплом воздушном потоке, летал в разных географических рельефах, добирался до нижней части облаков. Ты считаешь, что понимаешь всё. Ты начинаешь рисковать. И тут могут начаться проблемы».

Друг Бухарта Лео тренировался непосредственно перед началом Национального чемпионата 1992 года по парапланеризму в Калифорнии. Первый тренировочный день прошел успешно: Лео пролетел шестьдесят километров и поднялся на высоту 2700 метров. «На следующий день, – рассказывает Бухарт, – он летел на малой высоте в поисках теплого потока воздуха. Мой друг попал в очень сильный поток воздуха, от которого параплан накренился и потерял управление. Он не стал раскрывать парашюта, а пытался выправить параплан, в результате упал и погиб. Я думаю, что, если бы за день до этого Лео не провел такой успешный полет, он раскрыл бы парашют и остался жив». Лео погиб от того, что у него появилась новая вторичная эмоция. «В нашем спорте учитель в большей степени нужен не вначале, а когда человек уже освоил азы парапланеризма. В альпинизме то же самое – находишь учителя, бывалого альпиниста, и во многом познаешь себя с его помощью».

Наиболее успешно выживают те, кто, приобретая опыт, сохраняет умственный настрой начинающего. Например, пилоты должны постоянно напоминать себе о том, что, какими бы крутыми асами они ни были, законы Ньютона никто не отменял. Такие простые вещи могут иногда забываться, и тогда человеку кажется, что ему, как

супермену, стоит только зайти в телефонную будку, переодеться в трико и плащ, после чего он легко воспарит и полетит спасать мир. Существует поговорка: «Есть старые пилоты и смелые пилоты, но старых и смелых не бывает». Подобное утверждение относится ко всем опасным видам спорта и увлечений.

Если возникли сомнения – не делайте. Это не так просто, как кажется. Вы заплатили за авиабилет, необходимое оборудование и долго ждали этого дня. Признать, что вам не повезло, не так легко. В такие минуты спросите себя, стоит ли умирать ради того, что вы собираетесь сделать. Бесспорно, некоторым риск и близость смерти щекочут нервы. (Один мой знакомый полицейский из Чикаго заявил: «Некоторые мечтают умереть под шквальным огнем полиции».) Как говорил Бун Брэккет: «Лучше быть на земле и мечтать о том, что ты в небе, чем быть в небе и мечтать о том, чтобы ты был на земле». Гэри Хоу ([глава 4](#)) приказал вытянуть лодки на берег, когда увидел, что по реке Иллинойс со скоростью двадцать километров в час плывут деревья, в то время как другие этого не заметили и утонули. В Дэвида Стоуна ([глава 5](#)) на склоне пика Кафедрал ударила молния, потому что он не хотел менять план, не имел запасного плана и, вполне вероятно, не лучшим образом контролировал свои эмоции, что в большей или меньшей степени свойственно тем, кто любит приключения.

Дрю Лиман является директором по управлению рисками в Национальной школе по руководству отдыхом на природе (National Outdoor Leadership School, или NOLS), в которой проходят обучение проводники и инструкторы самых разных видов спорта – от сноуборда до сплава по рекам. Лиман считает, что для того, чтобы выжить, нужно «побольше смирения». «В нашей организации мы говорим: “Вершина – не единственное место на горе”. Наберитесь терпения, даже если вы уже пятый год пытаетесь покорить определенную вершину. Тем более что уже третий день подряд погода не улучшается».

«Некоторые в подобной ситуации думают: “Я потратил много денег и не позволю непогоде испортить мне удовольствие”, – говорит Лиман. – В этот момент необходимо сказать себе следующее: “В этот год моя мечта не осуществится”. Иначе возникает очень большой риск столкнуться с неприятностями. Надо здраво оценить собственные физические и психологические возможности и понять, что лучше вернуться на следующий год и попробовать снова, чем попробовать

сейчас и умереть на этой горе». В нашем обществе ценятся те, кто многое успевает и многого достигает, но на дикой природе такое отношение может привести к смерти. Надо реалистично относиться к целям и отведенному на их достижение времени. Будьте счастливы от того, что побывали на свежем воздухе. Воспринимайте восхождение на вершину как приз на будущее».

КОГДА БЕДА СТУЧИТСЯ В ВОРОТА, стоит следовать нескольким простым правилам. Необходимо иметь позитивный психологический настрой. Обвинять во всех грехах других является, бесспорно, любимым времяпрепровождением американцев, что доказывает количество судебных тяжб. Однако такая жизненная позиция не способствует выживанию. Вот отношение Стива Каллахэна, писавшего: «Сидя в преисподней, я наблюдаю райское зрелище» – совсем другое дело.

По поводу жалости к себе Стокдейл написал через призму прочитанного в Книге Иова: «Когда Господь появился и сказал: “Иов, соберись! Жизнь несправедлива...” В тюрьме мне эти слова очень сильно помогли. Они дали ответ на вопрос: “Почему я?” Я перестал думать о том, что все, что со мной происходит, является наказанием за прошлые грехи». Однако подобное отношение не появляется само по себе. Такое отношение к миру формируется в течение всей жизни, и его необходимо развивать. Благодаря ему человек перестает быть жертвой и начинает заниматься собственным спасением.

Как и я, Джеймс Стокдейл считал, что философы-стоики были правы, указывая на то, что выживание является стилем жизни. Джо Симпсон и Стив Каллахэн вели себя как настоящие стоики. Стокдейл рекомендует «курс ознакомления с болью», который можно получить в некоторых школах выживания или совершенно неожиданно во время выезда на дикую природу. Подготовиться к выживанию можно путем борьбы с болью, возникающей в каждодневной жизни. Угроза жизни может возникнуть на дикой природе, во время войны, болезни, в бизнесе, при пожаре и так далее. «Размышления» Марка Аврелия читаются как инструкция по выживанию, потому что он писал книгу во время долгого военного похода, который ему пришлось возглавить как императору; в конечном счете эту войну он выиграл.

Ирвин Эдман в предисловии к «Размышлениям» Марка Аврелия писал: «Чтобы в самой сложной ситуации достичь наилучшего

результата, необходимы сила воли, стойкость, терпение и скромность». Эти слова были написаны Эдманом во время Второй мировой войны, когда союзники боролись за свое выживание. Они применимы к любой опасной ситуации, в которую может попасть каждый из нас.

ВОТ УЖЕ БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ я читаю отчеты о несчастных случаях. Назовите меня черствым, но они мне кажутся комедиями времен немого кино. Люди делают очень странные вещи и попадают в еще более странные ситуации. Если Толстой или Достоевский были бы живы, я обязательно спросил бы у них: «И вы все еще думаете, что ваши герои были странными?»

Когда я читаю описания того, как люди пережили практически неминуемую смерть, я наблюдаю странные закономерности. У тех, кто выжил, разделенных столетиями, а также культурными, географическими, языковыми и другими различиями, наблюдались одинаковые стереотипы мышления и поведения. Я выделил двенадцать качеств и отличий, встречающихся у тех, кто выживает перед лицом смертельной опасности:

1. Наблюдать и верить (смотреть, видеть, верить). Те, кто выживает в критических ситуациях, не перестают воспринимать окружающий мир и не теряют когнитивных способностей. Они не упускают детали происходящего, реагируют на красоту и не теряют чувства юмора. Даже в стадии отрицания они твердо уверены в том, что им подсказывают органы чувств. Такие люди сразу понимают и признают реальность ситуации, в которой оказались. Джо Симпсон ([глава 13](#)) выразил это так: «Сломал ногу. Все кончено. Я умру». Такие люди могут некоторое время винить в своей участи внешние факторы, однако вскоре понимают, что всё – и плохое, и хорошее – начинается с них самих. Они стремятся видеть возможности, которые дает их новое положение. Такие люди быстро проходят все стадии (отрицание, гнев, торг, депрессию и признание). Стоит отметить, что у многих (например, Дебби Кили, [глава 11](#)) этот процесс может затянуться.

2. Спокойствие (юмор, страх – чтобы собраться). Даже на начальной стадии кризисной ситуации страх не является фактором, определяющим поведение. Страх быстро переходит в гнев, который мотивирует действия и обостряет восприятие. Они понимают необходимость собранности и невозмутимости; не допускают наплыва

чувств. Они сохраняют чувство юмора, которое помогает им не терять спокойствия.

3. Думать, анализировать, планировать (ставить перед собой небольшие и выполнимые задачи). Те, кто хочет выжить, быстро собираются с мыслями, устанавливают правила и поддерживают дисциплину. В группах появляются лидеры, которыми совершенно неожиданно могут оказаться люди, раньше не обнаруживавшие своих командирских качеств. Они гонят прочь мысли о безвыходности ситуации. Многие начинают в буквальном смысле слышать «голос разума», который говорит, что́ им нужно делать. Пережившие смертельную опасность упоминают о раздвоении личности и о подчинении рациональной стороне собственного «я». Возникает парадокс: они воспринимают реальность такой, какая она есть, и, несмотря на то что со стороны ситуация видится безвыходной, исходят из того, что у них все получится.

4. Действовать решительно и делать то, что нужно (смелость и осторожность). Те, кто выживает, умеют перейти от мысли к делу. Для спасения собственной жизни и жизней других они готовы идти на риск. Большие цели они разбивают на мелкие и выполнимые задачи. Они ставят достижимые цели и продумывают краткосрочные планы. Они следят за тем, чтобы эти задачи выполнялись самым лучшим образом. Шаг за шагом они делают все, что в их силах, и гонят от себя лишние мысли.

5. Радоваться успехам (даже самым маленьким). Это крайне важно для самомотивации и борьбы с чувством безнадежности. Кроме этого, такое поведение помогает бороться со стрессом и паникой, возникающими в критических ситуациях.

6. Благодарите судьбу (будьте благодарны – вы живы). Именно так жертвы превращаются в людей, которые сами себя спасают. Они всегда помогают и делают что-то для другого, даже если этот человек физически не присутствует там, где они находятся. Йоси Гринсберг, несколько недель бродивший по джунглям Боливии, рассказал мне, что у него были галлюцинации о прекрасной девушке, с которой он каждую ночь спал. Все, что он делал, он делал ради нее.

7. Вносите элемент игры (пойте, декламируйте стихи, разгадывайте загадки, решайте ребусы). Никогда не забывайте, что для выживания необходим нормально функционирующий мозг. Чем

больше информации вы помните (музыка, поэзия, литература, философия, математика), тем шире ваши возможности. Для движения вперед можно использовать ритм и повторяющиеся паттерны, а для поддержания тонуса и развлечения – любые интеллектуальные упражнения. Чтобы успокоиться, можно просто считать в уме, помолиться или прочитать мантру. Движение превращается в танец. Один человек, которому, чтобы спастись, надо было пройти большое расстояние, отсчитывал сто шагов и посвящал их человеку, которого знал.

Стокдейл пишет, что «любовь к поэзии» помогает пережить сложные ситуации: «Ты стараешься вспомнить. Из головы вылетает весь лишний мусор, и ты можешь отдаться воспоминаниям... Я вспоминал стихи каждый день... Сосед, который помнил много стихов, оказывался лучшим подарком судьбы».

Те, кто выживает, часто имеют талисманы. Они ищут скрытый смысл, и чем больше человек знает, тем глубже проникает в этот смысл. Для таких людей кризис – игра. Они становятся похожими на спортсменов или исполнителей, у которых правильный баланс чувств и мыслей приводит к правильным действиям. Призывая самих себя делать все осторожно, они действуют решительно и с радостью. Элемент игры может быть полезен в творческом плане: новый прием, новая стратегия, новый план действий – всё, что полезно для выживания.

8. Замечайте красоту (поиски своего видения). Те, кто выживает, замечают красоту окружающего мира. Восхищение красотой не только помогает снять стресс, но и мотивировать себя, а также более эффективно воспринимать новую информацию.

9. Верьте в успех (будьте уверены в том, что выживете). Все предыдущие пункты привели нас к следующему выводу: те, кто хочет выжить, должны обладать твердым характером и решительностью. Они призывают себя не повторять ошибки и не совершать новых, вести себя осторожно и делать все, что в их силах. Они убеждают себя в том, что если сделают все правильно, то спасутся.

10. «Капитулируйте» (не бойтесь смерти, «спрячьте боль»). Те, кто хочет выжить, игнорируют боль. Лорен Элдер ([глава 13](#)), которая выжила после авиакатастрофы и спустилась с горы, писала, что «спрятала информацию» о том, что ее рука сломана. Джон Лич писал,

что «человек смиряется с судьбой, но не сдается и ищет пути спасения за счет капитуляции». Джо Симпсон смирился с мыслью, что может умереть. Мысль о смерти перестала его тревожить, и он спустился с горы.

11. Делайте все необходимое (решимость и желание действовать). Те, кто выживает, обладают метазнанием. Они трезво оценивают (а не переоценивают или недооценивают) свои способности. Они верят, что при правильном действии возможно все. Элемент игры приводит к творчеству, и человек начинает пробовать сделать то, что может казаться ему неосуществимым. Можно было бы предположить, что после авиакатастрофы Элдер не сможет выжить. Но девушка сумела со сломанной рукой спуститься с крутой горы. Те, кто хочет выжить, не рассчитывают на то, что их спасут. Они относятся ко всему с холодным рационализмом, добывают то, что им необходимо, и делают все, что нужно.

12. Не сдавайтесь (ваш дух не сломлен). Всегда остается что-то, что можно предпринять. Людей, которые хотят выжить, сложно чем-нибудь расстроить. Их не пугают сложности и неудачи. Они знают, что окружающая среда (условия ведения бизнеса или здоровье) постоянно меняется. Они начинают все сначала, достигая цели путем выполнения небольших и выполнимых задач. Они знают, за что страдают. Такие люди создают богатый внутренний мир воспоминаний, который помогает им пережить сложную ситуацию. Они находят в памяти все, что может их отвлечь от лишений. В трудностях они видят новые возможности. И, оставив позади себя смертельную опасность, остаются благодарными за все то, что им довелось пережить.

ДЖОН ГРЕЙ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ГИД, имеющий право водить туристов по национальному парку Глейшер. Его компания Glacier Wilderness Guides имеет на территории парка отель Granite Park Chalet. Среди посетителей особой популярностью пользуется маршрут «Хайлайн» (Highline). Туристы живут в автотрейлерах производства компании Winnebago, стоящих на парковке в центре для посетителей на перевале «Логана». В тех местах уже в августе может выпасть до сорока сантиметров снега. Вооруженные фотокамерами туристы вместе с детьми идут по маршруту и наслаждаются видами. Грей говорит: «Туристы даже не представляют, с чем могут столкнуться. Они не понимают, что в горах

надо быть готовым ко всему. Многие выходят на маршрут без необходимого оборудования и могут попасть в ситуацию, опасную для жизни. В этом году нам пришлось раздать всем мешки для мусора, потому что туристы приехали без теплой одежды и замерзали. В отеле было тепло, а вот в горах... Но никакой другой одежды, кроме мешков для мусора, у нас не было».

«Неизвестность влечет, – говорит Дрю Лиман. – Интересно приехать куда-нибудь и не иметь ни малейшего понятия, что тебя может ожидать. Но прежде чем куда-то ехать, стоит понять, в какие условия вы можете попасть. Это поможет вам разобраться с вопросом, что с собой нужно взять, понять маршрут, ваши цели и время, необходимое для их достижения».

Грей, Лиман и многие другие подчеркивают важность таких элементов приключения, как планирование, подготовка, предосторожность и умение принимать важные решения.

В этом смысле космонавты, являющиеся самой знаменитой группой любителей приключений, дают нам хороший пример. Космонавты прекрасно понимают, что не вправе разбрасываться собственными жизнями. Мы нация любителей приключений, которая оплачивает труд космонавтов, потому что они символизируют приключенческий и исследовательский дух всей нации. Работа космонавтов может быть связана со смертельной опасностью, и некоторые из них будут периодически погибать. Но когда они погибают, мы можем быть уверены, что все меры предосторожности были приняты.

Каждый из нас – герой своего романа. Если кто-то не возвращается из путешествия, поисковики и спасатели будут рисковать своими жизнями, чтобы найти пропавшего человека живым или мертвым. Героизм космонавтов не в том, что они идут на риск (в смерти как таковой нет никакого героизма), а в том, как тщательно и скрупулезно они делают все возможное, чтобы обезопасить свою жизнь. Они делают это не из самовлюбленности. Космонавты понимают тонкую разницу между преданностью делу и осторожностью, основанную на знании деталей, а также между смелостью и слепотой. Для достижения баланса между этими качествами требуется истинное мастерство, поэтому настоящие путешественники являются одновременно и смелыми, и осторожными.

Они точно знают, чем занимаются, и правильно оценивают себя, чтобы в нужный момент принять верное решение и вернуться домой живыми.

Я наблюдал за подготовкой первых членов экипажа международной космической станции космонавтов Боба Кабаны, Джерри Росса и Джима Ньюмана. Для подготовки выполнения задания, на которое ушло две недели, они потратили десять лет. К моменту вылета в космос каждое движение было космонавтам настолько знакомо, что позволило максимально разгрузить ум и мыслить трезво. В состоянии паники невозможно принять взвешенное решение.

Исход опасной для жизни ситуации зависит от умственного, эмоционального и физического состояния. Каждый переживший такую ситуацию человек превращается из жертвы в победителя и переживает целый ряд определенных когнитивных и эмоциональных изменений. Среди этих изменений можно назвать раздвоение рационального начала и эмоциональной сферы, а также неожиданное ослепительное понимание, что человек обязательно выживет. Испытать два этих феномена гораздо важнее, чем иметь хорошую подготовку и оборудование. Эти умственные процессы и изменения являются отражением работы мозга, которую ученые только недавно начали изучать. Люди, занимающиеся опасными видами спорта на природе, смогут многое узнать из этих исследований. Ресурсы, доступные человеку, находящемуся в опасности, являются ограниченными. Те, кто выжил, правильно распорядились ими. Кроме этого, всем выжившим в опасной ситуации сопутствовала удача, и они воспользовались возможностями, которые дарил им судьба. Многие умирают несмотря на то, что в критической обстановке адаптируются и ведут себя правильно, потому что силы природы и обстоятельства оказываются сильнее. Многие делают все правильно, но умирают. Многие делают все неправильно и выживают.

КОГДА Я ИЗУЧАЛ ФИГУРЫ ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА, я дружил с девушкой по имени Джан Джоунс. Она начала заниматься высшим пилотажем приблизительно в одно время со мной. Джан была во всех смыслах обычным человеком: ходила в магазин, принимала по утрам душ, смотрела телевизор и стирала белье. Вместе с мужем она ходила в кино. Как и я, Джан была судьей на соревнованиях. Однажды

она поднялась в воздух на своем самолете компании Pitts Aerobatics и разбилась. Люди поговаривали о том, что она слишком сильно рисковала. Другая моя знакомая делала все, что делала Джан, но только не летала. Она жила очень тихо и мирно, ничем не рисковала. Однажды она почувствовала себя неважно, пошла к врачу, узнала свой диагноз – полиморфная глиома – и умерла через несколько недель. Те, кто умеет выживать, знают, что жить – это значит летать в самолете кабиной вниз (640 человек умерли в 1999 году от того, что поперхнулись во время еды, а 320 утонули в ванне). Хотим мы этого или нет, но все мы и так летим кабиной вниз. Так что можно для прикола и дым пустить. И когда судьба бросит новые вызовы, можно с тем же неизменным спокойствием начать решать новые стоящие перед нами задачи.

Дэвид Лоуренс писал, что каждый год мы упорно не замечаем одной важной даты – даты собственной смерти. Я много раз находился в ситуации, когда доходил до грани – и смерть оказывалась рядом. Я смеялся над ней и играл с ней, как с большой кошкой. Никогда не надо думать, что вам удастся приручить эту кошку.

Каждый из нас может случайно перейти в мир иной во время обеденного перерыва, не идя на какой-либо риск. Но во время путешествий и приключений мы сознательно привлекаем к себе внимание смерти. Все остальные делают вид, что они «в домике», а мы вступаем в спор с безжалостным и неустанным оппонентом. Мы считаем, что живем полной жизнью, в то время как остальные влачат бесцветное существование. В том, что погибают хорошо подготовленные люди во время хорошо распланированной экспедиции, не больше позора, чем в смерти под автобусом. Никто уже не скажет, что не стоило переходить дорогу не по пешеходному переходу. Альпинист Карл Ивен спускался с горы в Орегоне, которую окрестили «Трехпалый Джек». Он отошел от остальных членов группы, оставил ледоруб и рюкзак, ушел с тропы, попал в глубокий снег и упал в двухсотметровую расщелину. Не буду утверждать, что Карл умер, занимаясь любимым делом. У него явно были проблемы с самоконтролем.

Прекрасное путешествие не обязано быть более опасным, чем наша каждодневная жизнь. Нужно понимать, что невидимая ниточка, связывающая нас с жизнью, может в любой момент оборваться. Мы

живем с оглядкой и осмотрительностью, от которых тошнит, – и умираем от рака. Гораздо веселее было бы ввязаться в какую-нибудь авантюру, минимизировать риски, узнать все необходимое и двинуться вперед с пониманием того, что ты сделал все, что мог.

Конечно, многие из нас не хотят видеть быка, но от этого он не исчезнет. Некоторым нравится подходить как можно ближе и дразнить его красной тряпкой. Жить – значит рисковать. Когда ты почувствовал горячий поток воздуха, ощутил зловонное дыхание тления, ты вступаешь в братство тех, кто смотрел смерти прямо в лицо. От этого жизнь становится веселее. Ощущение такое сильное, что, раз попробовав, уже не в состоянии остановиться. В этом случае мы можем сказать, что тот огонь, который горит ярче, быстрее тухнет.

Но мне думается, что если расставить все правильно, то можно и иметь всё. Я придерживаюсь теории, которую моя дочь Амелия называет «теорией внутреннего чувства». Она заключается в следующем: ты не хочешь, когда тебя раздавит автобус и ты будешь лежать в придорожной канаве, чтобы твоим последним чувством было сожаление: «Наверное, надо было бы тогда на лодках пойти...», или «Надо было бы научиться серфингу...», или «Надо было бы полетать кабиной вниз!»

Пит Конрад был третьим космонавтом, слетавшим на Луну. В самый заурядный день он погиб в аварии на мотоцикле. Он умер не сразу, и его успели привезти в больницу. Интересно, о чем он думал перед смертью? Я надеюсь, он думал: «Я сделал всё».

Благодарности

ВСЕ, ЧТО Я НАПИСАЛ, было в той или иной мере создано при сотрудничестве с другими людьми. В первую очередь я хочу поблагодарить мою семью, особенно детей и родителей, которые вежливо переносили мое молчание, эксцентричное поведение и долговременное отсутствие. Мои дочери Амелия и Елена самоотверженно дарили мне любовь, поддержку и делились своими мыслями. Джон Расмус много лет терпел меня и наставлял на путь истинный. Эта книга выросла из ряда эссе, написанных для журнала National Geographic Adventure Magazine, который Джон основал и редактором которого является. Исполнительный редактор этого журнала Джим Мейгс за долгие годы напечатал в нем много моих других статей. На протяжении десятилетий меня во всех смыслах

поддерживали Юнас и Бетси Довиденас, Тони Билл, Хелен Бартлетт, Юджин Лемминг и Бобби Сингер. Без помощи моего редактора Джона Барстоу эта книга вообще не была бы написана. Без помощи моего друга и вот уже тридцать лет как агента Гайла Хохмана мой стимул для написания этой книги был бы минимальным. Рукопись вычитывали Арии Чаэт, Шэннон Моффетт и Шейн О'Хара. Благодарю моего брата Стивена и сына Джонаса. И каждый день я всем обязан Дебби.

Библиография

Accidents in North American Mountaineering / Ed. Jed Williamson. Golden, CO: American Alpine Club, 1997–2001.

Anderson Scott et al. War Comes to America // *Esquire*, 2001, November.

Apter Michael. The Psychology of Excitement. New York: Macmillan Publishing Company, 1992.

Ashcraft Tami Oldham, McGearhart Susea. Red Sky in Mourning: A True Story of Love, Loss, and Survival at Sea. New York: Hyperion, 2002.

Aurelius Marcus. Meditations / Trans. George Long. Ed. Irwin Edman. New York: Walter J. Black, 1945.

Bailey Maurice, Bailey Maralyn. 117 Days Adrift. Dobbs Ferry, New York: Sheridan House, 1992.

Barnhart Robert K. Dictionary of Etymology. New York: HarperCollins, 1995.

Barzun Jacques. Science: The Glorious Entertainment. New York: Harper & Row, 1964.

Bluhm H. H. How Did They Survive? // *American Journal of Psychotherapy*, 1948, vol. 2, no. 1.

Burney Christopher. Solitary Confinement. New York: St. Martins, 1961.

Callahan Steven. Adrift: Seventy-six Days Lost at Sea. New York: Ballantine Books, 1986.

Center for Neural Science, New York University Statement «Overview» Web site.

Chaikin Andrew. A Man on the Moon: The Voyages of the Apollo Astronauts. New York: Penguin Books, 1994.

Charrière Henri. Papillon / Trans. June P. Wilson, Walter B. Michaels. New York: Morrow, 1970.

Chatwin Bruce. The Songlines. New York: Viking Penguin, 1988.

Cherry-Garrard Apsley. The Worst Journey in the World. Santa Barbara, CA: Narrative Press, 1922.

Clausewitz on Strategy: Inspiration and Insight from a Master Strategist / Trans. William Skinner. Ed. Tiha von Ghyczy, Bolko von Oetinger, Christopher Bassford. New York: John Wiley & Sons, 2001.

Clifford Hal. The Falling Season: Inside the Life and Death Drama of Aspen's Mountain Rescue Team. Seattle: Mountaineers Books, 1998.

Collins Jim. Good to Great. New York: HarperCollins, 2001.

Conrad Joseph. Lord Jim. New York: Oxford University Press, 1999.

Damasio Antonio. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York: HarperCollins, 1994.

Damasio Antonio. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. San Diego: Harcourt, 1999.

Dostoevsky Fyodor. Memoirs from the House of the Dead / Trans. Jessie Coulson. Ed. Ronald Hingley. New York: Oxford University Press, 1991.

Drury Bob. The Rescue Season. New York: Simon & Schuster, 2001.

Elder Lauren, Streshinsky Shirley. And I Alone Survived. New York: Thomas Congdon, 1978.

Epictetus. Enchiridion / Trans. George Long. New York: Prometheus Books, 1991.

Faith Nicholas. The World the Railways Made. New York: Carroll & Graf, 1990.

Fredston Jill, Fessler Doug. Snow Sense. Anchorage, Alaska: Alaska Mountain Safety Center, 1999.

Fussell Paul. Wartime: Understanding and Behavior in the Second World War. New York: Oxford University Press, 1989.

Ghinsberg Yossi. Back from Tuichi. New York: Random House, 1993.

Gladwell Malcolm. The Art of Failure // The New Yorker, 2000, August 21–28.

Gladwell Malcolm. Wrong Turn // The New Yorker, 2001, June 11.

Gleick James. Chaos. New York: Penguin Books, 1987.

Glynn Ian. An Anatomy of Thought: The Origin and Machinery of the Mind. New York: Oxford University Press, 1999.

Goleman Daniel. Primal Leadership: Realizing the Power of Emotional Intelligence. Cambridge, MA: Harvard Business School Press, 2002.

Gray Mike. Angle of Attack: Harrison Storms and the Race to the Moon. New York: Norton, 1992.

Haines R. F. A Breakdown in Simultaneous Information Processing // Presbyopia Research / Eds. G. Obrecht, L. Stark. New York: Plenum, 1991.

Hampden-Turner C. M. Maps of the Mind. New York: Macmillan Publishing Company, 1981.

Herodotus. The Histories / Trans. Robin Waterfield. Intro. Carolyn Dewald. London: Oxford University Press, 1998.

Herr Michael. Dispatches. New York: Avon Books, 1968.

Hill Kenneth. Lost Person Behaviour. Ottawa: National SAR Secretariat, 1997.

Hill R. C., Levenhagen M. Metaphors and Mental Models: Sensemaking and Sensegiving in Innovative and Entrepreneurial Activities // Journal of Management, 1995, vol. 21, no. 6.

Jamieson Bruce, Geldsetzer Torsten. Avalanche Accidents in Canada. Vol. 4: 1984–1996. Revelstoke, BC: Canadian Avalanche Association, 1996.

Johnson-Laird P. N., Oatley K. Basic Emotions, Rationality, and Folk Theory // Cognition and Emotion, 1992, vol. 6, p. 201–223.

Kiley Deborah Scaling, Noonan Meg. Untamed Seas: One Woman's True Story of Shipwreck and Survival New York: Houghton Mifflin, 1994.

Kihlstrom J. F. The Cognitive Unconscious // Science, 1987, 237.

Krakauer Jon. Into Thin Air. New York: Villard Books, 1997.

Kübler-Ross Elizabeth. On Death and Dying. New York: Macmillan Publishing Co., 1969.

Lao-tzu. Tao Te Ching / Trans. Victor H. Mair. New York: Bantam Books, 1990.

Leach John. Survival Psychology. New York: New York University Press, 1994.

LeDoux Joseph. The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life. New York: Simon & Schuster, 1996.

LeDoux Joseph. The Synaptic Self: How Our Brains Become Who We Are. New York: Viking, 2002.

Leschak Peter M. Ghosts of the Fireground. New York, HarperCollins, 2002.

Leslie Edward E. Desperate Journeys, Abandoned Souls: True Stories of Castaways and Other Survivors. New York: Houghton Mifflin, 1988.

London Jack. Best Short Stories of Jack London. Garden City, NY: Garden City Books, 1901.

Lopez Barry. Arctic Dreams: Imagination and Desire in a Northern Landscape. New York: Bantam Books, 1986.

Mack Arien, Rock Irvin. Inattentional Blindness. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

Mayer Richard. Thinking, Problem-Solving, Cognition. New York: W. H. Freeman & Co., 1983.

Newell A., Simon H. Human Problem Solving. Boston: Little, Brown, 1972.

Nisbett R. E., Wilson T. D. Telling More Than We Can Know: Verbal Reports on Mental Processes // Psychological Review, 1977, 84.

O'Keefe John, Nadel Lynn. The Hippocampus as a Cognitive Map. New York: Oxford University Press, 1978.

O'Mara Shane M. Spatially Selective Firing Properties of Hippocampal Formation Neurons in Rodents and Primates // Progress in Neurobiology, 1995, vol. 45.

Orwell George. 1984. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1949.

Outside Online «Lost & Found: Reports from the field», 2002 January 29.

Perrow Charles. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Philbrick Nathaniel. In the Heart of the Sea. New York: Penguin Books, 2000.

Pierpont Claudia Roth. Tough Guy // The New Yorker, 2002, February 11.

Plato. Republic / Trans. G. M. A. Grube. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1992.

Read Piers Paul. Alive: The Story of the Andes Survivors. New York: Avon Books, 1975.

Remarque Erich Maria. All Quiet on the Western Front / Trans. A. W. Wheen. New York: Ballantine Books, 1982.

River Safety Report. American Canoe Association / Ed. Charlie Walbridge. Birmingham, AL: Menasha Ridge Press, 1986–1999.

Robertson Dougal. Survive the Savage Sea. Dobbs Ferry, NY: Sheridan House, 1994.

Sagan Scott D. The Limits of Safety: Organizations, Accidents and Nuclear Weapons. Princeton: Princeton University Press, 1993.

Saint-Exupéry Antoine, de. Airman's Odyssey / Trans. Lewis Galantière. New York: Reynal & Hitchcock, 1942.

Selye Hans. The Stress of Life. New York: McGraw-Hill, 1956.

Siebert Al. The Survivor Personality. New York: Penguin Putnam, 1996.

Simpson Joe. Touching the Void: The Harrowing First-Person Account of One Man's Miraculous Survival. New York: HarperCollins, 1988.

Stockdale James B. A Vietnam Experience. Stanford: Hoover Press, 1984.

Survive: Stories of Castaways and Cannibals / Ed. Nate Hardcastle. New York: Thunder's Mouth Press, 2001.

Suzuki Shunryu. Zen Mind, Beginner's Mind. New York: Weatherhill, 1970.

Tolman Edward C. Cognitive Maps in Rats and Men // Psychology Review, 1948, 55.

Trinity College, Dublin, «Mental Models» Web site.

Waldrop M. Mitchell. Complexity. New York: Simon & Schuster, 1992.

Wilde Gerald J. S. Target Risk 2: A New Psychology of Safety and Health. Toronto: PDE Publications, 2001.

Wolfe Tom. The Right Stuff. New York: Bantam Books, 1979.

Yerkes Robert M., Dodson John B. The Relation of Strength of Stimulus to Rapidity of Habit-Formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology, 1908.

Zuckerman Marvin. Sensation Seeking: A Comparative Approach to a Human Trait // The Behavioral and Brain Sciences, 1984, 7.

Wilderness Risk Management, 1999. Conference Proceedings, 2001, October 26–28, Lake Geneva, Wisconsin.

Wilderness Risk Management, 2001. Conference Proceedings, October 26–28, 2001, Lake Geneva, Wisconsin.

Примечание

КАК ШИРОКО ИЗВЕСТНО в судебных кругах, свидетельства очевидцев бывают очень неточными. Органы восприятия могут дать сбой и обмануть нас, особенно в стрессовой ситуации. Поэтому довольно часто случается, что после трагедии появляется столько

вариантов происшедшего, сколько было свидетелей. Несмотря на то что я все силы приложил к тому, чтобы описание событий в этой книге было приведено максимально точно, и, где это было возможно, полагался на официальные отчеты, относительно некоторых деталей могут существовать разночтения, которые я совершенно не отрицаю. История падения на землю моего отца не исключение. В Германии я провел интервью с рядом людей, которые были на месте падения самолета 23 января 1945 года; каждый из них рассказал мне историю, сильно отличающуюся от историй остальных. То же самое произошло, когда через несколько дней после событий на Маунт-Худ я провел интервью с теми, кто непосредственно участвовал или видел трагедию. Все они запомнили ход событий по-разному и в разном порядке. Несмотря на различия во мнениях, я постарался изложить ход событий, как мне кажется, наиболее правильно на основе материалов, которые были мне доступны.

Чтобы не вторгаться в личную жизнь людей, некоторые имена я изменил.